ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1988

ФОТОКОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

РОБЕРТ ФАЛЬК. СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПРИЛАВКА

СОЛНЦЕ. ВОЗДУХ. А ВОДА..?

V136

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (3190)

10—17 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Солнце. Воздух. А вода?.. По-прежнему ли наш друг черноморская вода? (См. в номере материал «Зона рискованного отдыха».)
Фото Валерия ШУСТОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 22.08.88. Подписано к печати 06.09.88. А 10398. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2866.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Фото Игоря ФЛИСА

НЕУДО

ПЕРВОЕ, ЧТО Я О НЕМ УСЛЫШАЛ, БЫЛО:

— У КНЯГИНИНА, ПОНИМАЕШЬ, КРУПНЫЙ НЕДОСТАТОК. ЕСЛИ ПЕРЕД НИМ ДУРАК, ТО ОН ТАК ЕМУ В ГЛАЗА И СКАЖЕТ: ДУРАК, БУДЬ ТОТ ХОТЬ САМЫМ РУКОВОДЯЩИМ. НИКАКОЙ ГИБКОСТИ, НЕУДОБНЫЙ ОН ЧЕЛОВЕК.

— СМЕШНОЙ ТИП,— СКАЗАЛ О НЕМ ДРУГОЙ,— ВЗДУМАЛ ИДТИ НАПРОЛОМ, БИЛСЯ ГОЛОВОЙ О СТЕНУ, ВОТ И РАСШИБСЯ. А НАДО БЫ — ГДЕ В ОБХОД, ГДЕ ПОЛЗКОМ, А ГДЕ И ОТСТУПИТЬ...

— ТАЛАНТИЩЕ ОГРОМНЫЙ, КОНСТРУКТОР РЕДКОГО ДАРА, ВРЕМЯ СВОЕ ОПЕРЕДИЛ. ТАКИМ ОБЫЧНО ТРУДНО, ТАКИХ ПРИ ЖИЗНИ НЕ ПОНИМАЮТ.

— ОН ЖЕ ПРЕСТУПНИК, ЭТОТ ВАШ КНЯГИНИН. НЕ ЗРЯ, НЕ ЗРЯ СРОК СХЛОПОТАЛ. ТУДА ЕМУ И ДОРОГА.

— ЛИЧНОСТЬ, СВЕТЛАЯ ГОЛОВА. РУКОВОДИТЕЛЬ КАКИХ МАЛО, РЕВОЛЮЦИОНЕР. ТАКИЕ, КАК ОН, ДВИГАЮТ ПЕРЕСТРОЙКУ...

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька» по Казахской ССР

Александра Александровича Княгинина, директора Семипалатинского опытно - экспериментального завода по промышленным овцеводческим комплексам, арестовали на квартире его сестры в Алма-Ате. Сюда он поехал по важному делу.

— Вот немного не успел,— виновато сказал он вошедшим,— тут у меня важные расчеты для Госагропрома. Может, подождете денек?

— Одевайтесь, гражданин Княгинин,— хмуро ответствовал конвоир. Сестра плакала...

Право называться товарищем Княгининым он должен был получить лишь через четыре года (областной суд Семипалатинска определил ему меру наказания шесть лет, Верховный суд Казахской ССР оставил четыре года колонии строгого режима с конфискацией имущества). Однако уже через несколько месяцев пленум того же Верховного суда республики (после протеста Прокуратуры СССР) принял решение освободить его из-под стражи. Что же произошло?

* * *

— Как ехал в колонию, лучше не вспоминать. Тяжело? Не то слово. Семь этапных тюрем миновал, пока в декабре «домой пришел», как выражаются зеки, в Уссурийскую тайгу, в ту самую колонию строгого режима, где я должен бы исправляться непонятно, правда, от чего, от каких прегрешений. Ну, ладно. Ознакомилось тамошнее начальство с моим делом. Ага, директор, да к тому же главный конструктор. Куда его? А в колонии свой завод есть, при нем, естественно, техчасть. Меня — туда, за кульман, чертежи делать.

Порядок, определенный в колонии, разрешал заключенному Княгинину два письма в месяц. Он знал, с каким нетерпением ждали от него весточку родные, но первые письма отправил все-таки не им.

* * *

Записку заключенного Княгинина в крайкоме партии и крайисполкоме прочитали с вниманием и некоторым удивлением. Его рассуждения отличались несомненной логикой (действительно, в крае остро ощущалась нехватка кормоперерабатывающей техники). Несколько настораживал напор Княгинина и его уверения, что производство нужной техники можно наладить в считанные месяцы, чуть ли не недели. Это попахивало прожектерством, тем более что странный заключенный обещал помочь в полной меха-

БНЫЙ

низации пастбищного животноводства, писал о каких-то складывающихся изгородях, применение которых сделает ненужной профессию пастуха... И вообще какой-то чудак. Нормальный зек стремится отлынивать от лишней работы, а этот ищет ее. В чем тут дело? После консультации с начальником колонии решили направить к Княгинину спецов из агропрома.

* * *

К конструированию Княгинина подтолкнули врожденная жалость горожанина к животным и презрение к кабинетной работе. Когда он оканчивал институт, ему предложили ехать в Тургай... секретарем райкома комсомола.

— Все, что угодно, только не это,— твердо ответил он.

— Главным инженером в совхоз поедешь?

Он согласился без колебаний, хотя знал, что тогда, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, Тургай представлял собой одну из самых глухих провинций. Мать, узнав о его решении, причитала: «Куда тебя, Сашка, несет, горе ты мое? Там бездорожье, там волки, там болезни, там на верблюдах в гости ездят...» «Ничего, мать,— успокаивал он ее,— будут там и самолеты, и асфальт».

— А совхозище достался мне преогромный, его из трех колхозов слепили, мода тогда пошла укрупнять,— вспоминал Александр Александрович.— Восемь отделений, из одного угла в другой ехать двести сорок километров. Одних овец 85 тысяч голов, да лошадей и коров многие тысячи, да земель пахотных... Ох, и дали мне жизни те овечки грубошерстной породы! Они привычку имеют линять, свою зимнюю шубу сбрасывать самостоятельно и где попало, причем быстро — за двадцать дней. Не успеешь их постричь — шерсти не видать. Так оно и выходило, поскольку стрижка растягивалась до полутора месяцев, когда от роскошных шуб жалкий клочок на спине оставался. Потери громадные, а никого особенно не волнуют.

И так жалко мне стало моих овечек, обидно за них. Я решил исправить нелепое положение, при котором теряется добрая половина продукции, а под маркой потерь еще и разворовывается. Только как исправить? Слетал в Ставрополь в институт овцеводства, поплакался ученым. Посочувствовали, но чем конкретно помочь, не знали. Стал думать сам и надумал построить стригальный цех сразу на сто машинок! Такого во всем Казахстане не было...

О том, как строил Княгинин свой цех, надо бы писать отдельную историю.

— Зачем тебе этот цех? — спрашивали его все, от рядового чабана до партийных работников.— Будет ли толк? Оправдаются ли затраты? Не опозоримся ли?

За всеми этими сомнениями слышалось традиционное: как бы чего не вышло. Княгинин срывался, мог наговорить дерзостей, потом быстро остывал, но — поздно... Впрочем, свой стригальный цех построил. Дела в совхозе пошли веселее, он впервые выполнил и перевыполнил план сдачи шерсти. Как водится, поехали к Княгинину за опытом. Как водится, сомневавшиеся и даже вставлявшие палки в колеса начальники теперь давали понять, что без их участия новаторство бы не состоялось. Все это Княгинина смешило и злило одновременно.

Конечно, большой стригальный цех — это неплохо, но часть овец приходится гнать в эту парикмахерскую за многие десятки километров, а потом обратно, к пастбищам. А если наоборот: цех — к овцам? Идея! Поставить цех на колеса.

Немедленно Княгинин принялся за расчеты и чертежи, еще не предполагая, что логика дела приведет его к революционной идее — заставить и кошару, и поилки ходить за отарой. Это случится позже, когда вслед за передвижным стригальным пунктом он придумает так называемый чабанский комплект, сразу же отмеченный медалью ВДНХ в Москве, в который входили и раскладывающийся по схеме зонта дом для чабана, и укрытия для овец, способные трансформироваться в навес, теплую кошару, наливной водопойный пункт, ветеринарный уголок... Опять его хвалили; и вновь он был неудовлетворен сделанным. Он задумал создать комплекс машин для промышленного овцеводства...

* * *

Первый раз он «сломал себе шею», когда из совхозного инженера превратился в научного сотрудника Целинного НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства. Через два года Княгинин считался уже ведущим конструктором. Он становится членом ученого совета института, коммунистом. Его группа разрабатывает технологию производственных процессов и систему машин для промышленных овцекомплексов. Все, казалось бы, прекрасно, но через три года Княгинина из института увольняют и исключают из партии. А было ведь решение местного комитета: «Просить Министерство сельского хозяйства республики за склоки, учиненную расправу, за сведение личных счетов уволить А. Ю. Терпиловского (зам. директора института.— **Ю. Л.**) с работы. Княгинина восстановить». Не восстановили. Сначала администрация под видом сокращения ликвидировала лабораторию (самую перспективную) неудобного Княгинина, а его группу перевела в подчинение завлабу, любившему делать престижные доклады за чужой счет. Механизм «исправления» строптивца заработал на полную мощность.

Вторично он прослыл неудобным в Актюбинске, где работал главным конструктором завода сельхозмашин. Здесь он пытался прекратить выпуск морально устаревшей техники. Сплотил вокруг себя беспокойных людей, изобретателей, инженеров, конструкторов. Безоблачное существование завода с треском рапортов о перевыполнении плана с премиями, с похвалами начальства вдруг рухнуло. И немедленно почувствовал Княгинин сопротивление своим идеям. Не только со стороны администрации завода. Он написал в ЦК партии, в правительство страны докладную записку на 28 страницах с объяснением своей позиции, экономическими расчетами, предложениями о создании системы машин, которые помогут решить проблемы овцеводства. Его вызвали в Москву, где он выступил перед несколькими министрами и их замами, имеющими отношение к сельскому хозяйству, перед партийными работниками. Его рассказ показался убедительным. Княгинина спросили, что необходимо для воплощения его замыслов в жизнь.

— Крупное конструкторское бюро, самостоятельное производство при нем и финансирование,— ответил он. Вскоре было решено создать опытно-экспериментальный завод по промышленным овцекомплексам и назначить его директором Княгинина... В Актюбинск он возвращался победителем. А через две недели состоится разбор его персонального дела, его обвинят в попытках срыва государственного плана, в высокомерии и грубости, исключат из партии и уволят.

В третий раз Княгинин «сломал себе шею» в Семипалатинске. История эта и сегодня еще не окончена.

* * *

Княгинин спешил. Здесь, в колонии строгого режима, в которую его заключили, он стал фактически... руководителем конструкторской группы, вновь обрел свое любимое дело, почувствовал, что он нужен. Дай ему волю, он бы и ночами работал, но работать сверх нормы здесь не полагалось. Впрочем, думать ему никто запретить не мог, и долгими бессонными ночами он успел много раз обдумать свою судьбу и много раз прийти к единственному выводу: он не может, не имеет права отступить.

19 февраля 1988 года Пленум Верховного суда Казахской ССР вынес постановление о его освобождении. В тот же день по поручению коллектива Семипалатинского опытно-экспериментального завода в Уссурийск вылетели встречать своего директора бригадир и заместитель главного конструктора. Они не предполагали, что застрянут там на целый месяц (поскольку документы об освобождении Княгинина «случайно» отправят из Верховного суда куда-то не туда). Но им оформят пропуска в колонию, где вместе с Княгининым-Уссурийским (так шутя они его приветствовали) примут самое деятельное участие в работах на конвейере, выпуске первого измельчителя кормов и комплекса для производства травяной муки... Только 19 марта Княгинин получил наконец свободу. А накануне из цеха выкатилась первая машина для села! Теперь он был уверен, что остальные сделают и без его помощи, по оставленным чертежам. Еще раз доказал: его идеи — не прожектерство.

* * *

Следствие «по делу» Княгинина продолжалось почти три года (все это время он работал директором и главным конструктором завода). Оно начиналось еще в то время, которое сейчас принято называть застойным. Увлеченно проверялись анонимки на директора (неважно, что ничего не подтверждалось). Княгинин предложил обсудить на общем собрании коллектива, достоин ли он им руководить. И собрание состоялось. Оно единодушно осудило... сомнения Княгинина, подтвердило его право быть директором, отметив при этом известные недостатки его характера: вспыльчивость, доходившую иногда до грубости...

Увлеченно трудились на заводе проверочные комиссии, иногда представленные малокомпетентными людьми. Тогда и появлялись выводы, например, о незаконном начислении премий работникам завода, поскольку государственный план по выпуску продукции, дескать, не выполнен. И делался вывод о приписках.

Тщетно доказывал Княгинин, что критерии оценки опытного завода совсем другие — не выпуск серийной техники, а разработки новых моделей. Его не слышали. А может быть, просто не хотели услышать? Скрытой камерой фотографировали работники УВД этапы строительства Княгининым своей дачи по воскресеньям и даже интимную его жизнь. Для чего? Авось пригодится? Не пригодилось, дача строилась на свои кровные...

Очередное уголовное дело все-таки кончилось судом.

Следствие представило Александра Александровича Княгинина мошенником, надувшим государство почти на 1,3 миллиона рублей (приписки в реализации экспериментальных машин и на их основе незаконная выплата премий).

В суде обвинение под напором фактов затрещало по всем швам, миллион таял и должен был растаять совсем. Но тогда за что же боролись? «Повисли» 27 тысяч рублей (кстати, за сутки завод выпускал тогда продукции на 40 тысяч рублей). Второе обвинение: кража с завода листового железа по предварительному сговору с неким Мирзаевым, действительно оказавшимся жуликом. Мирзаев «чистосердечно признался», что за операцию дал Княгинину взятку. С «чистосердечностью» приключился конфуз: в день дачи ему взятки Княгинин на заводе... отсутствовал, находился в командировке. Как и в день вывоза Мирзаевым металла с завода. Вывозом распоряжался заместитель директора Филатов... Филатова, кстати, быстренько убрали с завода, пересадив в другое руководящее кресло, а гражданина Княгинина под усиленной охраной повезли на восток.

* * *

Снова и снова размышляю о драматической судьбе Княгинина. Пытаюсь понять, что давало и дает ему силы, чтобы выстоять в борьбе с несправедливостью. Ответить в общем-то просто: вера в правоту своего дела. Он всегда оставался самим собой. Не умел подстраиваться под чье-то мнение, если был с ним не согласен (ему и в голову это не приходило), в глаза говорил то, что думал. И потому считался везде и везде неудобным. Он раздражал своей инициативой начальников, привыкших только в своей воле видеть истину в последней инстанции, способных разрешить чью-то самостоятельность только по их дозволению. Княгинин дозволения не спрашивал...

Биолог подсказал ему идею выращивания хлореллы (в качестве добавки к кормам), и Княгинин немедленно создал на заводе опытную установку для ее производства (получилось, но промышленно сделать не дали)... С помощью физиков рождался автоматический счетчик овец, совмещенный с весами, и т. п. Но главным генератором идей был сам Александр Александрович, сконструировавший не один десяток машин, не имеющих аналогов в мире...

Мне казалось, что человека, создавшего на пустом месте современный первоклассный завод (кстати, единственный подобного профиля в стране), разработавшего оригинальную технологию промышленного овцеводства, надо бы на руках носить! «Да что вы, хотя бы не мешали»,— посочувствовал сам себе Княгинин. А ему постоянно вставляют палки в колеса. О том, как он создавал завод, можно бы тоже отдельную историю писать. Как вместе с рабочими директор вылавливал баграми плавник на Иртыше, чтобы напилить из тех бревен доски для строительства. Как вместе с конструкторами чертил ночами проекты заводоуправления, цехов, жилого дома, профилактория, как вместе с инженерами организовал производство дефицитного кирпича. Княгинин задолго до нынешних революционных сдвигов в экономике (еще в 1979 году) перевел свой завод на принципы хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости, влил в бригады рабочих инженеров и конструкторов, получавших зарплату по конечному результату. Директор поддерживал самые фантастические проекты, создав на заводе некое подобие постоянно действовавшей выставки «безумных» идей. Кстати, сами идеи могли здесь воплощаться весьма быстро, даже по эскизам: все возникавшие проблемы решались по ходу дела, на месте. Рабочие включились в творческий процесс, не боясь подсказывать какие-то решения конструкторам, а те не считали зазорным принимать их советы. Все делали общее дело... Директор не ждал заказчиков на продукцию завода, он их активно искал и находил не только в Казахстане, но и в Сибири, Подмосковье, на Алтае, Украине.

Новатор был изгнан и осужден как крупный расхититель (при конфискации у него описали имущества аж на тысячу с небольшим рублей). Но случилось невероятное: рабочие защищали своего директора до конца, не отступились от его идей. Когда представитель райкома партии предложил на общем партийном собрании завода исключить Княгинина из партии (еще не было суда, еще не ясно было, чем он кончится), то единогласно проголосовали «против». А действительно, почему повсеместно принято наказывать по партийной линии коммуниста еще до суда? Фактически признавать его виновным, тогда как это решает только суд? И как теперь товарищи из райкома, отобравшие вопреки решению первичной организации партбилет у Княгинина, будут смотреть ему в глаза? Ведь придется партийный билет возвращать.

Рассказал знакомому чабану об идеях Княгинина. Он послушал про загоны, про умные машины, про вахтовый ме-

тод, про передвижные стригальные пункты, а потом сказал:

— Прекрасно, но я бы тоже увел свою отару из загона... Почему? Ну, хорошо, тебе скажу откровенно. Только с условием: назовешь мою фамилию, от всего откажусь. Пойми, ты уедешь, а мне тут жить. Так вот, у меня с помощниками отар в шестьсот голов, за которую мы отвечаем перед государством. Питаемся, естественно, бараниной, поэтому вместе с государственными держим своих овечек. Сколько — говорить не стану. Приходят два моих брата, один — механизатор, второй — учитель: попаси десяток наших овец. Как откажешь? Почему, почему? Ты на пустые полки сельмага взгляни, там ответ! Мяса нет, а им семьи кормить надо... Начальство обо всем знает, но закрывает глаза, потому что в моей отаре пасутся овцы главбуха, в соседней — директора совхоза, в третьей — парторга, в четвертой — районного прокурора. Вершина пирамиды скрывается в областных сферах. Причем начальник рангом повыше норовит разбросать свою скотинку в несколько отар. Это, конечно, нахальство. Не возразишь.

Мне сомнительно, чтобы система Княгинина помогла наполнить полки сельмага бараниной. Да и привык, честно говоря, степной житель к собственным барашкам. Спросить бы об этом самого Княгинина!..

Я спросил. Александр Александрович ответил как о давно продуманном:

— Наша технология легко разрешает проблему личного скота: просто рядом с государственным ставим кооперативный загон, в котором будут содержаться собственные овцы чабанов, школьных учителей, главбуха, парторга... Хочешь взять для своих нужд, пожалуйста, бери — распишись в книге учета. Только и всего...

Я уверен, что эксперимент приведет к решительному революционному перевороту во всем чабанском деле, к перестройке. Иначе трудно бороться с содержанием личного скота в государственных отарах. Существующая система к этому подталкивает. Сколько сейчас неучтенного скота? Кто скажет?

Я попытался навести на этот счет справки и выяснил, что при пересчете скота только в прошлом году выявлено 1,2 миллиона овец, 183 тысячи голов крупного рогатого скота, 85 тысяч лошадей и верблюдов, находившихся в личном пользовании, их незаконно содержали за государственный счет в общественном стаде. Сами контролеры утверждают, что картина далеко не полная.

* * *

Александр Александрович Княгинин на свободе, он главный конструктор опытного завода промышленных овцекомплексов, заместитель директора, снова вернулся к делу, которому посвятил жизнь. Но есть одно «но». Пленум Верховного суда республики свое решение о его освобождении сопроводил маленькой припиской: «Отправить дело Княгинина на доследование». Что это, скрупулезные поиски истины или...

Княгинин вернулся на завод, и теперь новый директор Шумский собирается задать в Госагропроме вопрос: когда состоится прерванный эксперимент? Думаю, что ответ, который он получит, покажет, дошла ли туда и до Семипалатинска перестройка. Пока же увлеченно проводится на заводе доследование дела Княгинина. Заметят ли следователи, что Александр Александрович предложил технологию, а завод изготовил для нее все необходимое, которая поднимет производительность труда в овцеводстве в полтора десятка раз и прибавит в государственную казну десятки миллиардов рублей? Шесть раз они этого не замечали.

ПРОШУ СЛОВА!

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ваш журнал, как и многие другие издания, с большой экспрессией пишет о проблемах тиражей, подписке и прочем. Страсти накаляются. Вполне разделяю многие высказывания на этот счет. И все же... Самое удивительное, что все шишки падают на голову работников министерства связи, хотя один ответственный товарищ из этого министерства прямо заявил, что «тиражной политикой министерство связи не занимается».

Не менее тридцати лет перед газетчиками и журналистами стоит проклятый вопрос о бумаге. Ее действительно не хватает, и, видимо, за 2—3 года дефицит не будет преодолен.

По-моему, для решения вопроса о тиражах сегодня необходимы не только душераздирающие телеграммы от несчастливых граждан, а серьезный анализ состояния нашей периодической прессы. В том же номере журнала «Огонек», где напечатана беседа с заместителем министра связи, публикуется «экспресс-анализ» Бориса Грушина, профессора, первого заместителя директора Всесоюзного центра изучения общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруде СССР. По праву старого сотоварища обращаюсь к нему с вопросом: что сделал, дорогой Борис Андреевич, ваш центр для серьезного (не в стиле «экспресс») изучения проблем подписки гипертрофированных тиражей центральных изданий и далеко уступающих им тиражей областной и республиканской печати? Насколько велика опасность нового взрыва в подписной кампании 1989 года по сравнению с 1988 годом? Вполне возможно, не будь ограничений, подписка в целом не превысила бы наши бумажные резервы.

Хотелось бы также узнать у ответственных товарищей, отчего при таком жестком дефиците бумаги созданы и продолжают создаваться журналы, целесообразность издания которых весьма проблематична. Созданы журнал «Трезвость и культура», газета «Ветеран», журналы «Наше наследие», «Родина». Издается множество ведомственных газет, чьи страницы по меньшей мере на пятьдесят процентов заняты той общесоюзной и международной информацией, которая присутствует в других центральных газетах.

Кстати сказать, театральная и киновкладки в газете «Советская культура» — отличный и экономный пример удовлетворения претензий Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов на собственную прессу.

Какова сегодня роль районных газет? В свое время они были упразднены, так как практически превратились в листки объявлений районного начальства, не поднимались до анализа положения дел в районе. Быть может, и сейчас подумать о придании областным газетам районных вкладок, а в самих этих газетах усилить роль разъездных корреспондентов.

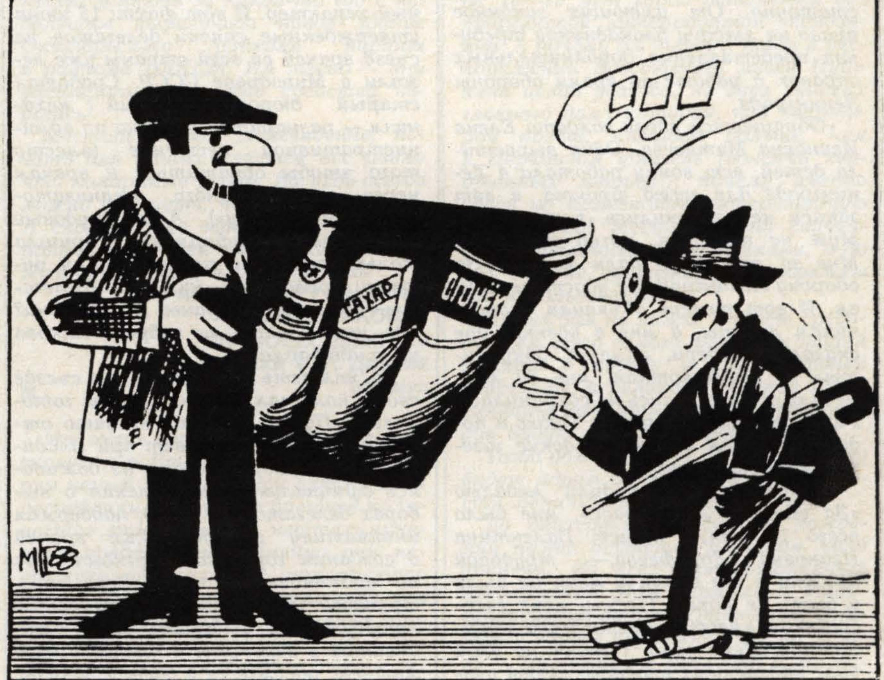
В начале 60-х годов «Правда» и «Известия» сверстали газеты с наборами вкладок по различным отраслям производства. Предполагалось, что подписчик может выписать «Правду» и «Известия» с тем или иным набором интересующих его дополнительных вкладышей. Конечно, задуманная ликвидация ряда ведомственных газет уже в ту пору вызывала сопротивление журналистов. Но ведь это могло бы дать огромную экономию бумаги. Что проиграла бы, например, «Медицинская газета», если бы выходила в виде вкладки в той же «Правде», а «Советская торговля» в виде дополнительного листка в «Известиях»? Это тысяча тонн бумаги, которую бы мы реально имели сегодня. Точно так же с новыми журналами. Ужель не соединимы темы трезвости, чести, достоинства человека с тем, что интересует ветеранов труда?!

Иными словами, решение проблемы тиражей лежит не в плоскости «держания удара», а в серьезной и ответственной перестройке нашего газетно-издательского дела.

Нет, совсем не в духе времени оказалась история с подпиской на 1989 год. И самое печальное, и об этом надо сказать прямо: эта поспешность воспринимается многими как свидетельство непродуманности, авральности, незнания реальной ситуации.

Я далек от того, чтобы считать свои замечания полностью приемлемыми. Просто, и об этом журналисты хорошо знают, обществу надоели шараханья. И в истории с налогообложением кооператоров, и в подписном деле, ибо это свидетельства куда большего — безответственности.

Алексей АДЖУБЕЙ



Потрясение...

Рис. С. МАЛАХОВА («Советская Эстония», 28 августа 1988 г.).

ЖАЛКИЙ АРГУМЕНТ ОТСУТСТВИЕ БУМАГИ НЕ ПРИНИМАЕМ ВИДИМ ГОРЫ МАКУЛАТУРЫ В МАГАЗИНАХ КАК СООТНЕСТИ СО СЛОВАМИ О НЕОБХОДИМОСТИ УЛУЧШЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ — РАБОТНИКИ ОТДЕЛА ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА ПО ГОРЬКОВСКИЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЗАВОД ОРЛОВА РАДОНЦЕВА ХАРЧЕВА МИЛЮТИНА МУРЗАЕВА БРАВИЧЕВА ГЛАЗОВА ЛИПАТОВА ВСЕГО 47 ПОДПИСЕЙ

ПРЕДЛАГАЮ ОБРАТИТЬСЯ К ЧИТАТЕЛЯМ ОГОНЬКА ТИРЕ РАБОТНИКАМ БУМПРОМА ПОЛИГРАФПРОМА ГОТОВЫ ОНИ ЗАЩИТИТЬ ИНТЕРЕСЫ ГЛАСНОСТИ ДЕМОКРАТИИ ИЗЫСКАТЬ РЕЗЕРВЫ ВЫПУСКА БУМАГИ ЭТО ВСЕГО ОКОЛО 2000 ТОНН ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРУДОВАНИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО ДЛЯ ОГОНЬКА — Ю НИКИТИН КИШИНЕВ

ПОЧТИ ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ МНОГИЕ МОРЯКИ АТОМОХОДА ЛЕНИН ВЫПИСЫВАЮТ ОГОНЕК ОДНАКО ЭТОМ ГОДУ ВИНЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ОТКАЗАЛИ ДАЖЕ В БЮДЖЕТНОЙ ПОДПИСКЕ СУДОВУЮ БИБЛИОТЕКУ ПРОСИМ СОДЕЙСТВОВАТЬ ПОДПИСКЕ ТЧК ПОРУЧЕНИЮ ЭКИПАЖА АТОМНОГО ЛЕДОКОЛА ЛЕНИН ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК РЫЖОВ

ПРОШУ ПОМОЧЬ ПОДПИСКЕ 1989 ПОСТОЯННЫЙ ПОДПИСЧИК УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ ИНВАЛИД ПЕРВОЙ ГРУППЫ ПО ЗРЕНИЮ МИРОНОВ АДРЕС 40008 ПЕНЗА СУРОВА 145 КВ 42

ПОДПИСЧИКАМ НАШЕГО СЕЛА НЕ ДАЛИ НИ ОДНОГО ЖУРНАЛА ОГОНЕК СЕЛО ОПЯТЬ ЛИМИТ БЛАТ НАРОД ВОЗМУЩЕН ВЫПИСЫВАЕМ ОГОНЕК 13 ЛЕТ ПОМОГИТЕ НАШ АДРЕС НОВО-МОЧАЛЕЙ ГОРЬКОВСКОЙ ПИЛЬНИНСКОГО-ГИМРАНОВЫ СТРАХОВЫ ЯКИНА НУРИМАНОВА СЕЛЬСКИЕ УЧИТЕЛЯ

ДОКАЖИ, ЧТО ТЫ БЛОКАДНИК ●

ДИРЕКТОР... СОВЕТА КОЛЛЕКТИВА? ●

НА СЪЕЗД ВРАЧЕЙ — ПО РАЗНАРЯДКЕ ●

И ПОСЫЛКИ «ПОД ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ»? ●

■

В мае 1985 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О распространении льгот, установленных для участников Великой Отечественной войны, на граждан, работавших в период блокады г. Ленинграда на предприятиях, в учреждениях и организациях города и награжденных медалью «За оборону Ленинграда». К упомянутой медали прилагалось удостоверение «За участие в героической обороне Ленинграда».

Однако сегодня вопреки логике и здравому смыслу, когда дело дошло до получения льгот, медали и удостоверения к ней оказалось недостаточно. От имеющих законное право на льготы блокадников требуют представления дополнительных справок о работе во время обороны Ленинграда.

«Обращается вдова солдата Елена Ивановна Матвеева. Одна вырастила детей, всю войну работала в Ленинграде для нужд фронта, а вот записи не сохранились, потерялись. Муж не вернулся, погиб на войне. Мне за мой труд дали медаль "За оборону Ленинграда" с удостоверением. И вот теперь объявили блокадникам льготы, а мне в военкомате сказали: «Собери, мамаша, документы». Я безграмотная, мне 80 лет, медаль есть, а запись не сохранилась. Разве это справедливо?» Таких и подобных писем в ленинградские газеты пришло много.

«Когда меня наградили медалью «За оборону Ленинграда», мне было всего 12 лет,— пишет Валентина Ивановна Дорофеева,— трудовой книжки в то время у меня не было и быть не могло. Тысячи моих сверстников, вместе со взрослыми защищавших Ленинград, сегодня по злой воле наделенных властью людей участниками обороны города не признаются. Такое долгожданное постановление вышло со следами крючкотворства».

И еще. Льготы, о которых идет речь, распространяются только на блокадников, работавших на оборону города в период между 8 сентября 1941 года и 18 января 1943-го. А потом? Ведь это примерно половина 900 дней блокады, город и после 18 января по-прежнему оставался фронтом, а горожане — фронтовиками. Только 27 января 1944-го можно считать последним днем осады.

Тех, кто активно способствовал обороне своего города, названной впоследствии ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОПЕЕЙ ЛЕНИНГРАДА, ныне осталось не так уж много. И вот теперь, спустя без малого полвека после Победы, вспомнили о заслугах блокадников и приняли постановление, доброе по замыслу и ущербное по содержанию.

Неужели так уж живуча присказка: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек»? Ядовитая присказка сегодня — и вовсе не ко времени.

Г. БРАИЛОВСКИЙ,
заведующий отделом «Отзовитесь!» газеты «Смена»
Ленинград

■

В октябре этого года должен состояться Всесоюзный съезд врачей. Казалось бы, прекрасно, но до сих пор нам неизвестна программа, его полномочия. Так что же он будет решать?

О съезде, причем в самых общих чертах, было объявлено в январе на страницах «Медицинской газеты», а далее все публикации на эту тему носили выхолощенный и бессистемный характер. И вот факт: 15 июня утвержденные списки делегатов на съезд врачей со всей страны уже лежали в Минздраве СССР. Сработал старый бюрократический механизм — разнарядка спущена по административной лестнице (вместо того чтобы обратиться к врачам через коллективного организатора — «Медгазету»). А в трудовые коллективы информация пришла только сейчас и то окольными путями, после того как эти «делегаты» были уже избраны. Но кто они? Где, кто и когда их избрал? Какова их платформа?

Да, нам есть что сказать на съезде своим коллегам и народу, и мы готовились. Пусть неумело, но зато открыто. 7 июня медсовет при Владимирском горздравотделе, не дожидаясь официального объявления о выборах делегатов на съезд, поддержал инициативу практических врачей о создании городского оргкомитета по подготовке к нему. Весь июнь трудовые коллективы на врачебных конференциях выбирали своих кандидатов в делегаты и членов оргкомитета, обсуждали и давали наказы, готовились тезисы. 8 июля городской оргкомитет начал свою работу, обобщая предложения трудовых коллективов и проводя подготовку к общегородской врачебной конференции, которая выработала бы окончательную платформу и избрала бы своих четверых делегатов от одной тысячи врачей Владимира. Но информация, полученная в Минздраве СССР, поставила врачей Владимира (и, видимо, всей Владимирской области) в положение людей, собравшихся на поезд, билеты на который были распроданы раньше и по знакомству. Вот так вера в успех перестройки нашей медицины, которую мы связывали с предстоящим съездом, была предана бюрократами. Даже если мы передадим свои наказы этим фактически назначенным делегатам, ждать от такого съезда многого не приходится: важны не только идеи, но и люди — проводники идей, наделенные доверием большинства. Трудно верить в перестройку, когда ее демократический дух ловко и безнаказанно подменяют административным лицемерием!

В. ЕЛИСЕЕВ,
заместитель председателя оргкомитета по подготовке к Всесоюзному съезду врачей
Владимир

■

Не смею судить о поэтическом достоинстве стихотворения «Раздумья» Н. Доризо, опубликованного в «Правде» 11 июля 1988 года, но о гражданской позиции поэта не могу не сказать. Доризо ополчается против тех, кто создавал дутую славу Л. И. Брежневу и спрашивает: «Но какие тюрьмы нас принуждали славить Брежнева?..» Вопрос действительно требует раздумий, но беда в том, что этот упрек автор адресует всем нам, но только не себе и своим единомышленникам по перу, которые немало потрудились на этом поприще и пока еще не повинились перед своими читателями. А уж кто-кто, а писатели знали, в какой кухне пеклись «шедевры» великого «беллетриста».

Одни ставили в пример «триптих» Брежнева как образец настоящего «литературного хлеба», другие обрушивались на Минпрос за то, что он проявляет медлительность с включением в школьный курс произведений Брежнева. Третьи выражали неподдельную радость по поводу того, что «триптих» Брежнева впервые увидел свет именно в «Новом мире». Четвертые писали приторные статьи о великом человеке, выигравшем битву за хлеб, о его огромном воздействии на все виды и жанры литературы и искусства. Ну а поэт Николай Доризо? Он неизменно вдохновлялся примером Л. И. Брежнева в служении коммунизму и несказанно радовался по случаю награждения его очередным орденом, о чем я знаю из «ЛГ» (от 24 декабря 1980 г.).

Кто старое помянет, тому, как говорится, глаз вон... Можно было бы и не возвращаться к этой малоприятной странице нашей истории, если бы авторы иных сегодняшних разоблачений хоть повинились бы в том, что и они вводили читателей в заблуждение. Или они рассчитывают на беспамятство наше?

В. Е. ПОЛЕЩУК,
полковник в отставке
г. Пушкин Ленинградской области

■

«Стенограмма готовится к печати». Под таким заголовком в газете «Известия» от 13 июля 1988 года было помещено интервью с директором Издательства политической литературы А. Поляковым. С изумлением узнал я из него, что в процессе подготовки стенограммы XIX партконференции к печати в тексты речей вводятся «коррективы» и «изменения». Не утешает оговорка, что они, мол, «носят не смысловой характер», что авторы «в иных случаях уточняют свою мысль, в других — чисто стилистические поправки».

Понимаю, что кое-кому хотелось бы задним числом «уточнить свою мысль». Но поздно. Каждый отдельный монолог стал частью одной целокупной и не подлежащей редактуре Драмы, авторское право на которую отныне принадлежит только Истории.

Стенограмма съезда или конференции есть исторический документ, и этим все сказано. Его страницы будут открывать для того, чтобы погрузиться в атмосферу подлинного исторического события, услышать живые голоса его участников, говорящих именно то, что они думали. Тот путь, на который становится Издательство политической литературы, заранее дискредитирует еще не изданный Стенографический отчет как надежный первоисточник. Историки будут вынуждены ссылаться не на тома стенограмм, а на номера газет, где публиковались речи делегатов.

Еще раз подчеркну, что сама идея доработок и поправок уже сказанных речей («согласованная с авторами») — свидетельство нашего политического бескультурья. Слово — не воробей. Особенно сказанное с такой трибуны и прогремевшее на весь мир.

Стенограмма есть «дословная запись устной речи» согласно словарю русского языка. Дословная. Иначе это — фальсификация.

Г. КРУЖКОВ,
член СП СССР

■

Прочитав в «Правде» от 13 июня 1988 года статью «Полновластие», был очень возмущен позицией министра финансов СССР Б. Гостева в вопросе о повышении минимального уровня пенсий колхозников до размера минимальных пенсий рабочих. Цитирую «Правду». «Больше часа длился спор между депутатами и главой финансового ведомства. Министр стоял как утес и не сдал позиций: сейчас, мол, денег на такой шаг нет».

Странно, на повороты рек деньги находились! Деньги на пенсии для следователей эпохи сталинизма тоже есть! А вот для колхозников, несмотря на требования депутатов Верховного Совета, ну никак не наскрести.

Предлагаю организовать два-три всесоюзных субботника с перечислением средств в специально созданный фонд «Пенсия справедливости», номер счета этого фонда опубликовать в журналах и газетах. Убежден, каждый горожанин внесет из своих запасов посильную лепту. Считаю, что такие мероприятия позволят начать выплату уже в этом

году, до выхода нового закона о пенсиях. К сведению редакции: сам я городской житель с рождения.

Ю. БЕРГЕР,
депутат горсовета
Мончегорск Мурманской области

■

В Центральном НИИ комплексной автоматизации, где я работаю, отношение к советам трудовых коллективов (СТК) весьма заинтересованное, но полного понимания роли СТК у нас нет. Думается, и у других этого не больше.

Первый вопрос, который возникает при создании малой демократии, это вопрос о составе СТК. Кого следует выбирать в СТК, а кого не следует?

Ключевой же проблемой в формировании СТК является участие в нем дирекции. Стихия прошлых выборов давала диаметрально противоположные решения, от избрания всей дирекции с предоставлением кресла председателя самому директору до неизбрания в СТК даже представителей дирекции. Какие результаты следует считать правильными? Может ли директор занимать сразу два кресла? Может ли СТК обойтись без дирекции?

Лично я считаю правильным, когда дирекция не входит в СТК, не входит добровольно, сознательно, пользуясь правом самоотвода. Дирекцию всегда можно пригласить в случае обсуждения и решения трудовых вопросов, которые и нужно принимать совместно. Что же касается избрания директора председателем СТК, то это мне представляется просто абсурдом, достойным сожаления.

Можно много говорить о демократии, но если не обеспечить ее соответствующими социальными структурами, все разговоры будут пустой демагогией. Нашему обществу очень нужны сильные деловые личности. Но когда такие люди совмещают единолично разные формы власти, это неизбежно рано или поздно приведет к злоупотреблению властью.

Одним из главных принципов демократического народовластия является принцип разделения власти. Его нам надо освоить, принять как необходимую гарантию демократического управления. Проще всего этот принцип внедрить на предприятиях, в коллективах. По этому принципу директор не может (сам не должен) председательствовать в СТК.

Не за горами новые выборы в СТК, и было бы хорошо подойти к ним подготовленными и вооруженными здравым смыслом, теорией управления и осмысленным опытом первых шагов самоуправления. А для этого нам нужны открытые дискуссии.

Б. В. ВОЛЬТЕР,
профессор, лауреат
Государственной премии СССР
Москва

■

С большим трудом идет перестройка, чем дальше от центра, тем менее заметны перемены. У нас недавно общество инвалидов образовали, провели учредительную конференцию и правление выбрали. Все, кажется, сделано в ногу со временем. Да вот беда, нет у правления помещения, какой-нибудь хотя бы плохонькой комнатки. Обратились в облисполком, но там не смогли реально помочь, хотя имеется громадное здание Дворца Советов, да и в старом здании, из которого выехал облисполком, много помещений.

Помыкались, помыкались бедные инвалиды, но где-то устраиваться нужно. И обратились за помощью к настоятелю православного собора отцу Роману. И отец Роман без всяких бюрократических проволочек выделил безвозмездно подходящее помещение и даже средства на ремонт этого помещения. Жест благородный и в духе времени! Казалось бы, радоваться нужно бедным инвалидам, да не тут-то было! Чиновники из облисполкома устроили всем заинтересованным лицам (исключая отца Романа) выволочку и принудили отказаться от помощи церкви. Как это традиционно, несмотря на громкие призывы и лозунги, все остается по-старому.

А. АФАНАСЬЕВ
Томск

■

У нас в почтовых отделениях вывешены объявления о том, что постановлением главного санитарного врача республики «до особого распоряжения» запрещена отправка в посылках сахара, муки, конфет, крупы и т. д. Да, мы знаем — санэпидслужба облечена неограниченными правами, она может закрывать столовые, детские сады, даже промышленные предприятия, устанавливать карантин, изымать из обращения непригодные продукты. Если мука, сахар или конфеты являются носителями инфекций, то они не менее опасны в Риге, чем будучи отправленными отсюда, скажем, в Казахстан. Хотя мне и не требуется ничего никуда отправлять, считаю запретительные действия санврача неправомерными. Вероятнее всего, им были получены соответствующие указания республиканских директивных органов, которые не нашли иных правовых оснований вмешиваться во внутреннюю деятельность почты или ставить палки в колеса сферы обслуживания. Мой приятель намеревался отправить сестре к серебряной свадьбе коробку конфет. И не смог.

Кстати, о сахаре. Ведь он всюду выдается по талонам. Излишков практически не образуется. Но если кто-то и сэкономил килограммдругой для варенья, заплатив своими же деньгами, неужели он не может распорядиться им по своему усмотрению, к примеру, послать родственникам, у которых на дачном участке нынче хороший урожай смородины? И опять же за свои деньги. Кто же пострадает в таком случае?

И еще такая деталь: вы можете не впускать в свою квартиру представителей милиции, если такой визит не санкционирован прокурором, а вот здесь, на почте, перед всем честным народом приемщик посылки будет перетряхивать ее содержимое, даже если там будет что-то гораздо более интимное, чем продукты. Трудно поверить, как такое может происходить в годы перестройки, во время всеобщего правового самосознания.

К. БОБРОВ,
экономист
Лиепая Латвийской ССР

■

Недавно в нашей семье заболел дедушка Демин Иван Павлович. Заболел тяжело, отказывают ноги, с трудом поднимается на постели. Приходившие из поликлиники терапевты велели ему явиться (?!) к хирургу... Приложив максимум усилий, нам удалось устроить его в госпиталь для ветеранов войны. Устроили с трудом, а он является ветераном войны, состоящим в партии более 50 лет. Но видели бы вы, каков этот госпиталь! Огромные палаты на 6, 8, 10 человек, духота, теснота, окна открыть невозможно из-за комаров. Многие больные лежачие. Неужели в госпитале нельзя создать хотя бы минимум удобств, неужели нельзя установить кондиционеры, чтобы дышалось-то полегче? Разве ветераны этого не заслуживают?

Пройдите в нашем городе мимо крайкома, крайисполкома, мимо любого «весомого» учреждения. Все окна утыканы кондиционерами. Посетите нашу крайкомовскую спецбольницу, посмотрите, какие условия и какое питание у тамошних больных. Говорят, в этой больнице использованы и средства из партийной кассы. Наш дед более 50 лет уже делает взносы в эту кассу, так почему же эта больница существует не для него?

Недавно по нашему Алтайскому телевидению показывали передачу о мытарствах детской городской стоматологической поликлиники. Она просто задыхается от нехватки площадей. И вот решено было ее расширить. Расширили... на два рабочих кресла. Сколько усилий тратит руководство этой поликлиники на то, чтобы добиться справедливости. В какие только двери не стучится, а толку — ноль. Почему справедливость бессильна перед дядями в креслах?

А в это же время (и это уже в годы перестройки и гласности) на глазах у людей за какой-то год с небольшим вырастает новое здание Октябрьского райкома партии и райкома ВЛКСМ. Им тесно — они расширились. На это средства нашлись!

Местное радио, телевидение, печать для наших властей все равно что комариные укусы. Их ведь всегда можно одернуть, по носу щелкнуть. А сколько уже таких щелчков они получили! Речей мы наслушались. Нужно, наконец, и дело делать.

ВАРАВСКИЕ, ТРУФАНОВЫ,
БОЛЬШАКОВЫ,
ИВАНОВЫ, ДЕМИНЫ
— дети и внуки И. П. Демина
Барнаул

■

Мы очень обеспокоены состоянием экологии в Башкирии. На территории нашей орденоносной автономной республики построено большое количество химических и нефтехимических предприятий. Именно они настолько отравляют окружающую среду, что уровень загрязненности в Уфе, Стерлитамаке, Салавате превосходит всякие нормы. Если в Западной Европе считается самым загрязненным район Рейна, то, скажем откровенно, далеко ему до нашей реки Белой в районе Стерлитамака.

Сердце болит, когда думаешь о детях, которым предстоит жить в этих городах и дышать «чистым» воздухом с химзаводов.

Выход? Строительство новых очистных сооружений, что сейчас архиважно. И срочно, без промедления. Но вместо этого 500 миллионов рублей вкладывается в строительство нового Иштуганского водохранилища на реке Белой, которое погубит дорогие плодородные земли и растения, занесенные в Красную книгу, бурзянскую пчелу, форель и хариус, бесценную Капову пещеру с наскальными рисунками, которым больше десятка тысяч лет.

Природные богатства бесценны! И мы думаем, что потери и убытки, которые мы понесем со строительством Иштуганского водохранилища, НЕВОСПОЛНИМЫ!

Кому же выгодно строительство водохранилища? Даже во время просмотра передачи уфимского телевидения «Экология: реальность и перспективы. Башкирское (Иштуганское) водохранилище» мы так и не узнали, будет ли запрещено строительство этого водохранилища. Вопрос остался открытым. Кто нам на него ответит?

В. А. ДВОРЯНОВА,
Р. Х. САТТАРОВ,
А. В. МИХАЙЛЕНКО
(всего 44 подписи)
Уфа

■

В Ленинграде сложилась трудная ситуация, связанная со столкновением интересов двух музеев: Екатерининского дворца и Всесоюзного музея Пушкина, в результате которой музей Пушкина должен был освободить арендуемое им помещение Церковного флигеля дворца и демонтировать свою литературную экспозицию, существовавшую там двадцать лет.

Ленгорисполкомом было принято решение, учитывающее интересы обоих музеев: передать Всесоюзному музею Пушкина бывший дом Г. Р. Державина на набережной Фонтанки, который, однако, требует ремонта и реставрации. Одновременно обсуждаются предложения о передаче музею Александровского дворца.

Это означает, что в любом случае на 10—15 лет город останется без пушкинской литературной экспозиции. А почему бы теперь, когда в распоряжении Всесоюзного музея Пушкина целая усадьба, на двух этажах главного дома которой, над квартирой поэта, площади больше, чем в Церковном флигеле (тысячи квадратных метров!), почему именно здесь не поместить литературную экспозицию? Место занято случайными временными выставками, и до сих пор не существует программы его использования.

Пусть дом на Мойке станет средоточием всего самого ценного в нашей памяти о поэте: и его последней квартиры, и реликвий русской Пушкинианы (при том, что обе экспозиции будут самостоятельными).

Тогда дом на Мойке действительно будет ядром создаваемой в этой части Ленинграда заповедной зоны.

До двухсотлетия со дня рождения поэта остается слишком мало времени. Из всех альтернативных предложений (Дом Державина, Александровский дворец, Церковный флигель в городе Пушкине) дом на Мойке — единственно реальная и, по нашему мнению, наилучшая возможность вернуть пушкинскую экспозицию городу.

Писатели:
В. КОНЕЦКИЙ, М. ГЛИНКА.
И. ЕВСТИГНЕЕВА, директор Государственного музея театрального и музыкального искусства; Б. РЫБАЛКО, директор Литературно-мемориального музея Достоевского; А. МИНИНА, зам. директора по научной работе Всесоюзного музея Пушкина; Г. ВАВИЛИНА, директор Объединения музеев Ленинградской области (всего 35 подписей).

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ПОСМОТРИМ, ПОСМОТРИМ...

Владимир ЧЕРНОВ

В ОДЕССЕ ПОД ДЕВИЗОМ «ВСЕ ЖАНРЫ ХОРОШИ, КРОМЕ СКУЧНОГО» ТРОНУЛСЯ В ПУТЬ ПЕРВЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПОПУЛЯРНЫХ ЖАНРОВ «ЗОЛОТОЙ ДЮК». ЕДИНСТВЕННЫЙ В СВОЕМ РОДЕ НЕ ТОЛЬКО У НАС, НО В МИРЕ, ГДЕ УСТРАИВАЮТ ФЕСТИВАЛИ ДЕТЕКТИВОВ, НАПРИМЕР, МЮЗИКЛОВ ИЛИ ФАНТАСТИКИ. ЗДЕСЬ ЖЕ ВСЕ ЖАНРЫ СРАЗУ, ОТСЮДА И ДЕВИЗ.

Впрочем, почему он первый, ведь была «Одесская альтернатива», где Эльдар Рязанов получил уже первого в истории кино «Дюка»? «Альтернатива» была лишь пробой, репетицией, попыткой, и неизвестно, чем еще могло все кончиться. Но все кончилось хорошо. Родился «Золотой Дюк».

И вот я пишу все это за две недели до его открытия, сразу после пресс-конференции, когда еще не все фильмы на конкурс отобраны, еще неясно, кто из знаменитых иностранцев приедет, и приедет ли, хотя, конечно же, определенно будет наш старый добрый знакомый Марчелло Мастроянни, это естественно. Еще в тумане — какие суперленты готовит нам изощрившийся в коммерческом кино Запад. И чуть отставший от него Восток. Но уже точно (о, ужас!) в одном из одесских залов ретроспективным показом пойдут целых 15 картин Хичкока (старого, доброго), причем две ленты мы вроде бы уже купили. Но честь ужаснуться первыми выпала все тем же одесситам (хорошо устроились!), причем, выйдя с Хичкока и еще приглаживая вставшие дыбом волосы, они смогут тут же, дабы привести в порядок нервную систему, отправиться взглянуть на старого, доброго (а как еще сказать?) «Бродягу» Раджа Капура, привезенного в качестве образца жанра, или на снятого «с полки» «Человека ниоткуда» все того же м-м-м и доброго Э. Рязанова с совсем молодыми Юрским и Яковлевым.

Обо всем остальном, что одесситы увидят, а вы нет, узнаете завтра из газет. Сейчас на конкурс пришли «Убить дракона» М. Захарова, «Мерзавец» В. Мустафаева, «Воры в законе» Ю. Кара (названия какие, а?), однако Кора Церетели, председатель отборочной комиссии, сказала, что единогласно принят комиссией был лишь «Мерзавец», об остальных спорили.

Впрочем, надо сказать, призы будут не только за лучший, но и за худший фильм, а, как конфиденциально сообщил нам заместитель председателя отборочной комиссии К. Разлогов, приз за худший фильм гораздо красивей приза за лучший.

Все в руках жюри, которое на этот раз возглавил Эльдар Рязанов, а прошлогодний председатель Михаил Жванецкий лишь вошел в него вместе с Евгением Евтушенко, Ильей Глазуновым, Виталием Коротичем, критиками Клаусом Эдером из ФРГ и Максом Тесье из Франции. Хотя в конечном счете решать все равно будут зрители. Это основное условие фестиваля. И зрители об этом знают. Совещаться собрался весь город, который с этой целью превращен усилиями оформителей во временный дискуссионный клуб с многочисленными площадками для дебатов и с проходами между ними для уличных шествий, демонстраций, шоу и иных форм дискуссионной борьбы.

«Знаете, как непросто было решать такую задачу,— жаловался мне главный художник фестиваля Евгений Оленин.— Одесса, как ни печально, все-таки провинция, центры отсасывают из провинции интеллектуальные силы. Пришлось обращаться к москвичам и ленинградцам. Мы нашли очень интересный тип праздника. Все — из бумаги, ткани, реек, мгновенно выстраивается, в нужном месте создается нужное настроение и тут же, если хотите, убирается. Девять месяцев вынашивался праздник. Выставим все за три ночи и взорвем город цветом. И, однако, нам ничего не удалось бы сделать, если бы все происходило не в Одессе. Никакие официальные организации, ни Худфонд, ни Госкино с их непроходимыми административными барьерами, нам бы помочь не смогли. Мы обратились к Одессе. И одесские кооператоры выполнили все оформление. Быстро, качественно и относительно дешево. А финансировали нас одесские спонсоры».

Спонсоров у «Дюка» — 22. И какие! Станция «Одесса-Главная» и страховое акционерное общество «Ингосстрах», Черноморское морское пароходство и одесский «Привоз» (вы понимаете), завод игристых вин и даже объединение «Мороженое». Что еще надо?

Хотел бы я взглянуть на человека, который все это предугадал и стронул с места изначально. «Да на здоровье,— отвечал Эльдар Рязанов, указывая на мрачно глядевшего в зал, полный журналистов, человека с лицом катастрофически исхудавшего артиста Моргунова,— вглядывайтесь. Станислав Говорухин. Большего, чем он, авантюриста и фантазера я не знаю. Честно. Он все выдумал. Я даже подозреваю, что специально, чтобы стать Президентом фестиваля. И ведь стал. И нигде, кроме Одессы, такое бы не прошло. Одесситы туфты не любят и на мякине их не проведешь».

Я подошел к Президенту. Угрюмый Президент, подозрительно меня оглядев, сказал: «От всех прочих фестивалей наш отличается категорически тем, что устроен не для кинематографистов, а для зрителей. Наше кино умирает, контакт со зрителями потерян. Когда мы снимали «Место встречи изменить нельзя», я помню, как радовались москвичи, увидев на улице съемочную группу. А на днях работали возле известного Дома на набережной, так жители кидали в нас из окон яйцами. Подход: вы, киношники, показываете нам всякую дребедень, ну так и мы вас — не любим!»

В самом деле, что с нашим кино? Раньше любой критик твердо знал, что хочется народу и что ему полезно. И уже спокойно занимался художественным анализом предлагаемой продукции. И вдруг кинопрокат сообщает, что спрос исчез. Вот это был удар! Ножницы между спросом и предложением разошлись на недосягаемое расстояние. Гордимся несколькими выдающимися кинематографистами, парящими над морем, тьмою безликих, лепящих «массовое кино», тот кич, который, боюсь, и самим создателям смотреть противно. Как вернуть людей в кинозалы? А тут еще видео подоспело.

Но именно интеллектуальное кино, апеллирующее к разуму, можно смотреть по видео, его даже лучше смотреть в одиночку, не отвлекает жующая бутерброды толпа, отправляющаяся среди сеанса по домам, утверждая, что ее надули. Но вот чего смотреть в одиночку не захочется — это кино, обращенное к эмоциям. На нем посмеемся, а может, заплачем. И сопереживающий зал усилит и слезы, и смех многократно. Чувствами командует зрелищное, жанровое кино, только оно способно вернуть в кинозалы народ. Правда, должно оно быть высшего качества и делаться должно талантливыми людьми. Как их сюда заманить? Вы знаете ответ, Президент?

Президент Говорухин отвечал насупясь:

— Стоит режиссеру из первой десятки снять, например, фильм-катастрофу, скажем, «Экипаж», как от него отвернутся все коллеги: какой он режиссер, он «Экипаж» снял. И им плевать на то, что зритель на «Экипаж» валом валит. Снял Мотыль «Белое солнце пустыни». Никаких премий за него не получил, лишь снисходительное отношение. И стало ему обидно, и вместо того, чтобы еще сделать пару «звездных» вестернов (или остернов), сделал «Звезду пленительного счастья». Чтоб уважали. Ну и где сегодня та «Звезда»? А «Белое солнце» и до сих пор по десять раз смотрят. Живой фильм.

— Вы надеетесь на «Дюка»? Привлечет, заманит, даст на вопросы ответ. А если не даст? Сколько многообещающих, перспективных вещей широко начиналось, а кончалось ничем, вырождалось, едва сделав первые шаги?

— А будет вырождаться,— отвечал Президент сурово,— я его убью. Это мое дитя, в случае чего я его сам. Но сейчас новое время, и нет, думаю, оснований превратиться «Дюку» в заорганизованное мероприятие. Наоборот, он себя еще покажет. Мы сначала вообще придумывали фестиваль искусств — с конкурсами для писателей, художников. В этот раз, кстати, проведем конкурс на самый популярный в стране журнал. И наградим журнал «Золотым Дюком». И присуждать его будет зритель. Нам нужен праздник гласности, праздник самовыражения. Народ должен заявить свое мнение. Фестиваль сейчас сам не знает, чем он станет, пусть он тоже самовыразится. Не стоит его в какое-то русло загонять. Надо дать ему волю. Жизнь умнее нас. Пусть она решит.

И есть город, жители которого понимают, что им этот фестиваль во спасение. Ведь смотреть, как исчезает Одесса (не дома, не памятники, а сам вольный одесский дух), невыносимо тяжело. Фестиваль может спасти город от унификации, от обезлички, возродить былое его значение, как одного из центров отечественной культуры. Десятилетиями унифицировалась Одесса. И казалось, ничего уже не осталось. Но вот явился фестиваль, и оказалось — жив одессит и возрождается прямо на глазах. И он выходит на улицы, он хохмит, он смотрит на все с прищуром. Одесса смеется, как когда-то.

Очень точно определил происходящее еще один человек, руководитель пресс-центра фестиваля Борис Берман: «Столько десятилетий своей угрюмой габардиновой серьезностью мы смешили весь мир, теперь нам не грех посмеяться и самим». Посмеемся. Посмотрим, что выйдет.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ

Чужого горя не бывает... Лишний раз убедился в этом, читая почту, пришедшую после публикации журналом материала «Радужный убийца» (№ 25, 1987 г.), в котором рассказывалось о трагической гибели восьмилетней Марины Лешовой. Ее нелепая, страшная смерть в пламени пожара, вызванного самовозгоранием телевизора «Витязь-733», потрясла многих — письма читателей идут до сих пор, письма, полные сочувствия, скорби, гнева.

СНОВА О РАДУЖНОМ УБИЙЦЕ

След бракоделов теряется в недрах не одного — нескольких министерств, и каждое, чуть коснись его упреком, ссылается на «необязательность поставщиков». «Чего ни коснись,— замечает М. Деликамов из Казани,— отовсюду торчат ослиные уши нашей же неистребимой халтуры». Неистребимой? Попробуйте-ка спросить в магазине каунасский «Шилялис» или «Электронику», сделанную на ленинградском объединении «Позитрон». Разумеется, это еще не «Сони», но и этих сравнительно недорогих, пользующихся спросом на международном рынке аппаратов в свободной продаже практически не бывает. Если умеем делать хорошо, отчего предпочитаем качеству количество, переводим народное добро в брак, обманываем сами себя видимым благополучием магазинных полок? «Еженедельник Гостелерадио СССР «Говорит и показывает Москва» поместил статью, в которой открыто говорилось о том, что мы выпускаем давно устаревшие в техническом отношении телевизоры, отстающие от моделей других стран на десятилетия,— пишет А. Неруш из Тобольска.— Обидно за страну. Неужели трудно собрать вместе 5—6 талантливых инженеров-телетехников и создать модель, не уступающую моделям Запада и Японии? Не надо ни «Витязей», ни «Березок», ни «Славутичей». Пусть будет одна, но надежная и качественная модель».

«Низкий уровень разработок Научно-исследовательского телевизионного института — вот первопричина всех бед,— считает государственный инспектор Ленинградского центра стандартизации и метрологии В. Сорокин.— Складывается впечатление, что здесь сидят на старом багаже. Совершенствование телевизионной техники возложено, по существу, на самих изготовителей. Можно требовать наведения порядка на производстве, повышать требовательность к исполнителям, но, думается, прежде всего нужно строго спросить за качество продукции с головной организации».

Не одно — два министерства откликнулись на выступление журнала. Выразив «глубокое сожаление по поводу случившегося», заместитель министра радиопромышленности СССР Ф. Ковриго вместе с тем подчеркнул: «Комиссия представителей министерства и Витебского телевизионного завода ознакомилась на месте с обстоятельствами возгорания телевизора «Витязь-733». Детальное изучение материалов расследования позволило установить, что возгорание указанного телевизора произошло в условиях нарушения владельцами правил эксплуатации и противопожарной безопасности, изложенных в руководстве по эксплуатации телевизора».

Хотелось бы напомнить, что «владельцем телевизора» в этот трагический вечер была восьмилетняя девочка. Сидела, смотрела мультики, дожидаясь, пока придут с работы родители; точно так же, как это делают сотни тысяч ее сверстников по всей стране. Они полностью доверяют нам — взрослым. И убеждены, что от такого невинного занятия с ними ничего не случится. Как не случается и с миллионами ребятишек во всех иных странах мира, счастливо избежавших знакомства с продукцией нашего министерства.

Так что уж, извините, но «возгорание указанного телевизора» произошло в первую очередь по вине этих заводов — не выпускали бы огнеопасного брака, ничего бы не случилось.

Этот упрек можно адресовать и Министерству промышленности средств связи, сообщившему, что «вопрос о возгорании телевизоров... подробно рассматривался в МПСС. По результатам рассмотрения издана служебная записка, в которой установлен ряд мероприятий технического и организационного характера с целью предотвращения случаев возгорания телевизоров».

Впрочем, прошу прощения — попалась бумага, датированная августом 1976 года. Тогда замминистра Г. Корнеев сообщил нечто новенькое. Оказывается: «Обеспечение пожарной безопасности телевизоров является серьезной комплексной проблемой, решаемой как при их разработке, изготовлении, так и при их эксплуатации. Разработчики и изготовители телевизоров уделяют самое серьезное внимание вопросам обеспечения пожарной безопасности телевизоров».

Рисунок Игоря СМИРНОВА

Более десяти лет «уделяют». А они горят.

Хотя отрадные сдвиги к лучшему, если верить замминистра, нас все-таки ожидают, поскольку: «С 1987 года в стране прекращен выпуск ламповых цветных телевизоров, которые заменены полупроводниково-интегральными телевизорами типа УСЦТ. В телевизорах УСЦТ применяются только трудногорючие материалы и комплектующие изделия».

Хотелось бы предоставить слово своему единственному оппоненту — инженеру В. Захарову, занимающемуся радиотехникой, как он пишет, «с момента ее рождения, с 30-х годов»: «Я так и не понял цели статьи тов. Петриченко. Заменить несколько миллионов телевизоров, находящихся в эксплуатации, и дать владельцам новые серии «Ц»? А что заводы МПСС и МРП, выпускающие телевизоры, могли сделать для снижения их пожароопасности? Практически ничего. Когда проектировались телевизоры серии «700», то рассчитывали применять фольгированный стеклотекстолит — негорючий материал. Не могла тогда наша страна дать его в необходимом количестве, вот и вынуждены мы все пользоваться легковоспламеняющимся гетинаксом. Говорить же о пожарной безопасности новых телевизоров серии «Ц» рано...»

Да, не каждая вспышка заканчивается трагически и относится к числу «приведших к возникновению пожаров». Оставим эту варварскую градацию на совести ее изобретателей, полагающих, очевидно, что просто нервное потрясение без ожогов, травм и увечий не повод для волнения. Ленинградка Екатерина Васильевна Егорова, как и многие другие читатели, имеет на сей счет иную точку зрения: «загорание», свидетелем которого она была несколько лет назад, до сих пор напоминает о себе тяжелым кожным заболеванием — следствием химического отравления.

Так что же делать? Признаюсь, не от министерств — от работников Витебского телевизионного завода, собравших телевизор, убивший Марину Лешову, ожидал я ответа на этот вопрос. Наивно было предположить, что после статьи из Москвы последует вдруг команда всем телезаводам страны остановить производство, подождать, пока наши конструкторы, промышленность дорастут до высот, доступных «Сони», «Филипсу», другим ведущим фирмам. Но вот витебчане... Им был адресован прямой вопрос: «А что с ними со всеми бы случилось, если бы они не захотели стать соучастниками возможного преступления, отказались собирать из брака, пришедшего с других заводов, брак собственный, на котором будет стоять не чье-то — их рабочее клеймо?»

Из Витебска раздался телефонный звонок. Товарищ, отрекомендовавшийся партийным работником предприятия, поинтересовался: какое моральное право имею я, советский журналист, по сути, призывать людей к забастовке, сознаю ли, к каким последствиям для коллектива и меня лично это может привести?

Я попросил невидимого собеседника назвать свою фамилию, имя, должность, выразил желание встретиться с ним лично. Трубку положили, посоветовав мне «еще раз подумать».

Не будем обольщаться: у людей, занятых выпуском телевизоров, и людей, вынужденных их покупать, отношение к случившемуся все-таки разное. Для одних «ваша бьющая по нервам обывателя статейка не более чем спекуляция на эмоциях — ведь не призываете же вы прекратить выпуск «Жигулей», хотя они сбивают на дорогах куда больше народу». Для других трагедия Марины Лешовой — живая, саднящая боль, от которой не избавиться никогда.

Не вернешь родителям шестилетнего москвича Артура Казаряна и его семилетнего товарища Женю Шаталова, погибших в новогоднюю ночь от взрыва «Темпа-738». Ничем не утешишь папу и маму Славы, Жени и Кати Сокольниковых из деревни Малая Тарель Иркутской области — ребятишек, задохнувшихся в дыму пожара, вызванного вспышкой телевизора...

Увы, в откликах официальных лиц о каких-то революционных, созвучных требованиям дня переменах ни слова. Безучастно и в который раз МПСС заверяет: «Работы по устранению причин случаев возгорания телевизоров, проводимые разработчиками и изготовителями, не прекращаются ни на один день, что дает положительные результаты». **Установлено: львиная доля пожаров происходит по вине старых цветных телевизоров. В Москве их 300 тысяч, в Ленинграде около 250 тысяч. Ремонтом, как показывает практика, не откупишься. Самое честное — изъять миллионы пожароопасных аппаратов из обращения.**

Это предложение специалистов, читателей, прозвучавшее в предыдущем выступлении журнала, осталось без ответа МПСС и МРП. Как будет на сей раз?

Олег ПЕТРИЧЕНКО

РОБЕРТ РАФАИЛОВИЧ ФАЛЬК

(1886—1958)

В облике, творчестве, нравственных устоях личности Роберта Рафаиловича Фалька воплотились лучшие, традиционные качества старой русской интеллигенции. Широкая образованность разумелась сама собой. Профессор живописи, он одновременно был музыкантом, и настолько авторитетным, что с ним дружили и советовались Г. Нейгауз, С. Рихтер, Э. Гилельс. Играл на рояле, знал несколько языков, читал лекции по теории и истории искусства, был в курсе всех существенных событий литературной и художественной жизни.

Но все это лишь внешние рамки. Главное и самое драгоценное в Фальке — полет духа и несокрушимое нравственное достоинство. Я познакомился с мастером в тяжкую пору конца 40-х — начала 50-х годов. Время «постановлений», «борьбы с формализмом, космополитизмом» и т. д. Художник был совершенно затравлен. Многие годы его нигде и никогда не выставляли, официальные организации не покупали у него ни единого произведения. Ему, живописцу с мировой славой, не позволяли преподавать хотя бы рисование в школе. Не подлаживаешься, так помирай с голоду! Помогали лишь редкие покупки частных коллекционеров и самоотверженность жены, лингвиста Ангелины Васильевны Щекин-Кротовой (которая, вполне оправдывая свое имя, в самом деле была добрым ангелом художника).

Мучительно трудные обстоятельства не сломили Фалька. До конца своих дней он ни разу не пошел ни на какие уступки и компромиссы. Его полутемная мансарда в доме на углу Курсового переулка, заставленная штабелями положенных друг на друга полотен, была свидетелем ежедневной, неустанной работы мастера. Именно самозабвенная увлеченность творчеством помогла ему перенести все лишения. Самым обидным из них была невозможность публичной демонстрации законченных произведений. Впрочем, это на особый манер восполнялось. Московская интеллигенция знала, что, если на протяжении любого воскресного дня прийти в мастерскую Фалька, дверь откроется без расспросов каждому. Посетителей чаще всего встречал сам художник. Одетый в неизменную серую блузу, он мягко и как-то вопрошающе улыбался, глядя из-за очков проницательным и всегда немного грустным взглядом. Обычно кто-то уже был, начинался общий разговор, а затем художник принимался ставить на мольберт свои произведения разных лет. Просмотр часто завершался музицированием (в нем принимала участие и Ангелина Васильевна, обладательница прекрасного голоса. Репертуар был, разумеется, классический).

По представлениям и вкусам, которые насаждались в те годы, портреты, пейзажи, натюрморты Фалька выглядели как открытый вызов. Пронизанные тончайшей духовностью, сложные по мысли, бесконечно далекие от салонности и наигранного оптимизма — эстетических стандартов сталинских времен,— фальковские картины оказывались сродни творчеству Пастернака, Шостаковича, Мейерхольда, ждали сотворчества, свободы чувств и идей. Это было тогда смертным грехом, молчаливым бунтом.

Фальк шел на него совершенно сознательно и убежденно. Он был одним из немногих живописцев тех лет, которые, несмотря на бесконечные невзгоды, именно в ту пору достигли высших успехов в своем искусстве. Когда говорят в однозначно-негативных тонах о художественной жизни того периода, несправедливо забывают о подобных творческих и человеческих подвигах.

Причем и в сугубо моральном плане у художника была своя убежденная тактика — великолепное презрение к гонителям и зоилам. Однажды он преподал мне поучительный урок такого поведения. Было это на исходе 1957 года. Надо сказать, что я бывал у Фалька несчетное число раз, а он у меня — никогда. Чего тут удивляться: он был хоть и опальной, но знаменитостью, а я всего лишь начинающим искусствоведом (что не помешало мне с ходу побывать и в «космополитах», и в «формалистах»). Кроме того, он был старше меня на добрых полвека.

И вот неожиданно раздается телефонный звонок. «Это Фальк. Я случайно нахожусь рядом с вашим домом. Разрешите зайти?»

Конечно, я разрешил. Но понимал, что случайности нет никакой. Дело в том, что утром того декабрьского дня 1957 года вышла газета «Советская культура» с погромной статьей «Сомнительные коррективы» В. Петрова (В. Русакова), которая целиком посвящалась мне. Сюжет «проработки» сейчас покажется неправдоподобным. В журнале «Театр» (№ 9 за 1957 год) была помещена моя небольшая публикация, где уважительно говорилось о декорационных эскизах мастеров «Мира искусства» — А. Бенуа, Л. Бакста, Н. Рериха и других. И вот в этой связи В. Русаков, походя заявив о «реакционной роли декадентского объединения «Мир искусства» и о том, что «у русского реалистического искусства не было более непримиримого врага, чем «Мир искусства», делает вывод, что критик Каменский прославляет «опыт декадентского, формалистического, эстетского искусства».

Вот почему пришел ко мне Фальк. Но он и словом не упомянул о прохиндейской статейке. Уже раздеваясь, он завел разговор о сравнительных достоинствах Мусоргского и Чайковского (мы однажды спорили по этому поводу), потом вспоминал о выставках «Бубнового валета», рассказывал о встречах с Андреем Белым, Станиславским, Михоэлсом, играл со мной в шахматы, ел отваренную для него капусту (он был строгим вегетарианцем). Никаких сочувствий и утешений! Но когда он поздно вечером ушел, у меня на душе было легко и светло; утренняя горечь полностью рассеялась. Великий мастер щедро приобщил меня к миру высокой духовности, уча презирать травлю невежд...

* * *

В очерках творчества Фалька подробно исследуется вопрос о том, как менялись его стилевые предпочтения, когда он переходил от импрессионизма к кубизму, сезаннизму, иным живописным школам. Все это крайне важно. Но, пожалуй, еще предстоит понять поэтическую сущность творчества мастера в ее сложной, многозначной эволюции.

Я бы назвал Фалька классиком духовности первой половины XX века. Именно классиком, ибо любую из своих художественно-образных идей он доводил до законченного совершенства, живописного и психологического.

Так было с самой ранней поры. Еще не закончив курс занятий в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (где его ведущими преподавателями были В. Серов и К. Коровин), Фальк пишет несколько полотен музейного значения. Среди них «Лиза на солнце» 1907 года. По стилевой идее вещь чисто импрессионистическая — дробные мазки, пленэр, игра световых бликов. Однако же тут вовсе нет растворения формы в пространстве, мгновенности впечатлений, столь свойственных импрессионистам. Спокойно,последовательно развита тема внутреннего света, пронизывающего изображение и оказывающегося аналогом душевной чистоты и ясности. Вслед за «девушками» В. Серова эта картина живет обаянием и жизненной энергией юности. Но у Фалька еще более всеохватный и трепетный свет, который становится живописной субстанцией, материей жизни. Поразительно музыкальное богатство этой картины, которая вызывает в памяти звуковую палитру Первого фортепианного концерта С. Рахманинова.

В десятые годы Р. Фальк связывает свою творческую судьбу с одной из самых знаменитых российских художественных группировок тех лет — «Бубновым валетом». Это объединение (куда входили также А. Лентулов, И. Машков, П. Кончаловский, А. Куприн, В. Рождественский, некоторое время М. Ларионов и Н. Гончарова) по-бунтарски смело и дерзко соединило фольклорные традиции, приемы городской вывески, лубка, балагана с концепциями новейшей европейской живописи от Сезанна до кубизма. Странное сочетание! Но в этом парадоксе есть своя истина. Утомленная цивилизация стремилась пустить по своим истонченным жилам живую, здоровую народную кровь. В бубнововалетском варианте, чрезвычайно условном и зрелищном, такой эксперимент дал интереснейшие плоды. Вызывающе-озорные, хохочущие над мещанской «добропорядочностью», картины бубнововалетцев полны бурной жизненности, неутоленной радости бытия.

Произведениям Фалька десятых годов присущи все эти качества, но он, однако, занимал в объединении особое место. Его природное стремление гармонизировать мир, представить его в лирических аспектах ощутимо уже изначально. Конечно, например, в «Пейзаже с парусом» 1912 года видны и черты упрощения, свойственные народным картинкам, и оттенки кубистической деформации, и, напротив, сезаннистская плотность отдельных силуэтов. Но все эти разнородные моменты объединяет спокойное, целостное чувство красоты и нерушимой прочности жизни. Цветовые отношения сливаются в единую строгую тональность, массы домов и деревьев замкнуты в мерный, кругообразный ритм, и все это придает изображению умиротворенную и проникновенную музыкальность. Как и натюрморту того же года «Бутылки и кувшин». Расставленные с большими паузами на полукруге скошенного стола предметы кажутся одинокими и обладают характерами, на свой лад «звучащими» в открытом и как бы прислушивающемся пространстве. Вообще именно в десятые годы, на острие живых и свободных бубнововалетских исканий, Фальк овладел удивительным искусством «очеловечивать» пейзажные и предметные детали. Так, крымский «Пирамидальный тополь» 1915 года — это «портрет» могучей жизненной силы, которая буквально полыхает в развевающемся зеленом пламени кроны дерева. Домишки кривой улицы, изображенной в «Старой Рузе» (1913), похожи на оживленно обменивающихся новостями соседей. «Зеленая церковь» (1912) тоскует, сиротливо вздымая в небо свой острый купол. Словом, одушевленность всего сущего становится одним из центральных мотивов живописи мастера. Причем он даже в празднике, игре, карнавале способен расслышать грустные, тоскующие ноты. Наиболее эксцентричные из «бубнововалетских» полотен Фалька — портреты Мидхада Рефатова (1915) и негра — циркового артиста (1917). В обеих этих вещах особенно много кубистических сдвигов, деформаций, сверкающей игры цвета. Да и что-то лихое, бесшабашное есть в облике темнокожего циркача в заломленном цилиндре и с кокетливым платочком, торчащим из кармана. Рефатов с его скуластым, смятым лицом и топорщащимися «лесенкой» рукавами тоже кажется на первый взгляд гулякой с душой нараспашку. Но надо присмотреться ко взглядам этих вроде бы легкомысленных персонажей. В них светится затаенная тоска, ощущение острого душевного неустройства. И весь образный лад начинает восприниматься по-другому.

Вообще творчество Фалька требует ассоциативного восприятия. Художник никогда не писал сюжетных полотен, и оценивать его умонастроение нет возможности по каким-либо повествовательным поворотам и подробностям: надо увидеть и услышать его живопись. Но она достаточно красноречива для такой цели. «Я стремился сдвигами формы акцентировать эмоциональную выразительность»,— писал мастер в своей автобиографии.

На таких «сдвигах формы» построен шедевр из шедевров Фалька — его знаменитая «Красная мебель» 1920 года, принадлежащая Третьяковской галерее.

ЛИЗА НА СОЛНЦЕ. 1907.

Вкладка 1

ПЕЙЗАЖ С ПАРУСОМ. 1912.

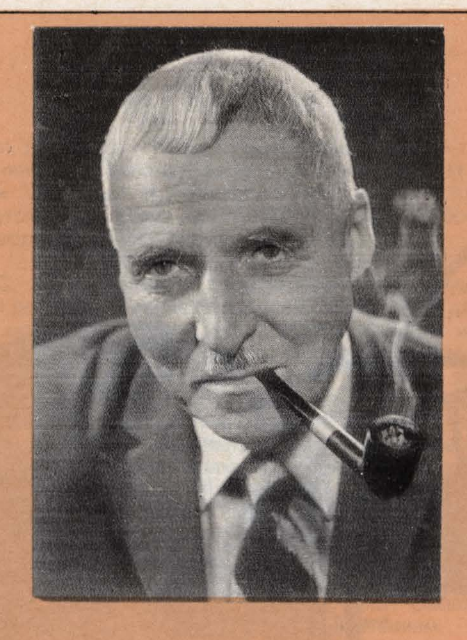
Бесспорно, это отклик на события Октябрьской революции. Художник убежденно пошел навстречу ее идеалам и начинаниям. Через несколько месяцев после Октября он начинает весьма инициативно сотрудничать в отделе ИЗО Наркомпроса, становится профессором Первых государственных художественных мастерских (затем ВХУТЕМАС — ВХУТЕИН). Там он преподает вплоть до 1927 года, воспитав немало прекрасных живописцев (в их числе С. Чуйков, Г. Нисский, Е. Малеина). Многие его картины первых послереволюционных лет вобрали в себя волнения и тревожную страсть эпохи — смятенный автопортрет 1921 года, драматичные пейзажи «Береза» (1918), «Красные дома» (1921) и другие. Но «Красная мебель» сильнее и глубже, чем все остальные картины тех лет, выражает тогдашнее умонастроение художника.

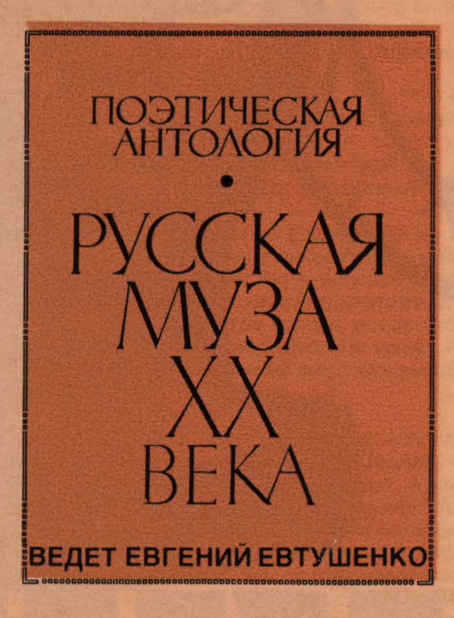
Вот где дает себя знать годами выношенная «очеловеченность» предметной обстановки в его картинах! Полотно называется «Красная мебель», но его можно было бы называть «Мебель говорящая, спорящая, борющаяся»! Московская комната. На ее стенах мечутся тени, в углах затаилась тревога. Окружающие темно-лиловый круглый стол три кресла и диван в пунцово-красных чехлах словно сдвинулись со своих мест, сгрудились, криком кричат друг на друга! Контраст мрачных красок стола и стоящей на нем темной бутылки с багровым пламенем остальной мебели делает просто нестерпимым этот хриплый вопль цвета. Вдобавок весь яростный интерьер показан сверху, он колышется в беспокойном, неуравновешенном пространстве. Можно ли не почувствовать тут чудовищное напряжение времени, отголоски сталкивающихся страстей, душевных борений? Несомненно, что это живописный отзвук эпохи.

ТРИ ДЕРЕВА. 1936. ***Продолжение на вкл. 3***

Константин СИМОНОВ

1915—1979





Пароход «Константин Симонов» уже давно бороздит Черное море, по улицам Константина Симонова во многих городах страны ходят люди, книги его до сих пор не залеживаются ни в магазинах, ни в библиотеках, а мнения о нем как о писателе, общественном деятеле самые противоречивые. Сталинисты-догматики говорят о нем как о человеке, который, прославив Сталина при жизни, предал его после смерти. Антисталинисты-максималисты недовольны его недостаточно негативной половинчатостью в оценках Сталина и его эпохи. Шесть раз лауреат Сталинской премии. Опальный редактор «Нового мира», напечатавший первые предперестроечные произведения, в том числе «Не хлебом единым» В. Дудинцева. Бесстрашно летавший на бомбежки Берлина, ходивший на боевой субмарине офицер без страха и упрека. Секретарь Союза писателей, много раз каявшийся в своих ошибках, которые на самом деле были его лучшими гражданскими поступками. Первым еще до скандала вокруг романа отвергнувший «Доктора Живаго». Автор первой восторженной рецензии на «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Список этих противоречий можно продолжить. Легко напрашивается обвинение в конъюнктурности. Однако думаю, что дело было сложнее. Если перефразировать Гете, то все трещины социализма прошли через сердце поэта. Я видел Симонова на траурном митинге в марте 1953 года, когда он с трудом сдерживал рыдания. Но, к его чести, я хотел бы сказать, что его переоценка Сталина была мучительной, но не конъюнктурной, а искренней. Да, из сегодняшней гласности эта переоценка может выглядеть половинчатой, но не забудем того, что когда-то в оторопевших глазах идеологического генералитета эта страдальческая половинчатость выглядела чуть ли не подрывом всех основ. Симонов дружил с маршалом Жуковым, но тогдашние «пуровцы», осуществлявшие надзор над всей батальной литературой, буквально ели Симонову печенку. Когда запретили военные дневники Симонова, Симонов обратился с письмом к Брежневу, которого хорошо знал по фронту. Симонов мне сам рассказал, как, следуя в Волгоград поездом вместе с делегацией на открытие мемориала, он был приглашен к Брежневу в его салон-вагон и пил с ним всю ночь, вспоминая войну. «Но он ни слова мне не сказал ни про мое письмо, ни про мои дневники...» — горько добавил Симонов. «Почему же вы не спросили?» — поразился я. Симонов нахмурился, пожал плечами: «Я человек военной закваски... Если маршал сам не заговаривает с офицером о его письме, офицер не должен спрашивать». В этой истории — вся трагедия Симонова. Как в своем пророческом раннем стихотворении, он оказался в конце своей жизни поручиком, больше ненужным государству, которому он так верно служил. Страшный парадокс истории в том, что верность служения государству иногда оборачивается предательством самого себя. Государство и совесть — это не одно и то же, если государство попирает совесть. Симонов несколько раз чувствовал яд государственной неблагодарности. В каком-то смысле это был яд целительный, ибо именно этот яд начал избавлять его от иллюзий и помог написать многие страницы прозы, которые станут правдивым документом истории. Но если говорить о прозе как об искусстве, то, на мой частный взгляд, все-таки чувствуется, что многие прозаические произведения Симонова «надиктованы». Художественные взлеты Симонова принадлежат все-таки его поэзии, когда диктовал не он, а ему диктовала история. Под эту волшебную диктовку написаны такие шедевры Симонова, как «Жди меня» и «Ты помнишь, Алеша...». Кто-то назвал Симонова «советским Киплингом». Это в известной мере правильно — и в отрицательном, и в положительном смысле. Но так же как примитивно приписывать Киплинга к английскому империализму, так же примитивно приписывать Симонова к сталинизму. Киплинг и Симонов, дети разных обществ, разных классов, представители разных идеологий, в одном были схожи — они отражали в своих произведениях и империализм, и сталинизм как историческую данность. Симонову смолоду была близка апология военного мужества. Но в его лучших стихах о войне оказалось, что чувство боли, разделенной с народом, выше прославления мужества, этой боли не чувствующего. Мужество по приказу все-таки легче мужества против приказа. Симонов обладал и вторым, более сложным мужеством. У Симонова была слабость признания несуществующих ошибок, но у него было и мужество признавать в самой резкой форме ошибки своей слабости. У Симонова было еще и постоянное мужество помогать другим в их тяжелые минуты — он помог стольким ветеранам, стольким писателям и их вдовам и стольким молодым, в том числе и мне.

Будущая книга о Симонове должна быть книгой обо всей его эпохе, ибо он был с ней неразрывен.

ПОРУЧИК

Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан.

А крепость Петропавловск-на-Камчатке
Погружена в привычный, мирный сон.
Хромой поручик, натянув перчатки,
С утра обходит местный гарнизон.

Седой солдат, откозыряв неловко,
Трет рукавом ленивые глаза,
И возле пушек бродит на веревке
Худая гарнизонная коза.

Ни писем, ни вестей. Как ни проси их,
Они забыли там, за семь морей,
Что здесь, на самом кончике России,
Живет поручик с ротой егерей...

Поручик, долго щурясь против света,
Смотрел на юг, на море, где вдали —
Неужто нынче будет эстафета? —
Маячили в тумане корабли.

Он взял трубу. По зыби, то зеленой,
То белой от волнения, сюда,
Построившись кильватерной колонной,
Шли к берегу британские суда.

Зачем пришли они из Альбиона?
Что нужно им? Донесся дальний гром,
И волны у подножья бастиона
Вскипели, обожженные ядром.

Полдня они палили наудачу,
Грозя весь город обратить в костер.
Держа в кармане требованье сдачи,
На бастион взошел парламентер.

Поручик, в хромоте своей увидя
Опасность для достоинства страны,
Надменно принимал британца, сидя
На лавочке у крепостной стены.

Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы, то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок не нужной никому земли?

Но все-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растер рукою:
Забытая, а все-таки земля.

Дырявые, обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
«Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей!»

Уже давно британцев оттеснили,
На крышах залатали все листы.
Уже давно всех мертвых схоронили,
Поставили сосновые кресты,

Когда санкт-петербургские курьеры
Вдруг привезли, на год застряв в пути,
Приказ принять решительные меры
И гарнизон к присяге привести.

Для боевого действия к отряду
Был прислан в крепость новый капитан,
А старому поручику в награду
Был полный отпуск с пенсиею дан!

Он все ходил по крепости, бедняга,
Все медлил взлезть по сходням корабля...
Холодная казенная бумага,
Нелепая любимая земля.

1939

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая бег небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пускай они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе зябнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездою,
Ко мне на землю руки протяни.

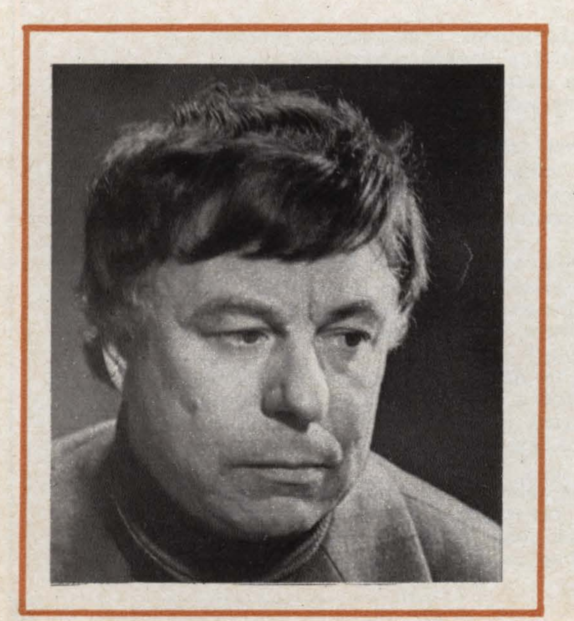
На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки.
Я не звезда. Я удержу тебя.

1941

КУКУШАТА,

ИЛИ ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ СЕРДЦА

Анатолий ПРИСТАВКИН **ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ** **Рисунок Марины ПЕТРОВОЙ**



Поселочек у нас крошечный. Раньше он был деревней, стал узловой станцией, большинство жителей служат на железной дороге. В уже недавнее время, при нас, построили мастерскую для шитья военной одежды. А в церкви, полуразрушенной, говорят, что в какие-то незапамятные времена там даже жили беспризорные, они-то и ободрали ее, теперь размещается мастерская по изготовлению колючей проволоки. Мы там бывали не раз, когда нас посылали шефствовать, и даже крутили машину, выпрямляющую проволоку. А огромные мотки готовой «колючки» лежат клубками во дворе церкви на старых могилах и даже на станции. Куда ее столько делают, мы не знаем. Говорят, нужно для загородки, так в одном нашем поселке ее столько, что по экватору можно землю огородить! Впрочем, от этой мастерской всего и прибыли, что моток на память сунешь в карман, а вот в пошивочной, они именуют ее громко· фабрикой, нам лоскутки разрешают брать для заплаток. А Сандра из лоскутков даже платье себе сшила и в нем ходит.

Мы миновали церковь и фабрику и вдоль линии железной дороги вышли к редким кустикам, за которыми было поле. Но мы далеко в поле не пошли. Присели между насыпью и каким-то деревянным брошенным сараем на траве. Сияло солнце. Было тепло.

Тетка, которую сегодня язык не поворачивался так называть, в короткой юбочке, в белой кофте была такая молодая, что вся светилась; я даже не представлял, что женщины могут светиться. Она достала из сумки полотенце, расстелила его на траве. Потом она достала трофейную банку консервов, нож с деревянной ручкой, лук, огурцы, несколько сварен-

ных картофелин и яичек, и еще масло, настоящее сливочное в стеклянной баночке, я его никогда не пробовал, но однажды видел у директора Чушки в доме. Но я и трофейные консервы тоже видел издалека. Кукушата умрут, когда узнают, чем я тут обжирался! Может, пустую банку захватить на память, когда съедим? У банки и запах такой, что понюхаешь — и почти сыт.

Но, конечно, про запах это я хватил, от запаха, если честно, еще больше есть захотелось. Я старался не смотреть, как возится тетка, как она режет, чистит, она еще и полбухарика хлеба достала, но дух от всего, что выложила, разъедал меня до пяток. Даже закружилась голова. И хоть я не смотрел, но почему-то все отчетливо видел и только не мог понять, зачем все это богатство портить, резать, оно и само пойдет, нерезаное: кусай да глотай... И еще такие мысли лезли в голову: откуда столько жратья сразу берут? Захочешь — столь сразу не наворуешь... А на рынке если... Это же тыщу рублей надо!

Но сколько терпелка ни держит, и она кончается. И в этот самый момент тетка сказала:

— О чем задумался, Сергей? Поедим, что ли...

Ели мы вроде недолго, но так мгновенно все проскочило, я и не заметил. Одно заметил: тетка-то почти и не ела... Вот у нее, сразу видно, терпежу много! А я жевал, жевал, смотрю, а уж жевать нечего. И тогда я еще заметил, что она внимательно меня рассматривает, прямо с какой-то жалостью... Мне даже показалось, что глаза у нее блестят, но может быть, они блестели от лука. Я, когда лук жру, тоже плачу.

— Ну,— спросила она, налив мне в кружку сладкой воды из бутылки,— тебе, наверное, про отца рассказать?

— Валяй,— сказал я.

Накормили, напоили, теперь и байки какие можно послушать. Она это заработала. Тетенька. Ни за что ни про что кормит... Да еще просительно в рот заглядывает. Кому такое не понравится?

— Ему было тридцать пять... Антону Петровичу, когда мы с ним познакомились. Мама твоя умерла. Он был один, а ты... Тебя он устроил в садик на неделю. Ты меня слушаешь?

Я кивнул. Я слушал. Странно только, что это все было как бы про меня, но не про меня. Мама, отец... Садик... Какой садик, если я всю жизнь детдомовский. Ей бы, тетке, моей кормилице, на ухо бы проорать так, чтобы услышала... детдомовский я... Из «спеца» ...И никаких садиков! Огородиков! Я ведь не Наполеончик какой-нибудь или его сын Карасик... Садик у него был! А у меня...

Не было садика! Вот что!

Но я послушно кивал. Пусть травит. Пусть утешается своими сказками. На сытое брюхо они даже располагают. Ну, что там папочка еще выкинул? Пока я в садик-огородик лазил...

— Отец твой, Антон Петрович,— сказала тетка ровно,— был, ну как тебе сказать... Он был инженер-конструктор, большая шишка! Несмотря на это, добрый, отзывчивый...

— Ага,— сказал я, вспомнив Мотю.— Хороший человек!

— Да! Хороший!

— Понятно,— кивнул я и стал смотреть в поле.

— Ты что-то сказал, Сергей?

— Нет,— сказал я.— Это так, для памяти.

Она кивнула, задумалась. Короткая челочка на лбу и большие, огромные темные глаза. Отец, который не отец, называл тетку, которая не тетка, наверное, Машей. Еще бы, красивая тетка Маша! Небось увидал Антон Петрович, конструктор, что она еще и консервами со сливочным маслом кормит. Губа у инженера-конструктора была не дура. Как видите, я после трофейных консервов тоже хорошим становлюсь.

— Он в конструкторском бюро, КБ называется, самолеты создавал. А я там же работала, при медчасти. Я ведь доктор, врач, лечу... Ну, и однажды он ко мне пришел... Простудился на своем аэродроме, при испытании. И смеется, говорит, я все не лечу, и ты — лечишь, вот вылетим с тобой, Машка, в трубу... А у самого — температура... А самолет-то военный, его сдавать надо... Но, правда, сдал... Сейчас они везде на фронте, «Ер-пять», зовутся, может, слышал?

Маша просительно смотрела на меня. Ей очень хотелось, чтобы я слышал и знал, что они, эти самые, которые в температуре этот... Изобрел... Сдал...

Я сжалился над теткой ради масла да тушенки и кивнул.

Кто же из ребят не слышал Ер-пять, которых фашисты называют черной смертью. Только вот историю про такого папочку я сам не хуже бы выдумал. Да у нас в «спеце» чуть не каждый второй такое сочинит про папочку-героя, уши развесишь... И летчик Талалихин, и кавалерист Доватор, и... Сплошь кругом герои, среди них только конструктора боевых самолетов до сих пор не хватало!

С этого момента расхотелось тетку слушать. Я и до этого не очень слушал, но слушал. А когда она на мою жизнь такую знаменитость повесила и про конструктора стала заливать, я и слушать перестал. Раздумывал о погоде, о наших шефских делах и о том еще, что середина августа и скоро погонят в школу. Может, даже я задремал в тихом блаженном состоянии не испытываемой прежде сытости и как-то пропустил главное. Меня насторожили лишь последние слова тетки:

— Они его обвинили в том, что будто он... Фашистам свое изобретение, самолет, мол, чертежи... Продал...

— Кто? — спросил я глупо. Ну и олух царя небесного я был.— Антон Петрович? Продал? Самолет?

Маша посмотрела на меня с недоумением:

— Это мне он Антон Петрович, а тебе-то он отец...

— А как он продал? Этот самолет?

— Да не продавал он ничего! — воскликнула Маша.— Это они его так обвинили...

— Кто они? — спросил я.

Маша будто опомнилась, замолчала. Стала оглядываться, спросила:

— А там, за дорогой, что? Речка там?

— Там,— ответил я.— А кто его обвинил? Милиция?

Маша вздохнула и жалобно посмотрела на меня:

— Он же ни в чем не был виноват. Его забрали. А потом они и меня вызвали. Но я говорила одно, что я его лечила. Они мне про какие-то чертежи, а я им про простуду. Они про врагов народа, а я про то, как он температурил... Ну и выпустили. Не сразу. Через три года. Я ведь не была женой ему... Официально... А его увезли...

— Куда? — спросил я.

— Не знаю. Это у них называется «без права переписки». Я пыталась узнавать... Я ходила, спрашивала... А они, значит, меня спрашивают. А кто вы, спрашивают, ему будете, что о нем печетесь? А я им отвечаю, мол, никто... Но у него ребенок остался, так я хотела бы взять на воспитание... И хочу его найти... Не беспокойтесь, говорят, его воспитывают без вашей помощи, и не хуже... И не надо искать. Идите и успокойтесь, займитесь собственным делом. А я и так занимаюсь, меня устроили, с трудом, правда, санитаркой в больницу. Это потом, в войну, когда медиков-то не стало хватать, опять врачом вернули... А тебя так запрятали, что долго не могла следов найти. Тем более и фамилия стала другой: Кукушкин.

— Пойдем сходим к речке,— сказала Маша.

Я теперь ее стал про себя Машей звать. За то, что накормила. Но вслух, конечно, я ее никак не называл. Еще не хватало! Но к речке сходить согласился.

Мы пересекли железную дорогу, а за ней развалины бывшего кирпичного завода. В поле, по тропке среди конского щавеля и куриной слепоты, других цветов, кроме этих, я не знал, мы спустились к нашей речке. Ее Пихоркой зовут. Она и не широкая, и не глубокая, но сравнивать мне не с чем, я другие речки только в кино и на картинках видел. А купаемся мы в омутке и ныряем с дерева, даже саженками плаваем. Обо всем об этом я стал говорить Маше, но видел, что мысли у нее от этой речки далеко. Она еще рассказанное про Антона Петровича переживала. Особенно как его менты пришли брать... Я представил Наполеончика, и мне тоже стало неприятно. Хотя, с другой стороны, враги и шпионы окопались кругом, их только в нашем поселке не видно. А так в кино посмотришь, как все они нам вредят и вредят... В «Ошибке инженера Кочина» они тоже наше изобретение выкрасть хотят. А вот недавно шел фильм про шахтеров... Артист Андреев вместе с Ваней Курским уголь добывают, прям, как сказал наш Шахтер, очень похоже... Только там, где он работал, никто забоев не взрывал... Да там и без взрывов от нашего бардака все само обваливалось. А в кино двое, значит, один там песню поет... Про курганы, и на гармошке играет... Девушки пригожие, на чертей похожие... А сам как Ваню Курского возьмет за горло и не дает ему стахановскую вахту нести, рекорд, значит, ставить... И другой, тот столбики все бил, чтобы завалилось, ну их, субчиков, и схватили, конечно... А Ваня Курский и Андреев все равно рекорд сделали и потом с молотками так гордо в конце идут, с песней... Прям здорово! Как герои!

Мы сидели на берегу, и я Маше кино пересказывал. А она грызла травинку и молчала.

Вдруг она спросила:

— А ты ничего-ничего не помнишь? У нас ведь тоже река была... Большая-пребольшая... А еще мосты...

Я сделал вид, будто пробую вспомнить про большую речку и про мосты. Но ничего я помнить не мог и хорошо знал, что вспоминать мне, кроме Пихорки, нечего.

— Но, может, дом... Или трамвай... Около вашего дома... А?

Трамвая я тоже не помнил.

— А еще,— сказала Маша,— ты, и папа, и я пошли гулять на его аэродром, это праздник авиации был... Мы пролезли под колючим забором, и папа смеялся, что когда ты задел штанами за проволоку...

Я молчал. Но что-то меня насторожило. Сам не знаю что.

— А потом были парашюты...

— На поле? — спросил вдруг я.

— Да. На поле.

— А сливы были?

— Сливы? — спросила Маша растерянно.— Какие сливы?

— Ну там же продавались сливы...— сказал я.— Или не сливы. Или... не продавались...

— Не знаю... Может быть...— И она, помедлив, воскликнула: — Были сливы! Твой папа в палатке купил и нас с тобой угощал...

А я уже не мог понять, откуда я взял эти сливы. Вроде бы помнил, что проволока и сливы... Ну и еще парашюты... А может, и не было ни парашютов, ни слив, а видел я их уже в кино.

— Но сливы-то, сливы откуда? — закричал я.

— Твой папа купил,— ответила Маша.

— Да я не о том...

— А о чем, Сергей?

— Не знаю,— сказал я,— о чем. Не знаю. Не знаю.

Я и правда не знал, чего я так взвинтился. Ну, были эти сливы или не было слив, какая мне разница. Вот эта Маша, которая не тетка, переживала по-настоящему, так я понимал. Был этот... Антон... Петрович... А ее из-за его шпионства менты сажать начали... А он врагом стал... А она его, видать по всему, жалеет... Только сливы тут при чем?.. И сливы, и парашюты.

У меня голова трещала от таких мыслей, и я сказал Маше: «Пойду искупаюсь».

— А не холодно? — спросила она.

Я лишь усмехнулся ее страху. А еще на фронт собралась, а того не знает, что мы тут до сентября не вылезаем, а Бесик, как самый бешеный среди нас, однажды на спор в октябре залез...

Я разделся за кустиком, трусов у меня нет, и оттуда я спросил Машу:

— А почему ты думаешь, что я в сентябре родился?

— Как почему? — удивилась она. В мою сторону она не смотрела.— Я же была на твоем дне рождения.

— Это когда? — Я спросил так, будто мне не интересно.

Она задумалась.

— Это было... Да. Правильно. Шестого числа. А в тридцать девятом году тебе как раз шесть лет исполнилось. А через неделю его забрали.

Не скажу, что мне так уж хотелось купаться.

В одиночку без Кукушат купаться в общем-то неинтересно.

Но, во-первых, я хотел побыть один. Во-вторых... Во-вторых, я тоже хотел побыть один. И в-третьих, и так далее. И не смотреть на эту приезжую Машу, которая начинает вся слезиться, как только речь заходит о ее Антоне Петровиче.

Вот когда она меня кормила, она и правда была красивой, она прямо-таки сияла, как солнышко, от нее такой теплый, теплый свет исходил. А мне еще показалось, что она и пахла по-другому, и как-то очень приятно. А когда стала про шпионские страсти говорить, то стала неприятной и холодной, я даже подумал: а не шпионка ли она сама, вот и наш Чушка ее заподозрил и даже у окна подслушивал!

Но когда я подумал, то понял, что она не шпионка. Шпионы все-таки другие... «Есть в пограничной полосе неписаный закон: мы знаем все, мы знаем всех: кто ты, кто я, кто он!» Да и чего, если посудить здраво, шпиону или шпионке в нашем «спеце» делать? Кормить голодного шакала сливочным маслом и консервами? Так нас много таких найдется, за чужой счет пожрать! А тайну или секрет какой воен-

ный мы все равно не скажем, потому что не знаем. Да я так думаю: что у нас тут тайн нет! Вот жуликов у нас много. Только это ни для кого не тайна. Разве что для этой Маши.

Я нырнул и, затаив дыхание, подержался за корягу так долго, сколько терпежу хватило. Я думал, под водой мыслей не бывает, а только одна мысль — как выплыть и воды не нахлебать. Но и под водой всякая ерунда по поводу Антона Петровича и Маши скребла мне изнутри голову. Тогда я вылез, попрыгал на одной ноге, выливая из уха воду, а потом скорей натянул штаны.

Выходя увидел, что Маша все собрала, а банку из-под консервов, вот беда, выбросила далеко в камыш, ее теперь не найдешь. И бычок она, покурив, пока я купался, тоже выбросила, это я уже из-за кустов видел. А мне она сказала:

— Поди-ка, Сергей, сюда! Да ближе, ближе... Ты же ногу раскровил! Давай быстренько полечим!

И не успел я охнуть, как она достала из сумочки пузырек с йодом и ловко, невзирая на мои вопли, раскрасила пятнами всю коленку.

Как я ни отбрыкивался, ни лягался, прижгла и отпустила.

— Ну, вот. Хорошо, что по старой привычке я лекарства таскаю с собой. Ты меня на станцию не проводишь?

— Нет,— сказал я.

— Почему?

— Нога болит.

Это я ей мстил за принудительное лечение. Но ломался я для виду, а на станцию с вывеской «Голятвино» во весь фасад мне жутко хотелось попасть, да еще так, законно, под прикрытием Маши. Самим нам туда настрого заказано появляться. Хоть мы, конечно, появлялись. Но если нас излавливали, то сажали в карцер, без еды...

Строже карали лишь за побег.

Но именно станция из всех злачных местечек поселка нас, шантрапу из «спеца», притягивала больше всего. Тут потоком из Москвы и на Москву проходят поезда, оставляя за собой на обочине всяческие огрызки, объедки, бычки и даже в иной раз какую-нибудь коробочку из-под конфет... Бесику однажды повезло: он обнаружил коробочку с изображением Красной площади и Мавзолея Ленина, а края внутри коробочки были, как кружева, а запах был такой умопомрачительный, не из нашей жизни, что мы нюхали целую неделю: по очереди!

Но Маше я всего этого не стал объяснять. Она все равно не поймет.

Мы двинулись по направлению к станции, но уже не по улицам поселка, а прямо по путям, тут многие так ходят, чтобы сократить дорогу.

Маша легко прыгала через шпалины, так что я едва за ней поспевал. А потом мы пошли рядом, я спросил:

— Как ты меня узнала? Среди всех?

Это бы надо было спросить давно, хотя бы там, у реки. Тогда бы не скребло в голове. Но вот я представил, что она уедет, а я так и не узнаю, кто же я на самом деле. И будет меня, хоть ныряй, хоть не ныряй, сверлить эта мысль. Лучше уж отмучиться сразу.

Как говорят, головой в прорубь!

Маша не ответила мне. Она молчала и шла, и все молчала. Я решил, что она не слышала моего вопроса, а второй раз уже не захотелось спрашивать.

И вдруг она сказала:

— Знаешь... Сергей... Я тебе и так, кажется, наговорила лишнего,— и сильно при этом вздохнула. И я понял, что она такая вся добрая и несчастная. Даже немного стало жалко. Меня скребет неделю, и то мочалкой стал, а ее скребет сколько лет...— Ведь правда же,— и она опять вздохнула.— Не надо вешать на тебя такие гири.

— Не знаю,— ответил я.

— А я знаю. И приказала себе: «Замолкни!» Так, что ли, выражается ваш директор? «Замолкни», вот я и замолкла. А ты меня спрашиваешь... Будоражишь...

— Ну, не буду,— сказал я и отвернулся.

— Почему же ты не будешь? — спросила она, вдруг рассердясь. И даже остановилась и прямо-таки окунула меня в свои черные огромные глаза. Они подозрительно блестели.— Я тебе, конечно, отвечу. Ведь речь идет об отце... О твоем, Сергей, отце...

Я молчал.

— А узнала я тебя просто... Как тебя не узнать, ты похож!

— На кого?

— Да на отца своего, господи! Я вначале от волнения как следует и рассмотреть не успела... Только знала, что ты это ты... Как он на фотографиях! В юности!

Фотографии почему-то меня царапнули. Может, потому, что я никаких никогда фотографий не имел. Да кому я нужен?

— А он... какой?

Я не назвал: «отец». Не мог произнести это чужое слово.

В это время прогудел позади поезд. Мы сошли с рельсов, и пока эшелон, а это был, конечно, военный эшелон с машинами или танками под брезентом, грохотал мимо, взбивая пыль, она руками, мимикой, жестами пыталась мне рассказать об этом человеке. Она показала рукой рост, мол, высокий, потом показала плечи, раздвинув широко руки, а потом нарисовала пальцем колечки на голове, что означало, что он был курчав... Она гримасничала, изображая, и это было смешно, как в немом кино. А когда поезд кончился, и шум схлынул, и осталось лишь легкое позванивание рельсов, мы вернулись на дорогу, и она спросила:

— Ну? Ты что-нибудь понял?

Я кивнул. Хотя я не знал только одной мелочи: вправду ли этот красавчик мой отец? Меня прилизать да сфотографировать, я, может, еще не таким красавчиком выйду... И в ширину, и в высоту!

— А где он сейчас?

Она пожала плечами и отвернулась. Я понял, что она снова может заплакать, и перешел на другую тему.

— Скоро станция,— сказал я.— Ничего, если я соберу бычки... Это не для меня... Это для Шахтера...

— Собирай,— ответила она.— А может, ему дать папирос?

— Вот еще! Он к ним не привычный! Ему заплеванные бычки нужны!

Но Маша не поняла моего юмора.

— Ну какая же разница,— удивилась она и достала из сумки нераскрытую пачку «Беломора» и, ничуть не колеблясь, отдала мне.— Ты сам-то не куришь? Но пробовал, конечно?

— Пробовал. У нас все пробовали, даже Сандра!

— Дрянь?

— Не знаю...

— Но я знаю... Если бы не заключение... Я бы сама не стала. И отец твой, кстати, не курил. Он очень сладкое любил.

Тут мне стало смешно: вот дурочка, эта Маша, кто же не любит сладкого? Только пусть объяснит, как его любить, если оно не у нас...

Мы пришли на станцию, и Маша велела мне ждать. Ходила она долго, я успел целую кучу бычков набрать и вдобавок пустую коробку от спичек. И еще военную пуговицу.

Она вернулась и сказала:

— Все сделала, билет оформила, у нас есть время. Ты есть хочешь?

Вопрос не менее дурацкий, чем про сладкое. Кто это и когда, покажите мне такого идиота, не хотел бы есть?! Есть можно всегда. Да вот беда, никто всегда есть не предлагает. Был случай, мы на постное масло наткнулись, когда по складу одному шарили. Жрали, пока из нас обратно не потекло... Но это давно было. А больше досыта нам жратья ни разу не попадалось...

Маша поняла по моему молчанию, что сморозила глупость. Она взяла меня под руку, хоть так было идти неудобно, неловко даже, стыдно, и подвела к дверям в ресторан:

— Вот здесь мы и посидим до поезда. Ты согласен?

— Согласен,— хрипло произнес я.

Еще бы не разволноваться, когда я пересекал святую черту, отделявшую всех нас, голодных и бесправных, из местной шантрапы, от настоящего рая. Так, во всяком случае, это нам всегда представлялось. И я вошел вслед за Машей, робея от большого прохладного зала с мраморным полом и колоннами, с множеством столов, где белели скатерти и что-то на них стояло. Но с испугу я не рассмотрел, что же на них стояло. Я увидел окна с бархатными занавесками — это из-за них, прилипая к стеклам, мы не могли тут ничего рассмотреть,— кадки с настоящими деревцами и огромную картину на стене. Верней же, вся стена это и была картина. А на ней, как живой, стоял зеленый лес, а среди леса гуляли медведи. Я даже рот открыл, да вовремя спохватился, рукой сам себе прикрыл, такую красоту я увидел впервые. Посмотрели бы мои Кукушата, они бы не так раззявили! Но я им расскажу, я ведь запомнил подробно, и сосны, освещенные солнцем, и одно поваленное наискось дерево, и медвежонка, карабкающегося по стволу... Этот лезет, а другие рядышком промышляют. Прямо как наш брат из «спеца». Если бы мне сказали, например, что картина зовется «Шантрапа на свободе» или «Шантрапа на промысле», я бы сразу поверил.

Наверное, я бы надолго застрял посреди зала, но Маша легонько толкнула меня в спину, а когда я очухался, негромко сказала:

— Давай пройдем вон к тому столику... Оттуда ты сможешь еще посмотреть.

Окончание следует.

В ОДИН ОСЕННИЙ ВЕЧЕР ДАЛЕКОГО 1973 ГОДА НА ЗАГОРОДНОМ ШОССЕ ПОД ОТТАВОЙ МЕНЯ ДОГНАЛ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПАТРУЛЬ И, СИГНАЛЯ СИРЕНОЙ, МИГАЛКОЙ И ФАРОЙ С НАДПИСЬЮ «СТОП», ЗАСТАВИЛ СВЕРНУТЬ НА ОБОЧИНУ.

Александр ПАЛЛАДИН

ли первые дни моей работы в Канаде, за рулем я сидел без году неделя и по неопытности забыл включить осветительные приборы. На что мне и указал полицейский, забрав мое водительское удостоверение.

Не ведая, что за этим последует, я вылез из машины, пошел к патрульному «Плимуту» и как бы между прочим, сгустив акцент, сказал:

— Вот ведь, сэр, незадача какая: только на днях прилетел из Европы в вашу страну и еще не обвыкся, что, конечно, нисколько не умаляет мою вину. Кстати, у нас, в Европе, иностранцев карают не так строго...

Полицейский — ноль внимания на мои слова. Нажал еще пару клавиш на встроенном в приборную доску миникомпьютере, постучал ногтем по экрану дисплея и только тогда разжал губы:

— Поскольку других нарушений за вами не значится, налагаю штраф в двадцать долларов. Вы обязаны уплатить его в 15-дневный срок, иначе сумма удвоится. В случае несогласия можете обжаловать мое решение через суд. А теперь поезжайте, да не забудьте фары включить.

С досады и в силу новизны ситуации мне тогда показалось, что я как минимум стал жертвой придирки. Но другой случай полтора года спустя заставил взглянуть на собственное злоключение иными глазами.

В Оттаву с официальным визитом прибыл тогдашний министр обороны США Шлессинджер. Посетив канадский парламент, он и его свита выехали на Веллингтон-стрит, где, развернувшись, притормозили у клуба печати. Шлессинджер проследовал внутрь здания на пресс-конференцию, а его бронированный «кадиллак» в ожидании сановного пассажира вполз на тротуар.

Мимо как раз проходил представитель «зеленых шершней» — специальной службы, которая следит за соблю-

ГОСТЕПРИИМСТВО, А НЕ ПОДОБОСТРАСТИЕ

дением правил парковки и которую так прозвали за цвет униформы да острое, неумолимое «жало». Молча, не торопясь, «зеленый шершень» вынул блокнот и, положив на капот министерского лимузина, стал заполнять квитанцию. (Водителей, хоть одним колесом въехавших на тротуар, за океаном карают нещадно.)

Из «кадиллака» выскочили шофер и охранник, к ним присоединились сотрудники посольства США в Канаде и, только лишь не хватая «зеленого шершня» за грудки, принялись хором доказывать, что на высокого вашингтонского гостя общие правила не распространяются. Не удостоив напиравших на него даже взглядом, блюститель дорожного порядка вырвал заполненную квитанцию и привычным жестом заткнул за очиститель лобового стекла. После чего так же степенно, с чувством исполненного долга, зашагал по Веллингтон-стрит дальше.

К вечеру о случившемся знала вся Оттава. Местная публика восприняла сие как курьез, не выходящий, впрочем, за рамки ее понимания принципа: перед законом равны все.

А теперь перенесемся в наши дни и наши, родные края. Еду недавно по одной из главных магистралей Москвы, держась крайнего левого ряда и строго соблюдая скоростной лимит — 80 км/час. Вдруг рикошетом от зеркала заднего вида по глазам ударила вспышка фар. Никак, думаю, догнала спецмашина — милиция либо кто-то еще из облеченных властью сограждан, кому наш брат «частник» по писаным и неписаным правилам должен без промедления уступать путь. Оказалось — «иномарка» с номерным знаком для иностранцев же. И властно так, по-хозяйски продолжает подстегивать вспышками фар — мол, знай свой рядок. Убедившись же, что не на такого напал, заморский гость обогнал меня справа, с лихостью «мастера» сделал подрезку (впредь, дескать, будешь уступчивей) и понесся дальше, только габаритные огни засверкали.

Кто-нибудь из читателей наверняка вспомнит аналогичные случаи из собственной практики. «Шевроле», «мерседесы», «вольво», «тойоты» с не такими, как у нас всех, номерами гоняют по московским улицам и проспектам, превышая скорость, распихивая простых смертных светосигналами и не признавая линий разметки.

Свыше десяти лет прожив в Канаде и США, знаю, сколь в своей массе законопослушны и взаимно вежливы тамошние водители. Благовоспитанностью славятся и автолюбители во многих странах Старого Света. Знакомый рассказывал, как, возвращаясь в город из венского аэропорта, допустил незначительное нарушение ПДД и получил выговор от местного жителя, который не поленился проехать следом за ним километров двенадцать, только чтоб его отчитать.

А поведение в очередях... Пусть уж читатель поверит, что они бывают и за границей, куда, правда, реже, чем у нас. В Северной Америке на сей случай придумали пронумерованные отрывные билетики. Подошел, например, в супермаркете (по-нашему — универсам) к отделу деликатесных сыров и колбас — там самообслуживания нет,— оторвал листок с номером и ступай себе по другим делам, изредка поглядывая на табло, где отмечается движение очереди.

Вот и представьте мое удивление, когда в конце прошлого года, попав в Лужники на матч между советскими и канадскими хоккеистами, я обнаружил в буфете Дворца спорта привычный «хвост» жаждущих еды и питья, а сбоку — группу особо нетерпеливых, норовящих получить те же бутерброды и «фанту» немедля. Удивила, разумеется, не эта картинка как таковая, а то, что в обход очереди к прилавку рвались иностранцы. Один из них протянул буфетчице мятый трояк и на ломаном русском сделал заказ. Очередь привычно безмолвствовала, и мой протест повис в воздухе. Продавщица наставительно-осуждающе буркнула: «Это же иностранцы!» Так в недавние, «доуказные» времена иные доброхоты защищали жертв зеленого змия.

Кстати, о спиртном и его потребителях. Тоже престранная вещь получается: своих любителей алкоголя ограничиваем, стыдим и даже наказываем, а зарубежных вовсю потчуем.

Во время прошлогоднего отпуска поехал на неделю с семьей в Таллин, где — не спрашивайте, как — раздобыл номер в гостинице Интуриста. Каких только крепких напитков там не предлагали (все — за валюту)! Немудрено, что с раннего утра скоростные финские лифты благоухали перегаром, а стены и потолок нашего номера до поздней ночи ходили ходуном: то, будто набредшие на оазис пустынные странники, веселились представители государства, где насчет спиртного не разгуляешься.

Что ж это находит по приезде в Советский Союз на некоторых иностранцев? Отчего в гостях у нас они становятся на себя не похожи, подчас ведут себя так, что впору сказать — распоясались?!

Высокомерие, грубость, нахальство никого, конечно, не красят. Но лично я не спешил бы во всем винить одних чужестранцев. Сознание-то определяется бытием, а многие бытующие у нас привычки и нравы низвели вопрос: «Ты меня уважаешь?» до уровня анекдота.

В начале февраля по страницам ряда центральных газет прошелестел благоговейный шепот: «Сам Арнольд Шварценеггер к нам пожаловал!» За малым исключением, писавшие о нем словно состязались в демонстрации знакомства с голливудской звездой, чьи фильмы никогда не шли в нашем кинопрокате. (Это, однако, не помешало авторам посвященных Шварценеггеру публикаций переиначивать его фамилию и так и сяк).

А пожаловал Арнольд к нам по делу — доснять фильм «Красное сердце», где он играл роль капитана советской милиции, которого, разумеется, звать Иваном, но с редкостной фамилией Данко. По сценарию «Красное сердце» завершается кадрами на Красной площади. Там-то и состоялось явление Шварценеггера местному и заезжему народу.

Очевидица этого события после в одной из столичных газет с умилением писала, как, завидев Арнольда, иностранцы себя щипали — не сон ли, а доморощенные почитатели Шварценеггера наперебой выкликали названия его предыдущих кинокартин: «Варвар Конан», «Истребитель», «Коммандо»... Что и говорить, всезнаек у нас предостаточно; порой только диву даешься, каким образом они узнают то, что малодоступно массам. Их бы осведомленность авторам публикаций про Шварценеггера!

Одна «Советская культура», пожалуй, не забыла про свой главный долг перед читателями: информируя, не приукрашивать истину и не сотворять фальшивых кумиров. Эту газету не умилили стереотипные заверения Шварценеггера о желании поспособствовать своим творчеством укреплению мира и дружбы между народами. Более того, «СК» в них усомнилась, и было отчего.

Путевку в киножизнь экс-чемпиону по культуризму дал режиссер-постановщик антисоветского пасквиля «Красный рассвет» Джон Милиус. Он публично величает себя «фашистом по духу» и старается пропитать каждый свой фильм идеями ницшеанства. Так на свет появился «Варвар Конан» со Шварценеггером в главной роли.

С тех пор ученик затмил учителя славой (на голливудской бирже труда покартинная ставка Арнольда — три миллиона долларов — равна либо выше того, что платят таким звездам, как Роберт де Ниро, Аль Пачино, Мэрил Стрип, Дайана Китон, Сэлли Филд, Джессика Лэндж, Джейн Фонда, Кэтлин Тернер и Ричард Гир). Но образ, воплощаемый Шварценеггером из ленты в ленту, все тот же. «Арнольд,— отмечалось два года назад в журнале «Америкен фильм»,— сделал себе имя исполнением ролей человекоподобных машин истребления».

Таким он предстал и в картинах «Хищник» и «Бегущий человек». Чтоб избежать упреков в предвзятости, сошлюсь на мнение одного американского рецензента. По его выражению, в «Бегущем человеке» Шварценеггер только и делает, что калечит, душит, пристреливает, давит автомобилем со скоростью 146 человек в час экранного времени. Неспроста «Коалиция против насилия на телевидении» присудила ему за эту ленту титул «Самый жестокий актер года». В таком звании Арнольд и прибыл в Москву.

Но бог с ним, со Шварценеггером. Он просто бизнесмен от поп-культуры и, принимаясь за «Красное сердце», исходил из кинорыночной конъюнктуры. Ведь если в эпоху разрядки на Западе сняли фильм про Джеймса Бонда, где пресловутый агент 007 действовал заодно с советской разведчицей, то почему бы теперь не развлечь публику похождениями советского милиционера, вместе с американскими полицейскими борющегося с наркомафией?

Бизнесом, если называть вещи своими именами, занимается и «Видеофильм». Поэтому в принципе можно понять согласие его руководства потрафить Шварценеггеру, захотевшему пущего правдоподобия ради снять финальные кадры «Красного сердца» на Красной площади. Труднее уразуметь другое: попытку представить сей эпизод редкой коммерческой удачей, более того — примером советско-американского сотрудничества, шагом к улучшению взаимопонимания.

И еще одна мысль, навеянная визитом Шварценеггера. Мало того, что принимавшая его сторона выставила исполнителя ролей суперменов и головорезов незаурядным деятелем культуры, «Видеофильм» счел также возможным и нужным организовать Арнольду «паблисити», на какое, бьюсь об заклад, он и сам не рассчитывал.

В хоровод, который устроили вокруг Шварценеггера, вовлекли центральную прессу и даже Юрия Власова — как, дескать, не порадеть заокеанскому гостю, пожелавшему свидеться с кумиром юности. Усадив нашего прославленного штангиста и литератора в один лимузин с бывшим победителем конкурсов по культуризму, хозяева отправились колесить по Москве в поисках места, где Арнольд мог бы помериться силой с чемпионом Римской Олимпиады. В один спортзал примчались, в другой — все не так, все не по нраву организаторам автопробега по столичным прибежищам культуристов. Наконец, измучив тех, ради кого все это затевалось, нашли помещение, куда не зазорно привести звезду Голливуда... Чем не сюжет для второй серии «Праздника Нептуна»?

Чего за такими эпизодами больше — простодушия, идеализма, некомпетентности?.. Видимо, налицо и то, и другое, и третье, и еще, наверное, недостаток навыков общения с окружающим миром.

Я рад, что мы расширяем наши контакты с разными странами — это естественно. А поскольку мы расширяем наши связи не только на Западе, но и на Востоке, в частности с Китаем, я бы хотел напомнить наказ в то время премьера КНР Чжоу Эньлая своим сослуживцам перед тем, как в Пекин в 1972 году приехал тогдашний президент США Никсон: не путать гостеприимство с подобострастием, вести себя с достоинством, не забывать, что за народ и страну они представляют.

Земля у нас одна

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

Александр ГРАЩЕНКОВ

ФОТОКОНКУРС

ПИВО охлажденное
ПИВО охлажденное
ПИВО охлажденное

УПРЯМОЕ МЕСТОИМЕНИЕ Я

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ФАКТ

Утешенья слабые звучат,
и закат последний догорает...
В окруженьи
праведных внучат
палачи и жертвы
умирают.

И, конечно, верят
те и эти,
у порога
главной темноты,
что недаром
прожили на свете.
И пред совестью своей
чисты.

ПОЗАВЧЕРА

Пятидесятый.
Карелия.
Бригада разнорабочих.
Безликое озеро.
Берег,
где только камни растут.
Брезент, от ветра натянутый,
вздрагивает и лопочет.
Люди сидят на корточках.
Молча обеда ждут.
Сидят они неподвижно.
Когда-то кем-то рожденные.
Ничейные
на ничейной
и очень уставшей земле.
Нечаянно не посаженные.
Условно освобожденные.
Сидят и смотрят, как крутится
крупа
в чугунном котле.

ЖАЖДА ЧУДА

Жажду чуда
знаем все мы.
И почти привыкли жить,
веря в то,
что все проблемы
чудо
может разрешить.
Чуда хочется —
хоть тресни!
Чуда хочется —
хоть плачь!
Хочется
бодрящей песни
и невиданных удач!
Что — ухабы,
топи,
мели,
хлябь
и прочая мура,—
хочется побед
немедля!
Сразу хочется «ура»!
Жажда чуда,
жажда чуда.
Или всё,
иль ничего...

Это —
спринтерское чувство.
Марафон —
не для него.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Вот — довоенное фото:
ребенок со скрипкой.
Из вундеркиндов,
которыми школа гордится...
Вырастет этот мальчик.
Погибнет под Ригой.
И не узнает,
что сын у него родился.

Вот — фотография сына.
В Алуште с женою.
Оба смеются чему-то.
И оба прекрасны...
Он и она —
безутешны — сидят предо мною.
И говорят о Кабуле.
И смотрят в пространство.

Вот — фотография сына...
Во взгляде надежда.
Вместе с друзьями
стоит он у дома родного...
Этот задумчивый мальчик,
похожий на деда,
в восьмидесятом
с войны
не вернулся снова.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Не хотели,
не ждали таких двужильных.
Прорастают фамилии в имена.
Они,
оглушенные визгом «Держи их...»,
не понимают,
в чем их вина.
А вина их большая,
вина изначальная
в том, что многим было спокойней без них.
Их ругают,
цитируя, а не печатая.
Четвертуют
до выхода первых книг.
Но они продираются,
пробиваются —
сквозь улюлюканье,
злобу
и смех.
И — начинаются.
И — сбываются.

Не все, конечно.
И не для всех.
Заняты делом они.
А в особенности —
устройством не быта,
а бытия...

И гордятся
единственной личной собственностью:
упрямым
местоимением
Я.

СЛОВО О ВОЙНЕ И ВОИНЕ

Юрий БЕЛАШ

Тяжело писать о человеке, которого только что похоронил. Тяжело, но надо.

Публиковать стихи Юрий Белаш стал несколько лет назад. Вышли у него два сборника — «Оглохшая пехота» и «Окопная земля». О нем заговорили. Особенно подлинные, тонкие ценители поэзии — это внушало доверие.

Но та правда, которая вставала в его стихах, не была тонкой. Это была грубая, неприкрашенная правда о войне. О ее бесчеловечной жестокости. О ее странностях, понятных только тем, кто через нее прошел. Однако поэзия Белаша при всем присущем ей натурализме, при всех воспроизведенных в ней ужасах — это все-таки поэзия мужества. Ужасается войне не трус, не истерик, а человек, готовый исполнить свой долг до конца.

Немного найдется фронтовиков, у кого есть и медаль «За оборону Москвы», и медаль «За взятие Берлина». Белашу повезло: он остался жив и, промолчав тридцать лет, сказал нам о войне свое, то, что до него в стихах никто не говорил.

«Я и сам не понимаю — как меня сей жребий миновал? Может, я, а не Сергей Минаев был убит под Клином наповал. Может, не его, меня зарыли после боя — в выжженном селе, но из списков вычеркнуть забыли — и живу, живу я на земле. И, щемящей памятью влекомый в годы те, где все гремит война, я стою у насыпи знакомой, у могилы, где схоронен я...»

Я знаю, как воспринимают стихи Белаша фронтовики, не только из числа литераторов. Они плачут.

Друзей у него было мало, но это были настоящие друзья. Особенно сблизился он с Вячеславом Кондратьевым, в литературной судьбе которого, в подходе к военной теме много общего с Белашом. Разница лишь в том, что один — прозаик, а другой — поэт. Впрочем, свои стихи последнего времени Белаш называл стихопрозой.

Белаш отличался редкой независимостью характера. Его нельзя было заставить разговаривать с человеком, который был ему несимпатичен. Он просто разворачивался и уходил. Его нельзя было заставить участвовать в начинаниях, которые не внушали ему доверия и уважения. В течение долгого времени, уже будучи автором книг, он уклонялся от вступления в Союз писателей СССР, и этим напоминал еще одного писателя-фронтовика — Владимира Богомолова, автора прекрасного романа «В августе сорок четвертого», рассказа «Иван», по которому А. Тарковский поставил свое «Иваново детство». Позиция Белаша и Богомолова в этом вопросе была позицией, а не блажью.

«Вступай, Юра, ты человек израненный, живого места на тебе нет, тебя в нашей писательской поликлинике хорошие врачи лечить будут, в хорошую больницу положат...» — не раз говорили ему В. Кондратьев, С. Шуртаков, В. Дементьев, В. Берестов... Наконец уломали, документы в Союз отнесли. И тут началось такое, о чем стыдно рассказывать читателю: некие вершители поэтических судеб всячески препятствовали его приему, а когда стало невозможно препятствовать, избрали испытанную тактику затягивания... Так и не увидели Белаша литфондовские врачи — он умер в одиночестве, в своей холостяцкой квартире на Ломоносовском проспекте, «высотном блиндаже», зажав в руке таблетку нитроглицерина.

Могилы Белаша нет. Он завещал развеять свой прах. Он хотел остаться только в своих стихах.

Андрей МАЛЬГИН

* * *

Наступаем...
Каждый день — с утра, вторую неделю —
наступаем.
Господи ты боже мой! — когда же кончатся
эти бездарные атаки на немецкие пулеметы
без артиллерийского обеспечения?..
Давно уже всем — от солдата до комбата —
ясно,
что мы только зря кладем людей,—
но где-то там, в тылу, кто-то тупой
и жестокий,
о котором ничего не знает даже комбат,
каждый вечер отдает один и тот же приказ:
— В России народу много. Утром взять
высоту!..

* * *

Что мы знаем о животном начале в людях?..
Немного — поскольку ищем божественное в них.
Вот поэтому-то мы и путаемся в трех соснах,
пытаясь объяснить этого человека, в котором
божественного не больше, чем в спичечном
коробке,
с помощью коего он раскочегаривал свою трубку.

* * *

Он стал богом. Предшественники — святыми.
Портреты — иконами. Лозунги — хоругвиями.
«Краткий курс» — священным писанием.
Коммунизм — царством небесным.
А грешников — в геенну огненную:
инквизиция, Торквемада!..

Ей-богу, в духовном училище и семинарии
все одиннадцать лет
он был круглым отличником.

Публикация Л. СЕРГЕЕВОЙ.

МЫШЛЕНИЕ
ХОЗЯЙСТВЕННИКА...
ЗАЧЕМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
КОЛХОЗА,
У КОТОРОГО
И ТАК ЗАБОТ
ХВАТАЕТ:
ЖЕСТКИЙ СПРОС
И ЗА ПРОИЗВОДСТВО
ЗЕРНА,
И ЗА МЯСО,
И ЗА МОЛОКО...—
ВЕШАТЬ СЕБЕ
НА ШЕЮ
ЕЩЕ ОДНУ
ОБУЗУ.
ДА ЕЩЕ КАКУЮ —
КОННОСПОРТИВНЫЙ
КОМПЛЕКС!
ВЕТЕР В ГРИВАХ

Хорош Гнедой,— ласково потрепал лошадь по шее Иван Васильевич Ропавка и тут же спросил: «А вы знаете, сколько этот чудо-конь стоит?.. Самое малое десять тысяч долларов!..»

Иван Васильевич Ропавка — председатель колхоза имени Ленина Чутовского района, Герой Социалистического Труда. Это по его инициативе на колхозной земле поднялся прекрасный конноспортивный комплекс. Занимает он полсотни гектаров. Есть свой музей, гостиница, зал заседаний, столовая, оздоровительный центр. Отличная современная конюшня. Удобный ипподром. У самого леса тихая улица комфортабельных коттеджей. Здесь живут специалисты.

Деньги потрачены немалые. И на само строительство, и на содержание штата, и на покупку лошадей. И хотя сегодня ни одной лошади еще не продано, по словам председателя,— это уже прибыльный цех. Молодежь не рвется в город, связывает свою жизнь с сельским хозяйством, приобретает профессии отцов и дедов, прекрасно трудится.

— А вот возродим вскоре крестьянскую свадьбу на тройках с бубенцами — ни одна невеста выйти в город замуж не пожелает,— рассуждает Иван Васильевич.— Представьте нарядный фаэтон, чудо-кони — только снег из-под копыт...

— Забот, конечно, хватает,— продолжает Иван Васильевич,— у кого их нет, но лошади для меня — счастливый подарок детства. Родился я в чутовской деревеньке. Сызмальства среди лошадей. Был в ту довоенную пору директором агробазы «Чутово» Иван Федорович Калюжный, фанатик лошадей. Сам умело ездил верхом и пацанов тому обучал. А какие праздники устраивал на селе! Подумалось мне как-то в бессонную ночь: а не возродить ли чутовскую славу былую? Завести в Чутове чудо-коней, самых красивых, самых быстрых, самых выносливых! Построить коneферму, конноспортивную школу организовать: пусть соседствуют рядом спорт и искусство выращивать лошадей. Таких, чтобы пользовались завистью и спросом не только у нас на Полтавщине, в Союзе, но и за рубежом, на аукционах пополняли нашу государственную казну...

Зоя КРЯКВИНА.

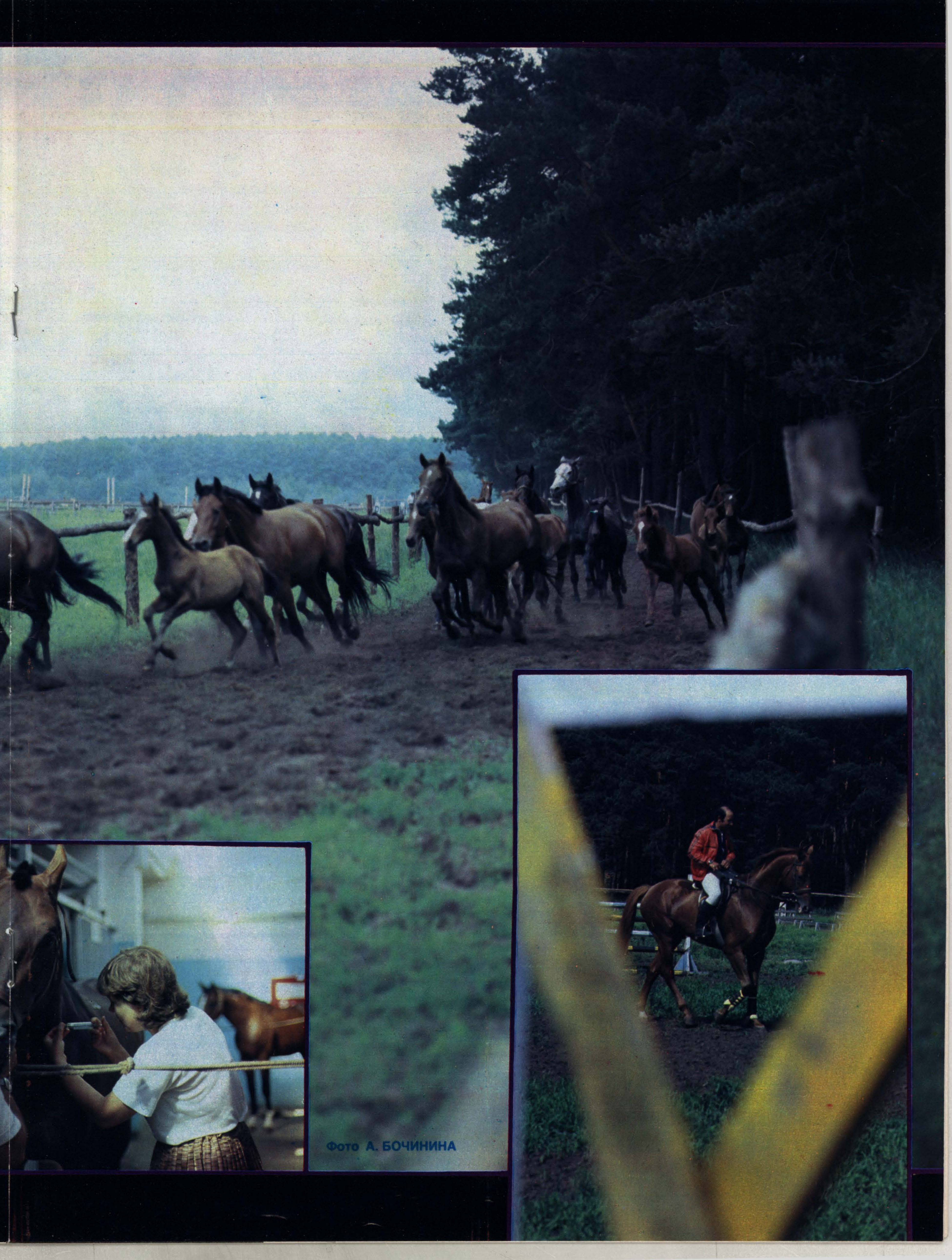
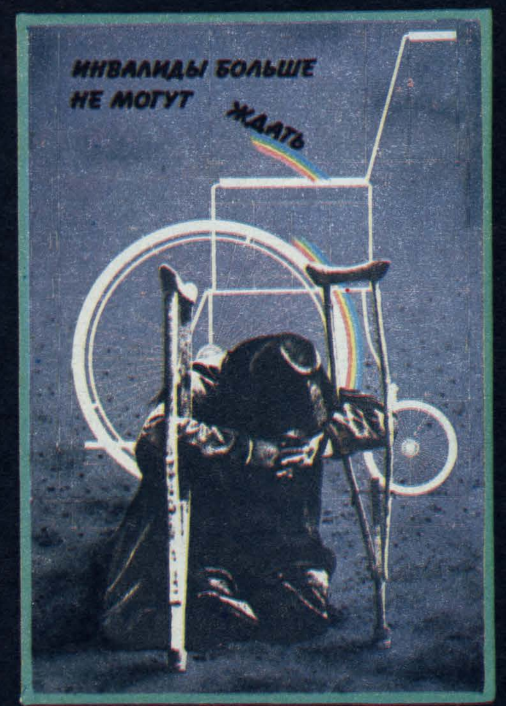


Фото А. БОЧИНИНА

ЭТИ ПЛАКАТЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАКОМЫ МАССОВОМУ ЗРИТЕЛЮ, НО ОНИ ВОЙДУТ В ОДИН ИЗ КОМПЛЕКТОВ, КОТОРЫЕ ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАКАТ».

ВЕНЕЦ — ДЕЛУ КОНЕЦ...



С. МОСИЕНКО. ВЕНЕЦ — ДЕЛУ КОНЕЦ...

А. ВАГАНОВ. 1929. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ.

О. КАЧЕР. ИНВАЛИДЫ БОЛЬШЕ НЕ МОГУТ ЖДАТЬ.

А. ЛОЗЕНКО. 1935... 1940.

ГДЕ МЕСТО ПЛАКАТУ?

Наконец-то исчезли с улиц плакаты — старые безликие (несмотря на преобладание одного и того же лица), бездумные (потому-то не заставлявшие остановиться), серые (хотя все больше в кумачовых тонах) плакаты. Народ к ним до того привык, не обращал внимания, даже не ухмылялся. В застойном течении жизни, во всеобщем равнодушии чувства дремали. Художественные средства поскупели и поскучнели. Самобытность заслонялась посредственностью и бесцветным ура-патриотизмом.

Перемены в нашей партии всколыхнули, пробудили дремавшее сознание. И плакат пока еще робко, но уже начинает говорить на языке остром, современном, динамичном...

Отношение плакатистов к процессам обновления не однозначно. В их полку есть и равнодушные «наблюдатели» перестройки, такие, что творят по старинке. Но рядом с ними уверенно набирает силу иной плакат, создатели которого пристальнее начали вглядываться в человека, с его болью, заботами, нуждами, радостью и печалями. Закономерен интерес плакатистов и к отечественной истории, особенно к тем ее страницам, которые были «закрыты» долгое время.

Все это наглядно продемонстрировала выставка «Плакат — перестройке», проходившая в Москве, в Староконюшенном переулке, что на Арбате.

Перед вами всего четыре из десятков выставленных плакатов в числе признанных лучшими. А из лучших издательство «Плакат», одно из организаторов выставки, составило два комплекта и собирается вскоре их выпустить. Появятся ли они на наших улицах? А если появятся, — остановится ли прохожий, чтобы взглянуть? Посмотрим.

Игорь ПЕЧКИН,
Марк ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Алла БОССАРТ

...Был один особо авторитетный институт — товарищеский суд, нигде не обозначенный в законах, но при молчаливом согласии Наполеона введенный в великой армии. Вот что по этому поводу говорят очевидцы. Произошло сражение. В роте заметили, что двух солдат никто во время боя не видал. Они явились к концу и объяснили свое отсутствие. Рота, убежденная, что виновные просто спрятались от страха, сейчас же выбирает трех судей (из солдат). Они выслушивают обвиняемых, приговаривают их к смертной казни и тут же, на месте, расстреливают. Начальство все это знает, но не вмешивается. На том дело и кончается. Ни один офицер не должен был не только участвовать в суде, но даже и знать (официально по крайней мере) о происшедшем расстреле.

Е. Тарле «Наполеон».

ТОВАРИЩЕСКИЙ САМОСУД

Однажды очень солидная газета попросила меня побеседовать с социологом об активной жизненной позиции. Я была существенно моложе, чем нынче, да и тогдашняя жизнь не только располагала к исключительно простым, черно-белым взглядам на действительность, но и успешно культивировала их. Так что социологу было просто со мной, юной и однозначной, а мне — с ним. Он наговорил мне шесть получасовых кассет о том, что активная жизненная позиция — это очень хорошо.

И ведь правда без дураков хорошо! А если с дураками?

Один журналист написал в молодежной газете, что нужна, мол, самодеятельность масс в сфере Порядка. Именно так, с большой буквы. Ну что ж, о юных экстремистах, объединившихся под знаменем «Закон и порядок», мы уже читали. И хоть прямо никто ничего не говорил,— всем, способным сопоставлять, ясно: знамя это — отчетливо коричневого оттенка. Когда во имя порядка, во имя наведения чистоты в обществе одни «неформалы» избивают и даже убивают других,— дискуссии, наверное, неуместны. Совершенно очевидно, что подобное проявление «активной жизненной позиции» — результат чудовищной человеческой ущербности, уродливого и безнадежного хаоса в нравственных ценностях. Другое дело — откуда что берется? На какой почве, например, в сознании наших замечательных парней, комсомольцев, отличников боевой и политической подготовки, вызревают фурункулами некой душевной целинности, нравственной девственности экстремистские лозунги и программы? Стоит задуматься и над тем, почему именно самые свирепые экстремисты от самодеятельного порядка назвали себя комиссарами...

Общественная активность, свободная от культуры и нравственности, один из наиболее опасных социальных механизмов. Поколения сталинской эпохи воспитывались на мусульманском девизе «Убей неверного!». Тотальный контроль над личностью, страх наказания и трактовка любой власти как органа наказания слишком долго определяли общественную систему нравственных ценностей. Да и сегодня старые верные образцы пока никто не отменял. И они оказываются не только живучими, но и наиболее надежными. Новая общественность с трудом пробивает дорогу своей программе уважения личности, самоопределения, контроля над администрацией, свободы мнений... В то время как общественность старой школы — ее представителям может не сравняться и двадцати, возраст здесь не важен,— триумфально вершит свой солдатский суд надо всеми и всем, что нарушает порядок в роте. Убежденные в своей правоте, они называют себя комиссарами, общественными комиссиями, товарищескими судами, и я не нашла такой официальной организации — советской, партийной или юридической, которая проявила хотя бы академический интерес к уровню компетенции, культуры, морали этих многочисленных полномочных представителей широких масс.

«11 января 1986 года меня лишили родительских прав. Все началось два года назад, когда при сельсовете была создана комиссия по работе с детьми. Помощником районного инспектора была выбрана т. Быкова М. А. (фамилии изменены), освобожденный комсорг совхоза. Ходили по квартирам. Неудовлетворительных семей оказалось много. В том числе и у меня. И вот этот суд. Я не знаю, как мне теперь жить. А может, лучше и не жить...»

Провинция — понятие психологическое. Провинция — состояние крайней несвободы человека. Это глубокая подконтрольность, зависимость личности при бесконтрольности и произволе функции. География тут ни при чем. Хотя в данном случае удручала и география. Заволжск в Ивановской области считают вроде как краем света, за которым уже ничего нет, да и куда не во всякое время года переберешься: моста не строят, а Волга от всякой химии по берегам потеплела, и лед зимой ненадежный, уж не один пешеход там сгинул, под этим льдом. Когда я спрашивала на улице, где райком, мне отвечали странно: «А вам зачем?»

Которые умудрились прожить всю жизнь в ровном и приятном свете законности, тем не понять, почему зависимость и произвол исключают правду. А в провинции это понимают малые дети.

Раньше как было? Мой дом — моя крепость. Потом сын за отца стал в ответе. Потом сына от ответственности освободили, но за благополучием семьи стали зорко следить партком и профсоюз. Теперь писать в парторганизацию уже не модно. Теперь другое. Теперь семью изучают. Но зато если раньше влияние общественных организаций ограничивалось тем, что нерадивых супругов возвращали в лоно, то теперь общественность обрела новые полномочия. Она оценивает: а имеет ли вообще право данная семья на дальнейшее существование? Приходят к вам в дом три солдата, один — у дверей, другой — на кухню, третий — в спальню. И оказывают помощь. Невзирая на возражения.

Наше судопроизводство основано на презумпции невиновности. Ее смысл в том, что не подсудимый доказывает свою невиновность, а суд доказывает его вину (или невиновность). Товарище-

ский суд себя не утруждает. Он из вины **исходит**. Задачу свою суд группы товарищей видит не в том, чтобы рассудить, а в том, чтобы обвинить. Изо всех сил стремясь наказать.

Ни один здравомыслящий человек сегодня не пойдет делать операцию у бабки-знахарки. А товарищеский суд, не ведающий азов законности, выходит, не только норма, но и гордость общества? Как бы одна из форм демократии. Но разве не очевидно происхождение этой «демократии»? Разве не прямое это наследие шарлатанства и ведьмачества, творимого полуграмотными следователями и армией внештатных осведомителей?

Вообще-то, задам я наивный вопрос, зачем при наличии профессионального суда нужен любительский, товарищеский? Тогда давайте так его и назовем: любительский. Потому что к чему, к чему, а уж к товариществу эти любители отношения не имеют.

Разумеется, товарищеский суд, каким бы авторитетным он ни был, уже не может, слава богу, как наполеоновский, сам назначать меру наказания и приводить ее в исполнение. Оплевать, вызвать нервные судороги, ну, максимум инфаркт — вот его «слабый» арсенал. Такими полномочиями, как лишение материнских прав, обладает только суд народный. Но ведь и в народном суде заседают не стоглазые авгуры, а усталые, нервные женщины, обремененные своими заботами и болезнями. И повлиять на их мнение и решение порой так нетрудно... Особенно, если свидетелями выступают... истцы. Да, да, именно товарищеский суд, члены общественной комиссии по работе с детьми, те, что возбудили дело, были приглашены судом давать показания. Судья не видит в этом процессуальных нарушений. Вполне бестрепетно она пояснила мне, обескураженной, что они самые информированные и к тому же лучшие, уважаемые люди села. Грех таких не заслушать. И не согласиться с ними. (Между прочим, и приговор «хронический алкоголизм» был вынесен Валентине Р. стараниями общественности: ее история болезни заполнялась районным наркологом заочно, по мере поступления сигналов из села.)

Марина Быкова жаловалась мне на свою нагрузку: столько сил, столько нервов трачу, а вместо благодарности на тебя зверем смотрят, вечером, верите, из дому боюсь выйти... Иногда думаешь, бросить бы все эти воспитательные дела — и в доярки. Но районный инспектор говорит, что без общественности пропадет. Она — ее глаза, уши и руки на местах. Как за всем уследишь без сознательных помощников?

Живучи традиции. Не правда ли, все это напоминает тряскую неотвратимую рысцу доморощенных донкихотов, о которых писал Платонов? Да, удивительный тип общественности развился из бескорыстных комиссаров: общественности, на которую общество смотрит зверем.

Как за всем уследить? — решают юные каратисты и сколачивают банду под страшным названием «Закон и порядок». Как за всем уследить? — проникается сознанием своей социальной ответственности подросток и составляет протокол на отца-браконьера. Как за всем уследить? — хмурятся активисты и входят в ваш дом тяжелой и строгой поступью, как в латах, зажав в справедливой руке толстую общую тетрадь для протоколов.

Наверное, недаром гуляет в народе злая шутка: «товарищеский суд Линча». Видимо, в ней выразилась, как пишут в учебниках, «вековая мечта» о законности, о культуре и компетентности правосудия — как, впрочем, и воспитания... Знаете, кто контролирует в исполкомах деятельность товарищеских судов? Вы будете смеяться: общественные комиссии.

Однажды случилась в Москве, в Ленинском районе, не совсем традиционная «лавстори». Девицы подрались из-за местного красавца Игоря, который вместе с дружками и наблюдал всю эту кровянку из партера.

Били пэтэушницы. Девятиклассница Оксана держала соперницу Ленку «за локти».

Лена на несколько дней попала в больницу. Герой-любовник продолжал учебу в вузе, остальные мальчики тоже жили не тужили. Зрелых пэтэушниц очень долго держали в КПЗ, судебные заседания без конца переносились, потом следовали кассации, перекассации, плел искусные кружева адвокат... А Оксане еще не исполнилось шестнадцати. И суду она не подлежала. Зато подлежала судилищу.

Я пробралась на него. Самое дорогое, что есть у школы,— это, как у девушки, репутация. Официально меня никто не пустил бы в тот актовый зал, где школьные руководители и инспекция по делам несовершеннолетних учинили расправу над девчонкой из девятого класса. Она молча стояла «перед лицом своих товарищей», низко опустив бедовую голову. Ни она, ни ее мама, ни ребята, ни я пока не понимали, чем закончится «проработка». По очереди члены общественного суда поднимались над столом президиума и произносили филиппики на тему «Как ты могла?!». Затянутая в китель молодая женщина-милиционер звонко говорила: «Я сама мать и понимаю, какое горе ты, бессовестная, причинила своей матери!» Оксана ничего не могла объяснить и ответить. Только бормотала шепотом одно и то же, как заклинание: «Я не била, я держала за локти...»

Сперва я не поверила своим ушам. Хладнокровно, спокойно, словно речь идет о переэкзаменовке, директор школы сообщила, что Оксану решено отправить в спецПТУ. В Бурятию.

СпецПТУ — это исправительное учреждение, колония. Пятнадцатилетнюю пацанку приговаривали к двум годам заключения — быстро, за полчаса решив ее судьбу и даже не разбираясь в сути вопроса. Об истинной расстановке сил в злополучной драке никто за столом президиума в актовом зале школы Ленинского района города Москвы толком не знал. В зале навзрыд плакали подруги Оксаны, тихо сползала со стула мать, два статных милиционера выводили осужденную девочку, закричавшую вдруг птичьим голосом... Прямо из школы, без суда и следствия, без последнего слова, без прощания с мамой, без надежды на кассацию, без адвоката, без всякого права на оправдание, без тени надежды — прямо в зарешеченную машину.

Когда же я, потрясенная этой неправдоподобной картиной, словно сдвиг в привычном измерении, надеясь еще на какую-то ошибку, подошла к президиуму, уже издали предъявляя удостоверение, «двенадцать разгневанных женщин» в смятении задвигали стульями. Их первой и единственной реакцией на мои вопросы было: «Как, как, как вы сюда попали?! Кто пустил?»

Нет, это я хочу спросить. Как вы все сюда попали? Кто всех вас пустил топтаться на нашем достоинстве и распоряжаться нашей свободой согласно своему настроению? Не хочу я, чтоб меня судили солдаты или учителя, а учили или защищали прокуроры. Пусть доярки доят коров, а милиция ловит воров. Как всякий нормальный человек, я хочу, чтобы в обществе царили и закон, и порядок не с большой, а с обычной буквы. Для этого нужно как минимум, чтобы каждый грамотно делал свое дело. Может быть, тогда мы сумеем обойтись без комиссаров и без товарищеского самосуда при закрытых дверях. И заговорят на равных граждане, и преодолеют провинцию в душе своей.

...ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

Вадим ЧУРБАНОВ,
доктор философских наук,
профессор

Кажется, ни в одной стране мира не чтят так свято своих национальных гениев, как мы чтим Пушкина. Говорят, что Шекспира у нас ставят больше, чем в Англии, а Сервантеса издают «на душу населения» больше, чем в Испании. Может быть, это и так. Но правда, как известно, это еще не истина. Да не главное это — «самые» мы или нет. Главное — достаточна ли приобщенность народа к культурным ценностям и его включенность в культурную деятельность для того, чтобы социализм имел тот облик, ради которого совершалась революция и теперь идет перестройка.

Приведу несколько цифр.

По данным статистики, оказалось, что в РСФСР в течение года не посещали театры 93% колхозников и 77% рабочих, а музеи — соответственно 96,5% и около 85%. Не хотели посещать? Дело не только в этом. В РСФСР из 1014 городов 873 не имеют театров, а в целом по стране они есть только в 230 городах, где проживает лишь около трети населения Советского Союза. Подсчитано, что если в 1940 году на тысячу горожан у нас продавалось 1300 театральных билетов, то в 1965 году уже 720, в 1975 году — 602, в 1985-м — 550, то есть в 2,4 раза меньше, чем до войны. При делении внушительных цифр посещений театров детьми на количество детей в стране получается, что в среднем юный человек имеет возможность посмотреть спектакль только один раз в шесть лет. Тем самым детям, которым «все лучшее», с культурой вообще не везет. На 130 с лишним тысяч советских общеобразовательных школ едва набирается 56 тысяч учителей музыки, да и из их числа многие имеют за плечами лишь детскую музыкальную школу. В РСФСР примерно в трети школ нет учителя рисования. Спрос на книги для детей удовлетворяется в стране лишь на треть. К тому же литературу у нас в школе «проходят» теперь на треть часов меньше, чем в 1940 году, и в несколько раз меньше, чем в некоторых зарубежных странах.

Правда, в нашей стране самый большой в мире фонд библиотечных книг. Но 2—2,5 миллиарда из них — почти половина — это «мертвые книги», которые никто никогда не берет. При увеличении за последние 25 лет государственного библиотечного фонда почти в два с половиной раза значительно больше половины населения им не пользуется.

У нас очень много заслуженных и народных художников, целая армия искусствоведов. Но по данным ВНИИ искусствознания, обследовавшего всю страну, 95% опрошенных не смогли назвать какое-нибудь понравившееся произведение изобразительного искусства. Удивительно ли, что живописи и графики в РСФСР в год продается на 400—500 тысяч рублей — это примерно месячная выручка одного среднего мебельного магазина.

Чтобы не утонуть в цифрах, скажу о таком обобщающем факте: место театра, филармонических концертов, художественных выставок, литературы об искусстве в бюджете свободного времени населения во многих районах столь незначительно, что при обработке материалов исследований ЭВМ отбрасывает данные о них как слишком малые величины и показывает «нули».

Недалеки от «нулей» и расходы населения на посещение учреждений культуры из личных бюджетов. У рабочего с 1970 года они в среднем выросли на 50 копеек, а доля при этом снизилась с одного процента до 0,7%, у колхозника расходы выросли на рубль, а доля снизилась с 0,5% до 0,3%. Уместно припомнить при этом, что продажа мебели и ковров у нас выросла с довоенных времен в 84 раза, ювелирных украшений — в 476 раз. А уж если сопоставить кривые роста расхо-

дов населения на культуру и на алкогольные напитки...

Наша страна занимает 29-е место в мире по количеству музеев и при этом — последнее среди европейских стран — членов СЭВ по числу музеев и предпоследнее по числу театров на сто тысяч жителей. Мы находимся в нижней части таблицы и по целому ряду других показателей. И при этом наше отставание с годами увеличивается — вот что, быть может, самое тревожное. Естественно, что растет разрыв и в показателях культурной активности населения. Среди европейских стран — членов СЭВ по числу посещений музеев на тысячу жителей, концертов классической музыки, художественных выставок мы замыкаем таблицу. То же самое происходит и по таким показателям, как число названий издаваемых книг на 100 тысяч жителей, по тиражам книг об искусстве на душу населения.

Мы не имеем ничего сравнимого с грандиозными культурными центрами имени Кеннеди в США или Жоржа Помпиду в Париже, с Библиотекой американского Конгресса. Несопоставимы масштабы музейной сети у нас и, например, во Франции и Англии. Американцы тратят на образование ности масс он связывает и повышение производительности труда, и успех кооперации в деревне, и преодоление бюрократизма, и искоренение волокиты и взяточничества, и судьбу Советов, их подлинную демократичность.

Просто поразительна злободневность ленинских суждений: «главное, чего нам не хватает,— культурности, уменья управлять»; «чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность»; «нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками... По сути дела, эту болячку... можно вылечить только одним подъемом культуры»; «экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда»; «культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование», «некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию»; «низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся*».

ние масс книгами, клубами и т. д., ...он постоянно спрашивал и добивался узнать, насколько массы были втянуты в это дело, насколько они творчески подходят, заинтересованы и сами принимают в этом участие. Это была его постоянная мысль...» Такова самая суть подхода Ленина к культуре: ее нельзя внести «сверху» при пассивности масс, без развития их инициативы и самодеятельности — без демократии. Но демократию и нельзя ввести «сверху» — она должна стать естественной потребностью масс. «Прорастить» такую потребность и в самом деле «еще более трудная» задача, чем победить в войне.

В передовой статье от 26 ноября 1927 г. «Правда» писала: «Культурная революция становится сейчас тем звеном, за которое мы должны ухватиться, чтобы вытащить постепенно всю цепь социализма». Прекрасные слова! Однако на деле уже нужна была вовсе не та культурность, за которую ратовал Ленин, призывавший молодежь овладевать всеми сокровищами культуры, накопленными человечеством, и при этом ни слова не брать на веру, до всего доходить своим умом. К 1930 году за «то звено» мы так и не ухватились: число неграмотных в нашей стране все еще составляло около 40%. В 1939 году семилетнее образование и выше имели только 12,3% населения, в том числе среди рабочих 8,2% и колхозников — 1,8%. Однако это не мешало Сталину объявить о «великом переломе» не только в экономике — была провозглашена и победа культурной революции.

12% национального дохода, мы лишь около 7%. (А ведь надо еще учесть, что и доходы весьма и весьма разные.) Многократно наше отставание в области видеотехники. СССР занимает 47-е место в мире по производству бумаги на душу населения, 24-е — по уровню компьютеризации (а бумага и компьютеры играют громадную роль в образовании и культуре).

Конечно, все это вовсе не означает, что мы сплошь во всем отстаем. В западных странах существуют громадные слои практически безграмотного населения, миллионы людей не берут в руки книг (хотя и имеют гораздо больший выбор телепрограмм и широко пользуются видеоустановками, а порой и персональными компьютерами). Слава богу, не догнали мы зарубежные страны в области «массовой культуры» (хотя именно в этой области разрыв сокращается).

Правда, мы тоже весьма далеки от выравнивания культурного уровня разных социальных групп. Тут налицо даже противоположная тенденция: разница между наиболее и наименее культурными слоями населения в СССР не сокращается, а увеличивается. Громадны различия культурного потенциала разных регионов страны: они достигают по некоторым показателям 20—25 и более раз, причем продолжают расти.

Вообще мне представляется знаменательным и, может быть, недостаточно нами осмысленным то, что в своих последних работах, которые принято называть «политическим завещанием», Ленин исключительное внимание уделяет именно вопросам «культурной работы», «широчайшего подъема культурности масс», «культурной революции». С решением задачи повышения культурности масс он связывает...

В России с давних времен, и особенно с пореформенного периода, начатого в 1861 году, народническая и либеральная интеллигенция стремилась пробить путь знанию и культуре к народным массам. Но мало что из этого получилось. Вера Николаевна Фигнер, которая с 1906 года вела просветительную работу в деревне, с горечью вспоминала: «Нужда везде, во всем, и в массе никаких порываний к свету, к духовному простору. Школа, существующая около сорока лет, и наряду с этим множество неграмотных... Библиотека, очень порядочная, но среди взрослых почти не имеющая читателей...»

Чтобы были «порывания» к свету, к духовному простору, надо чтобы культура стала не только доступной для масс, но и чтобы она стала им необходимой. А для этого требовалась социальная революция, меняющая само положение масс в обществе. Было время, когда казалось, что для изменения культурной ситуации главное — взять в свои руки политическую власть.

Власть взяли. И вот, считая труднейшей военную задачу, которую, обороняясь от контрреволюции и интервенции, решила Советская власть, Ленин называл задачу «культурно-образовательную и просветительную» «еще более трудной». Почему?

Н. К. Крупская вспоминала, что «однажды, когда я говорила с Владимиром Ильичем о ликвидации неграмотности, о темпах, которыми должна идти ликвидация неграмотности, он сказал — все дело в том, чтобы сами массы взялись за ликвидацию неграмотности, чтобы они сами взялись за строительство культуры».

По воспоминаниям Н. К. Крупской, Ленин часто говорил, что «необходимо не только обслужива-

Не добившись выполнения неоднократно декларируемых планов ликвидации безграмотности и обеспечения всеобщего начального образования, физически уничтожив и заточив в концлагеря громадную часть интеллигенции, сталинский режим провозгласил лозунг: социалистическая культура — самая передовая в мире, потому что она «по своей идейности стоит далеко впереди культуры зарубежных стран». Литература и искусство тех лет, музеи, клубы, библиотеки в официальных документах прямо так и назывались «орудием по коммунистическому воспитанию трудящихся». К «орудию» были приставлены соответствующие пушкари. К сороковому году даже среди секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов более 40%, а среди секретарей горкомов и райкомов около 70% имели лишь начальное образование.

Всякое социальное явление, как известно, имеет свои предпосылки. Сложившаяся в стране административно-командная система нуждалась лишь в исполнителях, а стало быть, и в урезанной культурности, и в ограниченной образованности.

Так может быть теперь, в период «второй революции Советов», как называют нашу перестройку некоторые западные политологи, следует вникнуть в урок истории и осознать наконец, что радикальный, революционный подъем культурности масс и в самом деле то звено, без которого невоз-

можно «вытащить постепенно всю цепь социализма»? Что это еще не осознано, доказывать нужды нет — достаточно сказать, что на XIX Всесоюзной партконференции проблема культуры прозвучала весьма глухо, а ряд выступавших на ней в сущности стояли на позициях антикультурных. Предстоит заново перерешить задачи социалистической культурной революции, вернув ей ленинское понимание. Может быть, можно сказать, что это уже началось. Правда, за это начало, по-моему, вовсе не следует принимать очевидное оживление культурной жизни в последнее время — оно происходит преимущественно лишь в столичных городах, да и то в основном в среде интеллигенции и в части молодежи. Так что если вернуться к ленинскому выводу о том, что культура процветает лишь в условиях самодеятельности, в условиях демократии, то разные уровни культурного оживления в стране — чем дальше от центра, тем меньше — это своего рода индикаторы обновления всей общественной жизни. А в целом по стране запустение учреждений культуры не только не преодолено, но и усиливается. В прошлом году театры страны недосчитались около трех миллионов зрителей. Не улучшается, а ухудшается посещаемость кинотеатров, музеев, концертов, библиотек, клубов. Упрямо снижается «удельный вес» учреждений культуры в духовной жизни и досуге людей — они осваивают лишь 7—8 и даже менее процентов «культурного времени» населения страны, а зрелищные «мероприятия» — только 4 процента. Если дело будет двигаться по сегодняшней орбите, число посещений этих учреждений к 2000 году на душу населения упадет в два раза.

Тогда зачем же мы удваиваем и утраиваем строительство новых учреждений культуры?

Конечно, это лишь часть «картины», она имеет и светлые стороны. По моим личным впечатлениям у нас, в сравнении с зарубежным, стало весьма неплохим Центральное телевидение. О многом говорит взрывной — на 18 миллионов экземпляров — прирост периодических изданий в 1988 году, оживление музыкальной жизни, выставочной деятельности, наконец — высочайший интеллектуальный уровень нашей публицистики. Во Франции мне говорили, что многие статьи из нашей прессы перепечатываются сейчас не только потому, что вырос интерес к СССР, но и потому, что они выше «мирового уровня».

Впрочем, снижение посещаемости учреждений культуры тоже нельзя считать абсолютно негативным фактом. Оно, это снижение, означает, что уровень культурных запросов людей растет быстрее, чем растут, перестраиваются учреждения. Этим объясняется и бурный рост различных любительских клубов и неформальных объединений культурного характера.

В последние десятилетия у нас сложились два «слоя» духовной культуры — «официальный», прописанный в учреждениях и организациях культуры, и «неофициальный» — культурная самодеятельность населения в громадных масштабах, со своими ценностями и формами самоорганизации — от «домашней культуры» до неформальных объединений. Новая культурная политика призвана преодолеть этот чудовищный для социалистического общества разрыв двух культур. Нужно заполнить полупустующие дворцы культуры, впустив в них ютящиеся в подвалах и еще бог весть где инициативные культурные группы людей, передать здания полуживых театров в руки действительно живых театральных студий, выставлять действительно привлекающих широкую публику художников не в едва приспособленных зальчиках, а в безлюдных музеях «казенного» искусства. Нужно преодолеть разрыв между без передышки демонстрирующей кому-то свои успехи «официальной» художественной самодеятельностью и действительным, но бесприютным народным художественным творчеством, которое увлекает миллионы людей.

Еще одна задача новой культурной политики — реальное изменение роли и места культурного наследия в нашей жизни. И. Грабарь писал в «Истории русского искусства»: «Те великие, поистине вечные начала, которые даны нам классикой, не раз уже спасали человечество от застоя, не раз выводили его из глухих тупиков, из мрачных и затхлых помещений на свет и простор. И не может быть сомнения в том, что много раз еще суждено миру возвращаться назад, чтобы в сокровищнице древней красоты черпать силы для нового движения, вперед». До чего же современно звучит!

И еще: новая культурная политика должна изменить положение деятеля культуры в обществе. Сегодня оно не соответствует ни декларируемой его ответственности, ни той роли, которую наша интеллигенция сейчас играет в перестройке. Сколько десятилетий уже работники культуры — одна из самых низкооплачиваемых категорий в нашей стране. А это ведь — индикатор, которым общество обозначает свое действительное отношение к различным областям жизни и к занятым в них работникам.

Ныне индикатор сигналит как сирена: понятие «работник культуры» разошлось с понятием «интеллигенция», десятки тысяч культпросветчиков, музыкантов, актеров, управленцев сферы культуры — не интеллигенты, и десятки тысяч интеллигентов — не просветители.

Неотложна необходимость пересмотра и практики подготовки культурно-просветительных работников. Сейчас их готовят в институтах и культпросветучилищах — учебных заведениях и по составу преподавателей, и по качеству абитуриентов, как правило, второсортных. Да и учат здесь студентов несусветным дисциплинам, которых, кроме как у нас, нет нигде на свете. А надо бы, чтобы для сферы культуры готовились интеллигенты, интеллектуалы, просветители. Такими их могут сделать лишь университеты страны.

Мариэтта Шагинян подробно описала, как преобразовал никчемный Веймар в культурную столицу Европы молодой Гете. Отличное у нее получилось «методическое пособие»! Вот только веймаров у нас — на каждом шагу, а гете среди бесчисленного множества членов творческих союзов, искусствоведов, музыковедов и прочих «ведов» — маловато. Мне довелось по долгу службы прочитать стенограммы съездов и пленумов правлений общесоюзного и российского союзов театральных деятелей. Много там говорилось о зарплатах, жилье, переустройстве внутритеатральной жизни — и ничего, почти ничего о просветительной миссии художника, о зрителе, о культуре народа. Что-то неладное случилось с интеллигенцией! Такова у нас тяжкая плата общества за ее приниженность, за многолетнее использование как «орудия», как средства «обслуживания»...

Культурная деятельность, творчество — не там, где руководят, а там, где учатся друг у друга. Издавна известно, что собственно культурной деятельностью как творческим процессом управлять вообще невозможно. Подавлять, манипулировать можно, а управлять нельзя — управлению поддаются лишь условия культурной деятельности. Но в том-то и особенности культуры, что и условиями ее развития управлять следует чрезвычайно осторожно — чтобы не посягнуть на

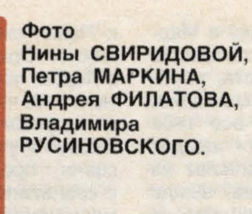


Фото Нины СВИРИДОВОЙ, Петра МАРКИНА, Андрея ФИЛАТОВА, Владимира РУСИНОВСКОГО.

проявления саморазвития культуры, свободу проявления творческого начала в человеке.

Думаю, главное, что сейчас требуется,— это... меньше управлять в сфере культуры. Мысль эта не нова. В одной старинной подрядовой записи плотницкой артели сказано: «Рубить церковь высотою, как мера и красота скажут». Вот и все «указания». И создавали шедевры. Сегодняшний же чиновник в культуре чаще думает, что порядок — это когда по какому-либо поводу люди думают и действуют одинаково. Что касается правил дорожного движения, так оно и должно быть. А в культуре ничего подобного быть не

может — она от этого становится чем-то другим, а не культурой.

«Идеже закон, тут и неправда» — писал древний летописец. А у нас сейчас прямо-таки угар какой-то: чтобы избавиться от произвола бюрократии, предлагается выработать законы на все случаи жизни. А куда деваться? Безусловно, новые законы нужны. Но они не могут заменить культурной традиции, совести, здравого смысла.

Давно назрела необходимость в Основах законодательства СССР о культуре. Во многих странах такие законодательные акты есть. Хорошо бы, чтобы у нас они родились не в кабинетах юристов — ибо среди них нет специалистов в области культуры,— а в среде самих деятелей культуры. И надеть чиновничьи нарукавники для исполнения законов тоже должны по большей части сами деятели культуры — творцы культурных ценностей. Это опять-таки требует жертвенности от интеллигенции. Но жертвенность — это как раз то, что, по бо́льшому счету говоря, одно лишь и оправдывает само существование интеллигенции в глазах трудового народа. Правда, говорят, что интеллигенты — народ несобранный, импульсивный и потому управлять не может. Но ленинские наркомы были интеллигентами, так сказать, высшей марки — и как управляли!

Сейчас разработаны новые «генеральные схемы» управления отраслями культуры. Так что вроде бы прошлое уходит. Однако новое при этом все-таки не приходит, во всяком случае в системе Министерства культуры СССР. Здесь «генеральная схема», по-моему, несет в себе опасность тысячу раз заклейменных попыток добиться изменений, ничего не меняя. Правда, некоторые права передаются «вниз», местным органам управления, самим учреждениям культуры. Однако и «наверху» и «внизу» управленец культуры, похоже, по-прежнему останется над культурной деятельностью, вне ее как таковой. Он будет все так же предписывать, разрешать, запрещать.

Между тем главная идея перестройки в культуре, родившаяся после XXVII съезда партии,— это идея о формировании общественно-государственной системы управления культурой посредством повышения роли творческих союзов, добровольных культурных обществ, культурных инициатив самого населения.

Роль некоторых творческих союзов, их права у нас и в самом деле расширились. Далось это не без борьбы. Однако выработанная в результате этой борьбы компромиссная формула «вместе и наравне» мне кажется принципиально неверной, опасной. Ибо, во-первых, повышение возможностей творческих союзов, а также культурных обществ и объединений, культурных инициатив населения вовсе не снижает роль государственных органов управления, государства вообще до положения «наравне» — в этих условиях роль государства как раз повышается: оно берет на себя выработку стратегических задач развития культуры и регулятивную функцию, обеспечивающую сбалансированность интересов различных союзов и обществ деятелей культуры. Во-вторых, приобретая наравне с государством права «разрешать» и «запрещать», творческий союз немедленно «огосударствливается», срастается с государством. Разительные примеры этого уже дали Союз кинематографистов, Союз театральных деятелей, не говоря уж о явно застойных союзах писателей, композиторов, художников, Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. В-третьих, как только общественная организация, реализуя формулу «вместе и наравне», получает что-либо материальное, что можно «давать», немедленно происходит ее обюрокрачивание — товарищество разваливается, ибо появляются «начальники» и «рядовые», просящие и дающие.

Общественно-государственная система управления в культуре, естественно, не может сводиться только к изменению роли творческих союзов, обществ, объединений. Демократизация в сфере культуры, повышение роли общественности должны реализоваться в выборности на представительной основе состава коллегий — от союзных министерств и госкомитетов до районного уровня, в коренном расширении прав этих коллегий, гласности их деятельности. Важным шагом, по-моему, стало бы создание Комиссии ЦК КПСС по культуре и общественного, составленного не по чинам, а из числа «прорабов перестройки» Комитета по культуре при Бюро по социальному развитию Совета Министров СССР (тогда хоть стало бы ясно, что это за Бюро и чем оно занимается). Может быть, такой Комитет следовало бы избрать на съездах деятелей культуры.

Главное, что должна сделать перестройка управления в культуре,— это обеспечить демократическую зависимость органов управления в культуре — от деятеля культуры, а самого этого деятеля — от интересов народа, его потребностей. Дело это, конечно, тонкое, ибо диктат «толпы» не меньше убивает культуру, чем бюрократия. Но иного пути нет: в прошлые десятилетия стороны «треугольника культуры» — власть, деятели культуры и народные массы — у нас разомкнулись, разошлись.

Нужно очень многое переменить, чтобы преодолеть отчужденное, потребительское отношение населения к этим учреждениям культуры. Важно изменить саму суть отношений населения к этим учреждениям культуры. Надо бы, чтобы клубы, например, стали не только учреждениями для трудящихся, но и самодеятельными объединениями самих трудящихся, а библиотеки воспринимались как общественные собрания книг, формирующиеся и использующиеся по воле данного, конкретного населения и при его участии. А что мешает отменить разного рода «типовые положения» и разрешить каждому клубу, музею, театру и т. д. иметь собственный, индивидуальный устав, воплощающий интерес конкретных групп людей? Что мешает сделать полноправными органами самоуправления учреждений культуры выборные правления, которым были бы подотчетны директора клубов, библиотек, кинотеатров?

. Культуру народа можно поднять лишь тогда, когда это народу нужно,— с чем-чем, а с культурой масс «сверху» ничего основательного сделать невозможно. Культура нужна человеку, когда он получает возможность реализовать свои способности, свою инициативу. Она нужна ему, чтобы полноправно управлять делами своего коллектива, города, страны, чтобы утвердить свое достоинство среди других людей. Без всего этого задача культурного возрождения обернется культурничеством, просветительством, которое уже не раз в истории проваливалось. Так что последовательность шагов перестройки определена, я думаю, правильно. Совсем другое дело — не оказаться бы культурным преобразованиям отложенными «на лучшие времена». Тогда и этих «лучших времен» не наступит — без культуры и бюрократии не победить, и разгильдяйства не изжить, и социалистическую кооперацию на ноги не поставить, и качества производства не добиться: новый облик социализма — это новый, иной, чем нынешний, тип человека, а нового человека создает лишь культура.

РОМАН ЛЕТЕЛ К РАЗ

7 МАЯ 1958 ГОДА ПАСТЕРНАК В ПИСЬМЕ РЕНАТЕ ШВЕЙЦЕР НАПИСАЛ О ПРОТОТИПЕ ОБРАЗА ЛАРЫ ИЗ РОМАНА «ДОКТОР ЖИВАГО»: «ВО ВТОРОМ ПОСЛЕВОЕННОМ ВРЕМЕНИ Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНОЙ — ОЛЬГОЙ ВСЕВОЛОДОВНОЙ ИВИНСКОЙ... ОНА И ЕСТЬ ЛАРА МОЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ, КОТОРОЕ Я ИМЕННО В ЭТО ВРЕМЯ НАЧАЛ ПИСАТЬ. ...ОНА ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТИ И САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ. ПО НЕЙ НЕ ЗАМЕТНО, ЧТО ОНА В ЖИЗНИ ПЕРЕНЕСЛА... ОНА ПОСВЯЩЕНА В МОЮ ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ И ВО ВСЕ МОИ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА...»

Алла АЛОВА

И спустя год в интервью английскому журналисту: «Она — мой большой, большой друг. Она помогала мне при писании книги, в моей жизни... Она получила пять лет за дружбу со мной. В моей молодости не было одной, единственной Лары... Лара моей молодости — это общий опыт. Но Лара моей старости вписана в мое сердце ее кровью и ее тюрьмой...»

Дверь открывает подтянутая, элегантная женщина... Что поразило?

Отсутствие вздохов, кряхтенья, жалоб.

Отсутствие старушечьего — в манерах, движениях, разговоре. Напротив, женственность, обаяние, помнящие свою силу.

Отсутствие груза — лет и всего, что пережила... Легкость. Открытость. Воспоминания о страшном, горьком не давят на ее плечи, не стоят за ней тенью. Как будто... Доходим до ее ареста, бегающего по инстанциям, отчаявшегося Пастернака. У меня ком в горле. А она? Ничего, даже голос не дрожит. Черт возьми, прямо как не с ней все это было! Как будто...

— В 1946 году я работала в «Новом мире» зав. отделом начинающих авторов. Мне тогда было 34 года. Приходил белокурый мальчик с тетрадкой стихов, исписанной трогательным детским почерком,— Женя Евтушенко, приходили Илья Френкель, Саша Шпирт, Николай Асанов, Межиров...

И вот однажды я смотрю в окно и слышу за спиной: «Борис Леонидович, я сейчас познакомлю вас с самой горячей вашей поклонницей»,— язвительный голос коллеги. Мимолетный, светский разговор, его взгляд — и все стало понятно и неотвратимо.

Что он тогда сказал? Спросил, есть ли у меня его книги. Удивился, что всего одна. «Ну, я вам достану, хотя книги почти все розданы!» Стоп! Вот, вот, дальше — главная фраза. Правда, тогда я не знала, что это главное, что это предопределит всю нашу жизнь. «Знаете, начал писать роман в прозе, но еще не знаю, во что он выльется».

Так в 1946 году почти одновременно начался наш роман и работа Пастернака над романом «Доктор Живаго». Одна из главных тем романа — судьба, ее перекрестки, то, что должно неумолимо случиться,— все нити уже протянуты, все узелки уже завязаны... И так вышло, что этот роман в прозе начал определять и нашу судьбу. Пастернак писал главу за главой, а они протаптывали невидимые тропинки нашей будущей жизни, вили свою паутину из реальных событий, расставляли реальные ловушки. Да, он был заколдованным — этот роман в прозе, он приносил безумное счастье и страшное горе. Он был нашей шагреневой кожей: чем меньше оставалось до смерти героя, до последней точки, тем ближе была развязка и в нашей жизни.

Впрочем, тогда до первой беды оставалось еще целых три года!

Вернулась я домой в страшном смятении. Позади уже было столько трагедий — самоубийство первого мужа, смерть второго мужа на моих руках в больнице. И осиротевшие дети — Ира и Митя. Мама уже отсидела три года — что-то кому-то сказала о Сталине. А у Пастернака — семья, вторая жена, дети...

На следующий день на моем рабочем столе лежали пять книжечек Бориса Леонидовича...

Через несколько дней Борис Леонидович позвонит в редакцию и вызовет ее к памятнику Пушкину. «Я хочу, чтобы вы мне говорили «ты», потому что «вы» уже ложь».

— Потом бесконечные блуждания по старым московским улочкам, какое-то обрушившееся, нагрянувшее, кромешное счастье вперемежку с мучительными объяснениями. Имели ли мы право на это счастье? Мы не раз уходили друг от друга, чтобы больше не встретиться, но не встречаться не могли...

«Ты — благо гибельного шага, Когда житье тошней недуга, А корень красоты — отвага, И это тянет нас друг к другу».

«Сними ладонь с моей груди, Мы провода под током. Друг к другу вновь, того гляди, Нас бросит ненароком».

Потом Пастернак увидит ее детей. Будет в восторге от Иринки. «Какие у нее удивительные глаза! Ирочка, посмотри на меня — ты так и просишься ко мне в роман!» Так Катенька, дочь Лары, обретает внешность Иры.

Пастернак будет учить Ивинскую литературному переводу.

— Смешно: поначалу стихотворение в десять строк укладывалось у меня в сорок минимум!

Сам Борис Леонидович в то время будет очень много переводить: Петефи, Гете, Шекспир. Перевод стал тогда как бы живым разговором между ними, объяснением в любви. Пастернак напишет ей: «Слово «Петефи» было условным знаком в мае и июне 1947 г., а близкие переводы мои его лирики, это изображение мыслей и чувств к тебе и о тебе, приближенные к требованиям текста...»

Она померещится Пастернаку в Маргарите, и он напишет: «Я опять говорю губами Фауста, словами Фауста, обращениями к Маргарите — как ты бледна, моя краса, моя вина — это все тебе адресовано». А когда «Фауст» выйдет в свет, Борис Леонидович напишет на ее экземпляре книги: «Олюша, выйди на минуту из книжки, сядь в стороне и прочти ее».

Однажды в английской газете Борис Леонидович прочтет: «Пастернак мужественно молчит» — имелось в виду, что в последнее время он публикует только переводы. Он скажет тогда: «Откуда они знают, что я мужественно молчу? Я молчу, потому что меня не печатают».

— В минуту отчаяния Пастернак напишет в письме: «Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности...» Но что было делать тогда? Я помню, как Борис Леонидович говорил о новой книжке одного известного писателя: «Представь себе — заурядно! Не может быть, чтобы не мог иначе. Но у нас ведь если печатают, то писать не дают. А уж коли пишешь, то не печатают».

Впрочем, и в переводах Пастернака найдут политическую неблагонадежность.

— Настоящий знак беды будет нам дан 21 марта 1947 года. В этот день в газете «Культура и жизнь» выйдет «знаменитая» статья А. Суркова «О поэзии Б. Пастернака». «Поэт,— говорилось там,— с нескрываемым восторгом отзывается о буржуазном Временном правительстве... живет в разладе с новой действительностью... с явным недоброжелательством и даже злобой отзывается о советской революции... прямая клевета на новую действительность...»

Смешно и нелепо, но все его неприятности начались именно с обвинения в том, что он далек от действительности. Да ведь его стихи тем и отличается, что они — просто сама жизнь! Он с природой, с жизнью, с сутью был в родственных отношениях. Ну да, он же не ездил на заводы, не писал политические плакаты... И эта его сакраментальная фраза: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Как, он не знает, в какое время живет?! Тут новая эра началась, а он не знает!

А 21 марта, прочитав статью Суркова, Пастернак будет звонить своим друзьям: «Вы читали, как меня публично высекли? Но ничего, я себя неплохо чувствую». Конечно, чего греха таить, мы тогда испугались: обвинений было вполне достаточно, чтобы объявить Пастернака «врагом народа» и уничтожить. Но испугались мы как-то не очень сильно. Трудно, знаете, жить страхом, когда любовь нагрянула и летит — и мы вместе с ней — как сани с горы. Мы как будто очнулись, огляделись: как хочется жить и радоваться жизни!..

И роман летел. Страницы писались, как листались.

Мы поедем к известной пианистке Юдиной читать первые главы романа. Будет рождественская метель. И мы заблудимся — в метели, в огромном снежном бездорожье. И вдруг в одном окне — мигающий огонь канделябра. Это и было окно, где нас давно ждали... А вскоре появится часть «Елка у Свентицких» и там... Лара готовится к страшному шагу, забегает перед тем к Паше, они ставят свечу на подоконник. А Юра Живаго, еще не знакомый с Ларой, проезжая мимо, «обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало».

— А мне все мерещится, что это с нами было. У меня в окне свеча, а Боря ехал мимо...

* * *

6 октября 1949 года. Нет, предчувствия беды не было. Мы встретились с Борисом Леонидовичем днем в Гослитиздате, посидели в скверике у Красных ворот. Пастернак тогда дал мне почитать рукопись перевода первой части «Фауста», и я обещала написать ответ в стихах. Я была так счастлива, так наслаждалась удивительным пониманием, прочностью нашей любви и, заметив, не придала значения тому, что рядом с нами на скамейку сел человек в кожаном пальто.

Пришла домой. Села за машинку — писать ответ на «Фауста». И вот только тогда меня охватила неприятная тревога...

Ивинскую увезли вечером на Лубянку. В машинке остался лист с незаконченным стихотворением:

Играй во всю клавиатуру боли,
И совесть пусть тебя не укорит,
За то, что я, совсем не зная роли,
Играю всех Джульетт и Маргарит...
За то, что я не помню даже лица,
Прошедших до тебя.
С рожденья — все твое.
А ты мне дважды отворял темницу,
И все ж меня не вывел из нее...

* * *

— О, это была изощреннейшая пытка. И днем, и ночью ослепительный, раздирающий глаза свет ламп. Скоро начинает казаться, что время остановилось, не отдаешь себе отчета в том, что делаешь...

Мои сокамерницы... Я и потом еще долго буду мысленно с ними разговаривать. Вера Сергеевна, врач Кремлевской больницы, такая светлая, голубоглазая, добрая. Ее взяли после новогодней вечеринки. Один человек провозгласил тост «за бессмертного Сталина», а кто-то сказал, что «бессмертный очень болен».

В первый же день я обратила внимание на очень красивую девушку. Долго на нее смотрела, пытаясь вспомнить, на кого она так сильно похожа. Она, заметив мой взгляд: «Я на кого-то похожа, по-вашему?» «Не знаю... Вы почему-то мне напоминаете Троцкого». Она засмеялась как-то зло: «Так я его внучка». Еще долго потом в ссылке Сашенька Моглина несла этот крест. Ее мать — дочь Троцкого — уехала за границу... Отца расстреляли. Сашеньку было пронзительно, до неистовства жалко. Почти все былье поросло, а ее крик — когда отрывали от нас, уводили «с вещами» — до сих пор в ушах.

На четырнадцатую ночь: «Ваши инициалы? Одевайтесь на допрос!» Назва-

ла инициалы. «Инициалы полностью!» — сказал дежурный. Так каждый раз: спрашивали инициалы и требовали назвать их полностью. Видимо, человеческие слова «имя, отчество» там не выговаривались. А инициалы — это как номера... На первый допрос она, как и все тогда, шла почти радостно, с надеждой. Вот сейчас, сейчас все выяснится, сейчас ее выпустят!..

— Дверь № 271, больше похожая на дверь в шкаф. Роскошный кабинет, за столом красивый, выхоленный человек — видимо, большой начальник. На столе — книги, взятые у меня во время обыска. В основном книги Пастернака с его дарственными надписями — размашистыми «журавлями»...

Все. Только увидев эти родные, любимые книги здесь, в этом страшном доме, я поняла, что надежды нет. А ведь я ждала ребенка... Что будет с нами?

Выхоленный человек: «Почему вы с Пастернаком собрались удрать за границу? У нас есть точные сведения. Вот что, советую вам подумать и рассказать, что за роман Пастернак пускает по рукам. Вам известно антисоветское содержание романа?»

Месяцы еженощных допросов. Следователь по «делу» Ивинской Анатолий Сергеевич Семенов, надо отдать ему должное, не был особенно груб. Велел написать содержание романа и остался недоволен: «Не то вы пишете, не то! Вам надо написать, что он является клеветой на советскую действительность. И не стройте из себя дурочку. Например, «Магдалина» — разве это стихи нашего поэта?».

...вязке

Постепенно допросы превратились в чтение стихов Пастернака. Семенову понравился «Лейтенант Шмидт».

Она уже просидела в тюрьме полгода, ребенок уже вовсю толкался ручками и ножками... Однажды подкатила страшная боль. Выкидыш.

А Пастернак ждал рождения ребенка. Надеялся, суетился, бегал по знакомым. И вот его вызывают на Лубянку. На самом деле — чтобы отдать книги и его письма к ней, а Пастернак уверен — чтобы отдать ребенка. О. И. Попова — знакомая Пастернака, которой он в то время очень доверял — потом рассказала, как Борис Леонидович позвонил ей: «Мне сказали, чтобы я немедленно пришел, они мне что-то отдадут. Наверное, мне отдадут ребенка. Я сказал жене, что мы должны его пригреть и вырастить, пока Люши не будет»...

«Как будто бы железом, Обмокнутым в сурьму, Тебя вели нарезом По сердцу моему».

У Ивинской впереди — лагерь в Потьме, у Пастернака — инфаркт...

Пастернак напишет Ренате Швейцер: «Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека по мнению секретных органов, чтобы на мучительных допросах добиться от нее достаточных показаний для моего судебного преследования. Ее геройству и выдержке я обязан своей жизнью и тому, что меня в те годы не трогали...».

Писать в лагерь дозволялось только ближайшим родственникам, и Борис Леонидович написал ей несколько открыток от имени мамы.

— Я, когда получила, сразу догадалась, кто писал...— моя мама не умела писать такие поэтические письма.

«31 мая 1951 г. Дорогая моя Олюша, прелесть моя! Ты совершенно права, что недовольна нами. Наши письма к тебе должны были прямо из души изливаться потоками нежности и печали. Но не всегда можно себе позволить это естественнейшее движение. Во все это замешивается оглядка и забота. Б. на днях видел тебя во сне всю в длинном и белом. Он куда-то все попадал и оказывался в разных положениях, и ты каждый раз возникала рядом справа, легкая и обнадеживающая. Он решил, что это к выздоровлению,— шея все его мучит... Бог с тобой, родная моя. Все это как сон. Целую тебя без конца. Твоя мама».

— Ольга Всеволодовна, и все же остается загадкой — счастливой загадкой! — почему не посадили самого Пастернака. Ведь известно: он часто говорил и делал вещи, просто немыслимые для того времени.

— Еще какие немыслимые! Я помню, как в самый разгар травли Зощенко Пастернак пришел в «Новый мир», и я представила ему молодого переводчика — Шера. Пастернак вскричал: «Боже мой, этот молодой человек так похож на бедного Михал Михалыча!». Немая сцена. Все просто оторопели. Зощенко — «отщепенец», «мерзавец», а тут с такой лаской, нежностью... Лица у окружающих передернулись...

Нет, это была не смелость. И не нарочитая, рассчитанная смелость-вызов, и не безоглядная лихость. Другое. Это было естественно для него — ну, как «достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд». И не могло быть иначе. Лицемерие «навзрыд» бывает? Человек, находящийся в родственных отношениях с дождями, грозами, капелями, человек с таким лицом — лицом древнего африканского бога — может лицемерить, говорить и делать что «надо»?

Когда судьба Бухарина была уже предрешена, Пастернак написал ему поддерживающее письмо, в котором прямо сказал: «Я не верю в вашу вину».

Друзья мне потом рассказывали, что после моего ареста Пастернак даже в разговоре с малознакомыми людьми называл Сталина убийцей. Приходя в редакцию, вслух говорил, например, такое: «Когда же кончится раздолье подхалимам, которые ради своей выгоды готовы шагать по трупам?».

Пастернак мучился оттого, что другие сидят, а он на свободе.

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.

Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающею лирою
Оплакивая их,
Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх
Стоишь могильной урною,
Покоящей их прах...

Так почему же Сталин не трогал Пастернака?

Александр Гладков писал: «...В 1955 году молодой прокурор Р., занимавшийся делом по реабилитации Мейерхольда, был поражен, узнав, что Пастернак на свободе и не арестовывался: по материалам «дела», лежавшего перед ним, он проходил соучастником некоей вымышленной диверсионной организации работников искусства, за создание которой погибли Мейерхольд и Бабель».

Тогда ходили слухи, будто Сталин в последний момент отменил арест Пастернака, сказав: «Не трогайте этого небожителя»... Если это так... Что ж, и тиран имеет право на минуты милосердия.

* * *

Итак, роман летел к развязке, все набирая и набирая скорость. Уже ничто не в силах было его остановить. Как поезд с вышедшими из строя тормозами. И ничто не в силах было отвратить беду...

Уже Ивинская вернулась из лагеря... И Пастернак, который так эти годы ждал ее, испугался встречи, не сразу пришел к ней.

— Да, да, постороннему это покажется очень странно, но это так было характерно для Бориса Леонидовича!.. Например, после долгой разлуки он упорно избегал встреч со своей сестрой Лидией, которую помнил молодой и красивой. «Какой будет ужас,— както сказал он мне,— когда перед нами окажется старая женщина и совершенно чужой нам человек». И меня он боялся увидеть старухой после лагеря. Увидел, а я такая же. Ну, может, бледнее, худее, чем раньше...

Уже осталось за бортом романа несколько замечательных поэтичных глав. Остались как рабочий материал — слепки, глина, каркасы, а поезд умчался дальше — вперед, к главному, не заботясь о потерях. Быстрей, быстрей...

Уже доктор Живаго написал свои удивительные стихи и вся страна прочла их в журнале «Знамя», в апрельском номере.

— Наконец, звонок из Переделкина. Пастернак не то плача, не то смеясь: «Понимаешь, он умер! Умер!». Умер Живаго. Закончена последняя глава.

— Отныне мы, мои дети, наши близкие друзья — всё попало в магнитное поле романа. Мы были уже не мы, мы были «служители» романа. И жизнь наша уже была «расписана»...

Что же случилось до рокового дня? Ивинская отвезла роман в разные редакции. Прошло время, наступил август — редакции молчали. Наконец, из «Нового мира» сообщили, что всего романа из-за его большого объема им «не поднять», но несколько глав они напечатают.

Прошла осень, наступил 1956 год. Редакции молчат. Роман не публикуют, но и отрицательных отзывов нет. Тишина. Окажется, затишье перед бурей.

— Вот и роковой день. Это было в конце мая. Я приехала в Переделкино, а Борис Леонидович как-то виновато: «У меня сегодня был Серджио Данжело, эмиссарио крупнейшего издателя Италии Фельтринелли. Он заинтересовался моим романом! И я сказал, что, если он им понравится,— пусть используют его как хотят». Я оторопела: «Но ведь это же разрешение его печатать! Как ты не понимаешь? А это же скандал!» Я поняла, что теперь начнется настоящая травля...

Серджио Данжело так описал разговор с Пастернаком: «Когда я подошел к цели моего визита — он казался пораженным (до этого времени он, очевидно, никогда не думал о том, чтобы иметь дело с иностранным издательством)... Я дал понять, что политический климат изменился и что его недоверие кажется мне совсем неосновательным. Наконец, он поддался моему натиску. Он извинился, на минуту скрылся в доме и вернулся с рукописью. Когда он, прощаясь, провожал меня до садовой калитки, он вновь как бы шутя высказал свое опасение: «Вы пригласили меня на собственную казнь».

— Вскоре меня вызвали в ЦК. В отделе культуры посоветовали убедить Данжело вернуть рукопись. «А мы можем обещать ему, что сами напечатаем роман. Им дадим возможность после нас его печатать». Я на это возразила, что мы и так успеем напечатать роман первыми, пока они переведут его на итальянский... «Нет, — ответ был тверд,— нам обязательно нужно получить рукопись назад. Если мы некоторые главы не напечатаем, а они напечатают, будет неудобно. Роман должен быть возвращен любыми средствами».

Пастернак согласился, чтобы мы попытались вернуть рукопись. Но ответ Фельтринелли не допускал возражений: торжественно заявляет, что рукопись из рук не выпустит. Пускай это будет его преступлением. Но так как он не верит, что мы выпустим роман в свет, то не считает себя вправе утаивать от человечества мировой шедевр — это было бы еще большим преступлением.

В санатории «Узкое», 1957 год. Рядом с Б. Л. Пастернаком О. В. Ивинская, ее дочь Ира и редактор из Гослитиздата Н. В. Банников.

Я снова у начальства с ответом Фельтринелли. Звонок директору Гослитиздата — о подготовке романа к изданию. И вот мы с Борисом Леонидовичем пришли к директору. Он сделал вид, будто сам решился печатать роман. «Дорогой Борис Леонидович, вы написали великолепнейшее произведение, и мы обязательно его напечатаем. Придется, правда, сократить некоторые вещи, а некоторые, может быть, добавить...»

Редактором, к счастью, назначали подлинного поклонника Бориного творчества Анатолия Васильевича Старостина. Помню, как он радовался и восклицал: «Я сделаю из этой вещи апофеоз русскому народу!». Бедный Анатолий Васильевич, апофеоз не получится. Получится фарс, а затем и трагедия...

Пять членов редколлегии «Нового мира» — Б. Агапов, Б. Лавренев, К. Федин, А. Кривицкий, К. Симонов — подписали письмо с идеологическими обвинениями в адрес романа и выводом, что роман не должен быть опубликован.

Осень 1957 года. У нас роман так и не вышел. Чтобы избежать скандала, надо было остановить роман в Италии. Ивинская и Данжело — он теперь сам понимал, какая над Пастернаком нависла беда,— уговаривали Бориса Леонидовича послать Фельтринелли «задерживающую» телеграмму.

— Пастернак почти кричал, что мы обращаемся с ним как с человеком без достоинства. «Что должен думать Фельтринелли, которому я недавно писал, что опубликование «Доктора Живаго» есть главная цель моей жизни?» Наконец Пастернак пришел к убеждению, что телеграмме все равно не поверят. Так телеграмма была послана.

...Пастернака вызвали в Союз писателей, но он не пошел. Я была на этом заседании. К сожалению, сейчас не помню, когда оно состоялось. Докладывал Сурков. Рассказал о «сделке» Бориса с итальянцами, дальше все больше «заводился», и в какой-то момент — как первый раскат грома среди черных нависших туч, ожидаемый и все же неожиданный — грянуло слово «предательство». И тут уже стало возможно всё. Даже «сговор» о получении денег из-за границы...

С благодарностью вспоминаю, как Твардовский с места крикнул:

— Я хочу понять, что произошло на самом деле.

Соболев говорил, что чувствует себя оплеванным. Что поэт, которого так мало знают, вдруг прославился на весь мир таким безобразным способом.

И только Анатолий Васильевич Старостин сказал то, что только и должно было сказать. Сказал, несмотря на грубые реплики типа: «Удивительное дело — отыскался какой-то **редактор** романа! Разве **это** еще можно и редактировать?..»

— Я получил в руки совершеннейшее произведение искусства. Вы же сделали из него повод для травли. Борис Леонидович не склонен был держаться за политически резкие высказывания в романе. Он готов был принять редактуру — чтобы роман появился сначала в нашей стране. Но вот этого-то и не позволили сделать тогдашние руководители Союза писателей, несмотря даже на явное поощрение отдела культуры ЦК партии.

Фельтринелли действительно не поверил последней телеграмме Пастернака, и в ноябре 1957 года роман «Доктор Живаго» вышел в свет. В течение двух лет роман был переведен на 24 языка!

Борис Леонидович был счастлив. Вот отрывок из его письма Жаклине де Пруаяр: «Я узнал, что можно ждать выхода «Доктора Живаго» в Париже в конце июня. Это уже половина будущей радости. Я уверен, что буду плакать от нежности, от волнения моей восхищенной души, когда я своими руками прикоснусь к этому живому чуду...».

— Пастернак, по сути, остался без работы. Договоры на переводы были расторгнуты. Но радость от выхода романа глушила это все, была над всем. Поэтому до осени 1958 года отчаяние еще не подступило.

23 октября Шведская академия словесности и языкознания объявила о присуждении Пастернáку Нобелевской премии по литературе 1958 года «за значительный вклад как в современную лирику, так и в область великих традиций русских прозаиков».

Борис Леонидович тут же послал секретарю Шведской академии Андерсу Эстерлингу растроганную телеграмму: «Бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен».

Ольга Всеволодовна показывает мне две фотографии. Вот улыбающийся Пастернак с поднятым бокалом отвечает на поздравления Корнея Чуковского. А вот другой снимок, сделанный через некоторое время. Пастернак подавлен, чуть не плачет. За это время успел прийти Федин. Он объяснил Борису Леонидовичу, что надо добровольно отказаться от премии и от романа.

25 октября «Литературка» обрушила на Пастернака две полосы ненависти: «...Теперь доктор Живаго среди своих, а его создатель Пастернак получил тридцать сребреников ... злобствующий литературный сноб... союзник тех, кто ненавидит нашу страну... злоба бешеного индивидуалиста... он награжден за то, что согласился исполнить роль наживки на ржавом крючке антисоветской пропаганды... Бесславный конец ждет и воскресшего Иуду, доктора Живаго, и его автора, уделом которого будет народное презрение...»

В Литинституте поспешно организовывалась демонстрация, требующая высылки Пастернака за границу. Еще от студентов требовали подписать письмо против Пастернака. Тем, кто не подпишет, грозило отчисление. Ира там училась, она вспоминает: «Это письмо собрало немногим более ста подписей, а в институте было более трехсот студентов. Собирающие подписи ходили по общежитию... Девчонки наши отсиживались в уборной, на кухне...»

Да, не все студенты подписали письмо. Но письмо было, и его опубликовали в «Литгазете». Да, не все вышли на демонстрацию — несколько десятков человек. Но демонстрация — сцена в этом сатанинском, хорошо продуманном спектакле — состоялась. Студенты шли с плакатами к Союзу писателей. На одном плакате — «Иуда — вон из СССР!», на другом — Пастернак скрюченными пальцами тянется к мешку с долларами.

— Хотелось оградить Бориса Леонидовича от всего этого. Чтобы он ничего не знал, не видел...

Ира записала в дневнике: «Мне приходилось в эти дни видеть, что он не может разделить нашего иронического отношения к вещам почти идиотическим. Например, кто-то рассказал ему в эти дни, думая позабавить, подслушанный в метро разговор двух баб. «Что ты на меня кричишь? — говорила одна баба другой.— Что я тебе, Живага какая-нибудь, что ли?» Пересказывая это нам потом, Борис Леонидович для виду очень веселился, но я чувствовала, как он при этом страдает... Он был тогда еще в обычном своем костюме — в кепке, плаще и резиновых сапогах — мы с мамой очень любили этот его облик; в последующие дни, когда начались поездки в высокие инстанции, он утратил свой обычный вид: это явно было для него что-то из ряда вон выходящее — он надел парадный костюм, пальто, шляпу».

27 октября состоялось рассмотрение «дела Пастернака» в Союзе писателей.

Где стенограмма этого «заседания»? Кто вел его? Были ли голоса в защиту поэта? Ведь это был тот самый момент, когда «дело» можно было еще спустить на тормозах и не выносить на «суд народа». Однако решено было созвать общее собрание московских писателей и разыграть спектакль до конца.

— Утром Борис Леонидович приехал к нам в Москву на Потаповский, чтобы решить — идти ли на судилище. У нас был Вячеслав Иванов. Мы все уговаривали Пастернака не идти. Он согласился. Решил только написать объяснительное письмо на имя заседания.

28 октября в «Литературной газете» — «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя». И текст постановления: «...Роман «Доктор Живаго»... обнаруживает только непомерное самомнение автора при нищете мысли, является воплем перепуганного обывателя... отщепенец... учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны... лишают Б. Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов Союза писателей СССР».

— 29 октября — мы снова на Потаповском. У нас — Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой,— самый большой и преданный наш друг. Пастернак вдруг говорит: «Вот теперь, когда первая реакция на премию прошла, когда все их планы основаны на факте ее присуждения, я возьму и именно сейчас откажусь от премии. Вот интересно, какая у них будет реакция?.. Да, телеграмму все тому же Андерсу Эстерлингу я уже отправил». И — протягивает копию телеграммы: «В связи со значением, которое придает вашей награде то общество, к которому я принадлежу, я должен отказаться от присужденного мне незаслуженного отличия. Прошу вас не принять с обидой мой добровольный отказ...»

Мы оторопели, и только Ариадна (великое ей спасибо!) подошла к Пастернаку, поцеловала его и сказала: «Вот и молодец, Боря, вот и молодец». Думаю, ей не по сердцу был этот поступок — просто она поняла, что Борис Леонидович, как никогда, нуждается в поддержке.

Многие мне потом говорили — зачем, мол, Пастернак тогда смалодушничал, отказался от премии... Да не малодушие это было, другое. Сдавшие нервы, и главное — желание сорвать спектакль и выйти из роли, которую ему отвели: вот вы меня уже определили, «раскусили», вы уже все распланировали,— а я раз, и наоборот...

Вечером того же 29 октября звонит Ариадна: «Рано ты спать легла! Включи-ка телевизор». Передавали выступление Семичастного на пленуме ЦК комсомола: «Паршивую овцу мы имеем в лице Пастернака... взял и плюнул в лицо народу... Свинья не сделает того, что он сделал... Он нагадил там, где ел... Пусть он стал бы действительным эмигрантом и пусть бы отправился в свой капиталистический рай...» У меня замирало сердце — только бы Борис Леонидович не услышал этого! Только бы не услышал!

На следующий день он прочел эту речь в «Комсомольской правде». И спросил: «А может, и впрямь уехать — раз гонят?» Написал письмо и тут же порвал его: «Нет, Лелюша, ехать за границу я не смог бы. Я мечтал поехать туда как на праздник, но на празднике этом повседневно существовать ни за что не смог бы. Пусть будут родные будни, родные березы, привычные неприятности и даже — привычные гонения...» Итак, Пастернак держится, готов все вынести до конца?

В какой-то из этих дней я приехала на нашу измалковскую дачу. Пришел Пастернак и вдруг: «Ты мне как-то говорила, что, если принять 11 таблеток нембутала,— это смертельно. У меня есть эти таблетки...»

Меня как током шибануло. Бросилась на дачу к Федину. Почему к Федину? Он не был с нами в этой истории, но он-то знал, что собираются делать с Борисом Леонидовичем, куда «ведет» весь этот спектакль.

Я рассказала ему, что Пастернак на грани самоубийства. Может, мне показалось, что у Федина заблестели слезы... Он отвернулся к окну. Обернувшись: «Борис Леонидович вырыл такую пропасть между собой и нами, которую перейти нельзя»,— произнес он явно готовую, надуманную за эти дни и такую оправдывающую их всех фразу.— «Но что-то надо делать». Федин позвонил в ЦК. — «Дмитрий Алексеевич Поликарпов ждет вас завтра в три часа».

Поликарпов объяснил, что весь этот скандал должен быть улажен и будет улажен, и намекнул, что Пастернак должен сейчас что-то сказать...

В пятницу 31 октября отвезли письмо Бориса Леонидовича в ЦК: «Уважаемый Никита Сергеевич, я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству. Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР». Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе. Осознав это, я поставил в известность Шведскую академию о своем добровольном отказе от Нобелевской премии. Выезд за пределы моей Родины для меня равносилен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры. Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен».

— Простите, вопрос, наверное, бестактный... Ольга Всеволодовна, некоторые обвиняют вас в том, что вы подвели Пастернака к подписанию этого письма. Вы сами потом никогда не жалели об этом?

— Это достойное письмо! Пастернак не отрекся ни от себя, ни от своего романа. Я считаю, это был смелый поступок. Уехать тогда — вот это означало бы сдаться, а оставшись, он просто обрекал себя на страшную, бесконечную, изматывающую травлю. По сути — на конец...

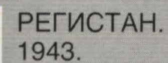
Ложный стереотип, иллюзия — будто Пастернака можно было к чему-то подвести, к чему-то подтолкнуть, что-то заставить сделать. Он просто вел себя так — внимательно слушал советчика, кивал, соглашался... Но потом поступал всегда по-своему. Думаю, ни один из его близких людей не мог повлиять на его решение, заставить его поступить так, как он сам не считал возможным.

Но только не подумайте, что я оправдываюсь. Я-то тогда еще думала, что на него можно повлиять, и считала, что нужно срочно что-то делать, что-то предпринять — пусть даже каяться. Я вся тогда как-то сжалась и сконцентрировалась на одном: надо спасать! Жалела ли я потом о таком своем поведении? Когда вновь и вновь вспоминаю те дни, я понимаю: случись все это снова, и я снова поступила бы так же. Я просто боялась за его жизнь! Со всех сторон какие-то ужасы на него надвигались. Многие друзья тогда перестали бывать у нас. Создалось чувство, что мы в загоне... Ходили упорные слухи о возможном разгроме пастернаковской дачи. Каждый день, каждый час могло случиться непоправимое. Наверное, убить или арестовать Бориса Леонидовича не могли. Но впечатление было, что все могут...

В тот же день, когда Пастернак направил письмо Хрущеву, в Доме кино состоялось общее собрание московских писателей с целью одобрить постановление об исключении Пастернака из ССП и решить вопрос о лишении Пастернака советского гражданства.

Подборка цитат из писательских выступлений даст представление о том, в какой обстановке проходило это собрание.

Окончание на стр. 30, 31.


РЕГИСТАН. 1943.

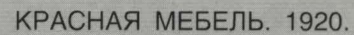
Начало на стр. 8

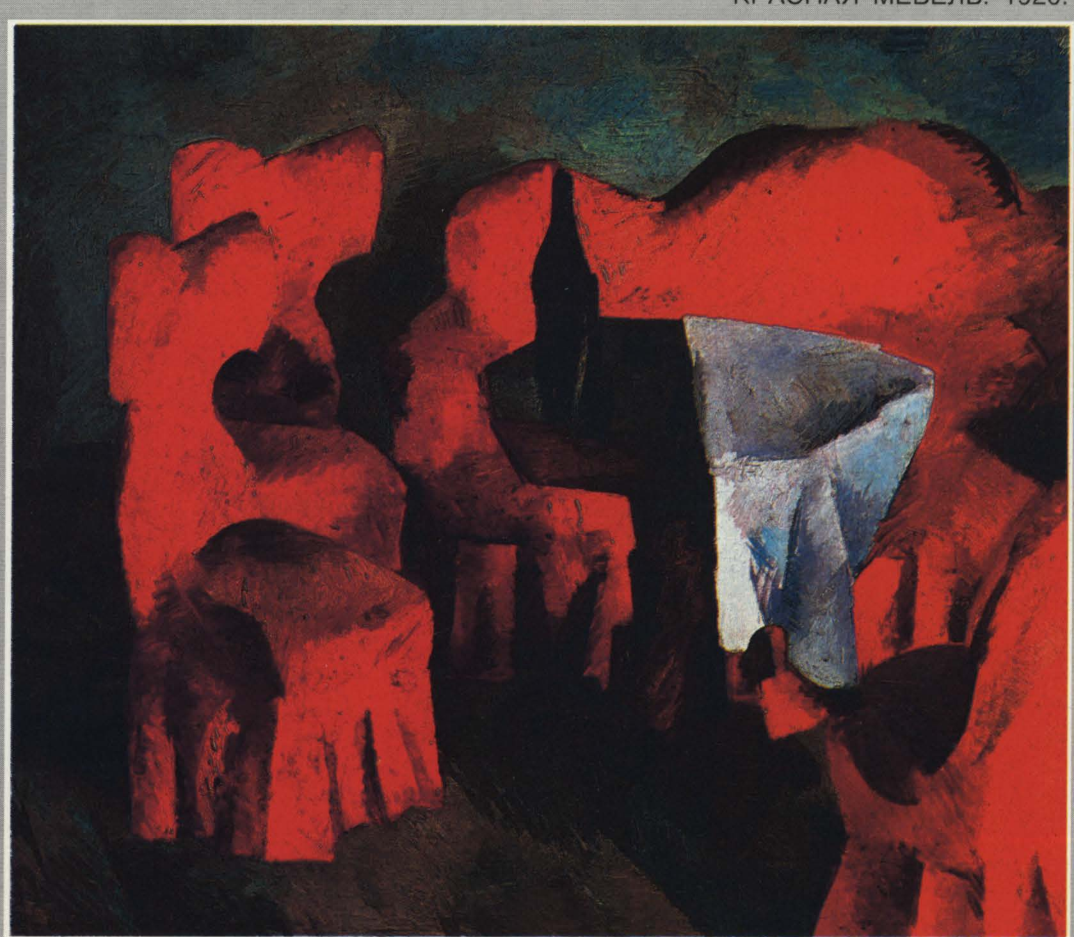
Где-то ближе к середине двадцатых годов в творчестве Фалька происходят заметные изменения. Он расстается и с зрелищно-игровой стихией «Бубнового валета», и с романтической потрясенностью революционных лет. Деформации и другие «левые» приемы для него навсегда становятся прошлым. Скорее видно тяготение к музейным образцам с идеальной отделкой фактуры, созерцательным любованием цвета, трактованного в духе Вермера Делфтского («Автопортрет в желтом», 1924).

Фальк сам быстро и остро почувствовал приближение кризиса. Он решает оставить преподавание и переменить обстановку. Его командируют в Париж, где он раньше никогда не бывал и где было возможно в ту пору войти в самое сердце европейской живописи. Парижский период творчества мастера длится около десяти лет (1928—1937).

Фальк выбрал себе предельно трудную судьбу. На родине он имел уже имя, авторитет, преподавательскую кафедру. А в Париже его решительно никто не знал. Между тем здесь работали в те годы крупнейшие мастера, среди них Матисс и Пикассо, Дерен и Брак, Утрилло и Боннар, Руо, Ван-Донген, Шагал. Как быть замеченным рядом с такими великанами?

Но Фальк об этом просто не думал. Он и не


КРАСНАЯ МЕБЕЛЬ. 1920.



БУРНЫЙ ДЕНЬ. 1937.

намеревался этаким Растиньяком ослепить и победить художественный Париж. Он просто работал, напряженно, последовательно. И добился чрезвычайно многого.

В Париже мастер разработал и довел до совершенства новую для себя живописную систему. Она вполне самостоятельна и даже косвенно не напоминает стилевые манеры упомянутых знаменитостей.

Раньше Фальк работал преимущественно на сопоставлениях нескольких ведущих цветовых акцентов. Теперь он на каждом полотне создает сложноцветную, переливающуюся неисчислимым множеством оттенков и разными степенями освещенности живописную массу (посмотрите, например, на «Сицилийскую кукурузу» 1936 года). Художник любил повторять формулу Сезанна: живописи нужен верный цвет на верном месте. Но иногда такой принцип получает схематичную, сугубо рационалистическую трактовку. У Фалька любое из его парижских (и более поздних) полотен — это как бы живое тело, где каждый мазок подобен кровеносному сосуду и составляет органическую часть общего. Оно одухотворено на всем своем протяжении, и каждое изменение цвета или ритма обозначает новый поворот в динамике чувств и мыслей.

А они были совсем иные, чем на родине. «Бурю и натиск» революционных лет сменяют минорные тональности. Фальковский Париж совсем не похож ни на один из бесчисленных живописных Парижей. Мастера не увлекали ни феерии ночных огней мировой столицы, ни нарядные фланирующие толпы на ее проспектах и бульварах, ни сыто-безмятежное смакование «маленьких радостей» состоятельными завсегдатаями кафе и эстрадных гала-концертов. Он многократно менял адреса своей студии, отыскивая укромные уголки города, где смешиваются старина и современность, где века как бы наслаиваются друг на друга и надо всем господствует ощущение неостановимого потока жизни, вбирающего в себя, как ручейки, малейшие переливы настроений и размышлений. Мягкая цветовая волна окутывает пейзажи «Мост у старой тюрьмы» и «Три дерева». В первом случае розовеющие отблески заката на сумрачном здании, мосте, дальних планах вносят в ландшафт оттенки примирения с несколько отстранённым и настороженным миром. Париж, как всегда, ослепительно красив, но он словно стоит перед лицом мрачных угроз, которые его ожидают. Русский художник своей отзывчивой душой чутко воспринимал начальные раскаты второй мировой войны, агрессию фашизма. Ощущение вечной красоты французской столицы смешивается у него с неотступной мыслью о тяжких канунах и для Парижа, и для всей европейской культуры.

Мысли о доме тоже не были у художника безоблачными, и это, несомненно, как-то примешивалось к настроению его парижских пейзажей. Роберт Рафаилович вовсе не принадлежал к числу наивных оптимистов. Когда в роковом 1937 году (после нескольких успешно прошедших персональных выставок и при полной возможности безбедно и уютно жить в Париже) он возвратился в Москву, то, несомненно, понимал, что его ожидают нелегкие испытания. К счастью, самое худшее миновало художника. Но он более чем на полтора десятилетия оказался в некоей внутренней ссылке; лишь в последние два года жизни Фальк дождался некоторых (очень скромных) знаков признания.

Фальк привез из Парижа разработанную им идею «живописной непрерывности», когда поверхность холста (которую мастер сравнивал с силовым электрическим полем) составляет единую энергетическую емкость. Тут все связано друг с другом — переходы и перекаты цветового построения, вспышки и замирания света, сцепления и сшибки разных пластических сил. Все это, по мысли художника, приводится к целостному завершению. Всякий раз Фальк стремился сделать его гармоничным.

Первым вариантом этой творческой системы Фалька, выполненным уже на родине, был созданный во время эвакуации 1942—1943 годов самаркандский цикл. До известной степени он парадоксален. Ведь входящие в этот цикл произведения выполнены в разгар войны, когда все кругом было полно ужасом и горечью, а сам мастер получает «похоронку» на своего единственного сына Валерия, талантливого художника, погибшего под Сталинградом.

Но надо знать Фалька. Кровавому разгулу и бездуховности фашизма он противопоставляет торжественное и возвышенное зрелище вечной, нерушимой красоты мира. Это его, Фалька, Сопротивление.

Вот «Регистан» (1943). Густая синева небес, совершенные конструкции строений, торжественно-гордые вертикали минаретов. Это и Восток, который своей бесконечной древностью близок к первичным началам человеческой цивилизации, и вся земля, обращенная к людям, ставшая лоном их жизни. В других работах цикла («У хауса», «Золотой пустырь», «Вечер в Самарканде», «Дорога в Шах-и-Зинда» — все 1943) встречаются повседневные житейские детали, но по-прежнему надо всем властвуют величие и строгость пропорций, незыблемое равновесие ритмов, драгоценные самоцветы пронизанных солнцем красок. В музейных разделах искусства Великой Отечественной войны все эти произведения будут выглядеть как свидетельства непобедимости гуманистических принципов.

«Живописная непрерывность» Фалька универсальна и дает точный эмоционально-стилистический ключ к самым различным жизненным сюжетам и ситуациям. После торжественности цветового великолепия самаркандской серии московские и подмосковные пейзажи, выполненные мастером в конце 40-х — 50-х годов, кажутся удивительно «тихими» и интимными. Но ведь тут разрабатывается совершенно иная музыкально-философская тема. Россия предстает мастеру средоточием света, любви, дружественной душевной открытости.

Под конец жизни мастер создал несколько портретных шедевров, которые можно рассматривать ныне как его духовное завещание.

Один из них — портрет теоретика и историка искусства А. Г. Габричевского (1953). Я хорошо помню Александра Георгиевича, одного из моих университетских профессоров. Это был человек фантастической эрудиции, который, мало сказать, знал, но воочию видел и чувствовал историю культуры давних веков, особенно Ренессанса. Чудак и острослов, он, слегка грассируя, говорил удивительно мудрые и глубокие вещи, которые порой звучали как афоризмы.

Фальк писал Габричевского неимоверно долго, соскребывая и переписывая уже, казалось бы, совершенно готовую композицию. В итоге картина кажется сделанной не кистью, а резцом — так она весома и плотна. Ее герой представляется сгустком интеллекта, зримым воплощением ищущего ума, воли, мужества.

Целая сюита полотен изображает Ангелину Васильевну. Но не просто как определенный персонаж, а как обобщенно-лирический образ. Наверное, я ничего не преувеличу, если скажу, что эти картины можно было бы записать нотными знаками — до такой степени они подчинены законам звуковой выразительности, живописного симфонизма.

Наконец, предсмертный автопортрет «В красной феске». Художник однажды уже изображал себя в такой же турецкой шапочке. Но тогда это была скорее некая эксцентрика. Теперь феска адресует портрет к классическим образцам. А по содержанию автопортрет в красной феске явно тяготеет к Рембрандту, которого Фальк в зрелые годы ставил выше всех мастеров мировой истории искусства.

Дело не в подражании каким-либо приемам живописи великого голландца — их тут нет, но в поражающей откровенности и психологической силе рассказа о самом себе. Фальк изобразил стариковское лицо с подглазными отеками и обвисшими щеками, печальный взгляд из-под приспущенных век. Но этот взгляд излучает такую глубину и проницательность мысли, а вся живопись портрета полна такой сверкающей красоты и проникновенности, что сама очевидная здесь тема прощания с жизнью обретает высочайший и гордый человеческий смысл.

Я видел последний раз живого Фалька именно таким, каким он показал себя в этом автопортрете. Стояла осень 1958 года, в маленьком зале дома в Ермолаевском переулке (теперь улица Жолтовского) наконец-то была устроена выставка произведений мастера. Очень скромная, показавшая лишь малые крохи фальковского творчества, но все-таки выставка.

Художника привезли из больницы, он знал, что обречен. Это был последний его выход в земную жизнь. Но Фальк держал себя с обычной сдержанностью, был задумчив, мило шутил, почему-то по-немецки разговаривал с французским корреспондентом. Словно все еще было впереди.

Впрочем, в известном смысле он так и думал. Ангелина Васильевна рассказывала, что, возвратясь на больничную койку, Фальк увлеченно строил планы большой, всеохватывающей экспозиции своих произведений. Он тщательно отбирал, что-то браковал, что-то опять возвращал, перевешивал, выделял. Художник и умер с воодушевлявшей его мечтой о такой выставке.

Она пока что еще не состоялась. Показ 1966 года в жалких залах МОСХа на Беговой улице был добрым делом, но задачи он не исчерпал ни в какой мере.

Я хочу верить, что после прекрасных выставок Лентулова, Шагала, Филонова мы увидим вскоре и подлинно итоговую экспозицию произведений Фалька. Это будет и счастливая, и грустная встреча. Мы увидим дивное, проникновенное искусство. Но и столкнемся в залах с таким множеством тревог и печалей нашего века, что к большой и естественной радости долгожданной встречи невольно примешаются сжимающие горло слезы.

Александр КАМЕНСКИЙ

ПРИПИСКИ «ПО ЧИТАЕМОСТИ»

Всему миру известно, что наша страна самая читающая. Так вот мы, работники библиотек, делаем ее еще более читающей. Искусственно делаем. За счет чего? За счет приписок и бумаготворчества. Да, да, существуют приписки и «по читаемости»: треть читателей, уверен, — «мертвые души». Ведь план дают от достигнутого. Судите сами, в иных сельских библиотеках охват населения составляет порой 90—100 процентов. Может ли быть такое? Выходит, что читают и младенцы в люльках, и старики. Что же нам рекомендуют «сверху»? Каждый должен прочесть в год 24 книги, посетить библиотеку 8 раз. Что читать? На художественную литературу отводится 50 процентов литературы, по искусству — 5—7, общественно-политическую — 25—30, по сельскому хозяйству — 7—8 процентов. Боже упаси, если цифры не будут соответствовать рекомендациям! Разве такое положение не толкает рядового библиотекаря на приписки? А сколько бумаг! Провел беседу, обзор литературы, читательскую конференцию — давай протоколы, тексты выступавших. Конкурсы — всесоюзные, республиканские, городские, районные. И по каждому планы, планы и указания «сверху».

Сейчас на глазах устаревает немало общественно-политической литературы, изданной до 1985 года. Это в первую очередь произведения Брежнева, его сподвижников, литература «о развитом социализме». Издавались эти книги на прекрасной бумаге и миллионными тиражами. «Съели» они не изданные в свое время сочинения Карамзина, Соловьева, Булгакова, Зощенко, Платонова... Задача трудная, и в короткие сроки ее не решить, ведь фонд такой литературы составляет 25—30 процентов. Хорошо бы, чтобы пересмотр этих фондов не превратился в очередную кампанию, спешка лишь навредит.

Есть уже печальный опыт торопливых усовершенствований. Десять лет назад проводилась централизация библиотек, которая, как надеялись, дала бы возможность читателям пользоваться всем единым фондом централизованной библиотечной системы, да и сохранить сам фонд. А что вышло? На открытом доступе нужных, интересных книг по-прежнему нет, все они в хранилищах или подсобках. Иные стоят по 5—6 лет, так и не дойдя до читателя. За десять лет трижды меняли формы учета книжного фонда. Так вот, при подготовке к централизации списывались собрания сочинений Пушкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, стихи Тютчева, Бернса. Мотивировка — по ветхости, а выдавались-то книги раз пять за 20—30 лет. Единственная вина, что изданы они в 40—50-х годах, все ушло в макулатуру. А возьмите изъятые произведения В. Некрасова, «Собор» О. Гончара. Не повторить бы в спешке...

Нас считают работниками идеологического фронта. Интересно, как долго будут бросать на идеологический фронт несостоявшихся партийных и хозяйственных горе-начальников? Более года проработал я в центральной библиотеке Мелитополя и ни разу не видел хотя бы инструктора горкома партии. И еще, почему страна так низко ценит наш труд? Зарплата у нас в среднем 105 рублей. Правда, высшее образование дает возможность через 15 лет получать 115. Многие работники библиотек, особенно вузовских, могли бы и сейчас получать больше, если бы разрешили совместительство. Услуги можно оказывать и после работы. Но — запрет...

Боюсь, что после Н. К. Крупской о нас, библиотекарях, никто по-серьезному не думал. Наболевшего много, но откроешь профессиональные издания — одни отчеты, призывы, обмен опытом. А есть ли опыт? Не растеряли ли его за писаниной? Пора приступать к делу: демократизация и перестройка дают надежду.

В. МАРТЫНОВ,
библиограф
Мелитополь

ПОМИДОР С «НАВАРОМ»

ИСПОВЕДЬ ДИРЕКТОРА

**БЕСЕДОВАЛИ УЧЕНЫЙ И ДИРЕКТОР ОВОЩНОГО МАГАЗИНА. ЭКОНОМИСТ СПРОСИЛ ДИРЕКТОРА:
— С КАКИМ ЧУВСТВОМ ВЫ УХОДИТЕ ИЗ ТОРГОВЛИ?
— С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ К ЛЮДЯМ, С КОТОРЫМИ МНЕ ДОВЕЛОСЬ РАБОТАТЬ. ЭТО СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ. ОНИ ЗНАЮТ, ВО ЧТО ИГРАЮТ. НАХОДЯТСЯ ПОД БОЛЬШОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ. ЭТО В МИНИСТЕРСТВАХ И НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МОЖНО МИЛЛИОНЫ «СГНОИТЬ», И НИКТО ЗА НИХ НЕ ОТВЕТИТ. А ЗДЕСЬ НА ТЫСЯЧУ РУБЛЕЙ «ПРОГОРЕЛ» — И В ТЮРЬМУ...
ВПРОЧЕМ, ЭТО УЖЕ ПИК ИНТЕРВЬЮ. И НАДО ВЕРНУТЬСЯ К НАЧАЛУ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОТОРОЕ ПРОВЕЛ В ОВОЩНОМ МАГАЗИНЕ КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА АН СССР С. А. БЕЛАНОВСКИЙ. ЕГО БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ БЫЛА АНОНИМНОЙ: ЭТОТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРИМЕНЯЮТ, РАССЧИТЫВАЯ ПОЛУЧИТЬ ТАКУЮ СТЕПЕНЬ ОТКРОВЕННОСТИ, НА КОТОРУЮ ФАМИЛЬНО НАЗВАННЫЙ МОЖЕТ И НЕ ПОЙТИ, ПООСТЕРЕЖЕТСЯ.**

ТОВАР

— Откуда получаете товар?

— Мы прикреплены к базе. Каждый день звоню и заказываю: капусты — две тонны, моркови — двести килограммов, апельсинов — тонну. И так далее. Исходим из спроса. Нет капусты — надо заказывать, нет лука — надо заказать... Дневной оборот колеблется и по сезонам, и по дням: в выходные, перед праздниками он не такой, как в будни. Имеет значение и качество товара. Здесь надо иметь интуицию, чтобы товар не залежался и не было больших потерь.

— База всегда удовлетворяет ваши заявки?

— По возможности, конечно, удовлетворяет. Хороший товар, правда, может пойти не к нам, а в магазин, где имеется хороший личный контакт: «ты мне — я тебе». Хороший товар незнакомым не дадут: такой, который пользуется спросом и с кондицией. Магазин живет на кондиции. И зарабатывает на ней. И товарооборот делает, и «живые» деньги. Ведь приходится платить десяткам людей.

— Почему так скуден ассортимент в овощных магазинах?

— Вы лучше меня знаете, что купить капусту трудно, очень часто капусты и лука в магазинах нет. Почему? Для выполнения плана та же капуста ничего не дает. Это дешевый товар, ее доля в товарообороте невелика. Если измерять в тоннах, доля овощей в общем объеме реализуемых товаров может составить 70—80 процентов. А если измерять в рублях, в товарообороте, картина резко изменится. Здесь фрукты составляют 70—80 процентов. Именно на них и делается план.

— А как вам определяют план?

— С потолка. В прошлом году был 150 тысяч рублей в месяц, а в этом могут дать и сто шестьдесят...

ДОХОДЫ

— Как появляются «живые» деньги?

— Допустим, тебе дают кондицию: две тонны апельсинов, это на четыре тысячи рублей. На них полагается полтора процента отходов. Но если апельсины хорошие, то отходов практически будет от двух десятых до половины процента. Остальное у тебя. От четырех тысяч — сорок рублей. Арифметика.

Можно сделать деньги и на таре. Ящик весит два килограмма, а тебе в накладной пишут «2 кг 200 г». Если умножить эти 200 граммов на 200 ящиков, получится 40 килограммов.

— Откуда эти лишние двести граммов?

— Приходит товар. В накладной графа «вес с ящиком». Но ящики-то разные. Вес записывает товаровед базы или начальник цеха, который отпускает товар. Он пишет своему знакомому такой вес, какой им обоим нужен. После реализации товара деньги делятся.

Еще одним источником «живых» денег является левый товар. Сейчас этого практически нет, слишком большой риск. Строго стало.

— Все ли директора магазинов имеют связи с товароведами базы?

— Нет. Текучесть кадров среди материально ответственных лиц очень большая. Многие бегают из магазина в магазин, засиживаться в одном не рекомендуется, это может привлечь внимание: значит, тебе здесь хорошо живется. А теперь нередко и совсем уходят из торговли.

— Говорят, деньги могут быть и от переброски части товара на рынок для продажи там по более высоким ценам.

— Так делают, но это очень, очень опасно. Бывает, перебрасывают весной на рынок помидоры; делали так с орехами, с другим дефицитным товаром. Но попадешься, за это сразу тюрьма. Поэтому так поступают лишь самые отчаянные люди. На практике такого почти нет.

— А постоянные клиенты, покупающие по завышенным ценам?

— Сейчас мало. Прежде такие факты были распространены...

— Какова «нормальная» величина дополнительного заработка?

— Оклады «материальщиков» невелики. А дополнительный заработок может колебаться по месяцам очень значительно. Иногда составляет ноль, а может достичь семисот, а то и тысячи рублей. В среднем, на круг, ориентируются на 300—500 ежемесячных рублей. Эти триста или пятьсот рублей не являются гарантированными. Лично я для себя не заработал ничего, не сделал сбережений. С чем пришел в торговлю, с тем и ухожу.

В торговле деньги зарабатывают сильные люди. Они считают «левый» заработок не воровством, а компенсацией за то, что им недодает государство, за риск.

— Какой доход имеет продавец?

— Сверх зарплаты он набирает за месяц от 200 до 300 рублей.

— С кем делится этими деньгами?

— Это только его. За этот доход продавцы отвечают сами — они часто попадаются. Недавно одну мою продавщицу судили за обвес, у нее был большой обвес — с шести товаров на восемьдесят копеек. Она пенсионерка, ее просто уволили, а могло быть хуже. Уволили, лишив на пять лет права работать в торговле.

У материально ответственных лиц существуют определенные отношения с продавцами. Существует возможность обмануть продавца, скажем, «зарядить» весы, «поиграть с весами». Отпускаешь продавцу 200 килограммов товара, а там на самом деле на килограмм меньше. Десять отвесов — десять килограммов.

РАСХОДЫ

— Хороший продавец — редкость?

— Конечно. Хороший продавец — это тот, который не пьет, своевременно отчитывается за полученный товар, аккуратно выходит на работу. Хорошего продавца трудно найти. Если его подбирают кадры торга, то за это надо заплатить пятьдесят рублей.

— Назовите другие статьи расходов.

— Их много. Материально ответственный работник находится в магазине не один. Работают обычно директор и его заместитель или два заместителя. Это и есть бригада ответственных лиц. В мое отсутствие заместитель может сдать выручку 10 тысяч рублей, а может и пять. Остальные положить себе в карман. Поэтому необходимо взаимное доверие, судьба каждого находится в руках остальных. Честность друг к другу должна быть необычайная. В противном случае бригада «горит».

Велик расход на вывоз тары. Вывоз одной машины порожней тары стоит от 10 до 15 рублей. В принципе эта работа должна выполняться централизованно, но реально так не бывает. Практика такая: сначала надо позвонить на базу, сделать заявку на вывоз ящиков. По этому звонку приедет шофер, и ты ему должен дать указанную сумму. Конечно, можно и не давать. Но тогда к тебе больше никто не приедет, ни этот шофер, ни другой. Ты завалишься тарой, тебя оштрафуют.

«Расходной частью» являются проверяющие. Чтобы «поправиться», надо дать «товарчик», а иногда берут и деньгами. Административная инспекция, пожарная охрана, санэпидстанция...

Так — на витрине...

...а так — на базе. Капуста «второй свежести».

Ближе к покупателю?

В подсобке...

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА.

— Но ведь приходят не в одиночку.

— Часто — в одиночку, без свидетелей. Чтобы не посылать работников на медосмотр,— они там полдня потеряют — приходится приглашать врача в магазин. Приезд стоит десять рублей. Есть магазины, которые регулярно платят проверяющим. Если в объединении 20 магазинов, то 2—3 обычно платят. Проверяющие живут с них, а свой «план по отлову», как мы говорим, выполняют на остальных 18—17 магазинах. Зато уж два или три магазина, которые отстегивают деньги, могут привезти и левый товар, провернуть другие дела.

— И сейчас?

— Сейчас стали бояться. Строже стало.

— Кому еще приходится давать деньги?

— Не все проверяющие берут деньги. Но если не берут у тебя, это не значит, что не берут вообще...

— Каков ежедневный расход по этим статьям?

— Ежедневный трудно назвать. Обычно подбивается баланс, делается это раз в десять дней. Берешь товарные расчеты, смотришь остатки по документам и по наличию. Если баланс по остаткам положительный, лишние деньги снимаешь, делишь с материальщиками, а если отрицательный, недостающие деньги надо вложить.

— А если проверка врасплох?

— Обнаружится недостача, ее надо тут же погасить, а ревизору полагается заплатить двадцать рублей.

— Расходные статьи можно уменьшить?

— Едва ли. Можно только не допускать, чтобы они росли. Как? Например, в магазине нет капусты, лука, огурцов. Одна из причин — эти овощи на базе стали гнильем. Но если закажешь, тебе пришлют и, какого бы качества товар ни был, запишут в накладной — отходы: пять процентов. А на самом деле — 20 процентов. Вот и расход. Конечно, я стараюсь не брать такую капусту, пусть лучше ее вообще не будет в магазине. И тогда звоню на базу: «У меня в остатках и лук, и капуста», хотя в магазине их нет.

Но есть обязательный ассортиментный минимум. И когда приходит проверка, говоришь: «Только что кончился товар, сейчас закажу...»

— Но на базе, если товар не вывозят, происходит завал?

— То, что происходит на базе, нас не касается. Нам самим надо выжить. Нам плевать и на базу, и на покупателя, это их проблемы, пусть они их как хотят, так и решают. Я не постоянный человек в магазине. Если меня любой может посадить в тюрьму, то как я себя чувствую: хозяином или как? Какой я хозяин! Мне главное — голова бы цела! А для этого не нужна ваша капуста, лук и тому подобное...

Бывают и «встречные накладные», это на большие суммы. Такой случай произошел с моим другом. Шофер подсунул ему лишнюю накладную, он ее оприходовал. Накладная была на семь тысяч.

— Как это произошло?

— Когда в магазин привозят товар, на него выписывается накладная. Документ удостоверяет: база передала товар, а ты его принял. Невзначай или по небрежности, по невниманию директор проштемпелевал печатью магазина лишнюю накладную: пришло десять машин, а показалось — одиннадцать. Товар пошел в другой магазин как левый, а оприходован в этом магазине. Вот к таким вещам надо быть очень внимательным.

— Часто так бывает?

— Редко. Но случилось же... Если такое произойдет, дело идет сразу на тысячи рублей. Тут мелочиться не будут, так как рискуют.

— Кто рискует?

— И те, кто выписал, и шофер... Вообще расходы ответственных лиц овощного магазина достаточно велики. Есть и такса шоферу, который привез товар. Два-три рубля за дешевый товар, но доходит до 5—7 рублей за хороший, выгодный товар. К тому же шофер помогает разгружать, так что вроде бы свою пятерку он отрабатывает. Если за день принять 5—10 машин, тридцать рублей надо приготовить.

Существует такса и для грузчиков. Ежедневно рубль на обед. Здесь прямо анекдоты случаются. За одним директором следили. Но никак не могли его взять. Тогда пригласили грузчиков и допросили. Те признались, что каждый день получали по два рубля. Остальное просто. Умножили численность грузчиков на количество рабочих дней в году, затем на количество лет, проработанных директором в должности и задали ему вопрос: «Где взяли пятнадцать тысяч, чтобы кормить грузчиков?» Так и посадили.

— Можно ли не кормить грузчиков?

— Можно. Но лучше «кормить». Иначе начнут злиться. Директор очень зависит от грузчиков. Ведь ящик можно «случайно» уронить при разгрузке. Нет, грузчика лучше не обижать. Вообще в торговле никого не надо обижать. Ты поставишь на место уборщицу или недобросовестную фасовщицу, они-то знают, что творится в магазине, могут и позвонить в ОБХСС. А там на такие звонки реагируют сразу, тут же придут с проверкой. Зачем тебе нужны такие приключения? Получается, надо погонять работников и одновременно заискивать перед каждым. Как и перед покупателем. Он все норовит записать что-нибудь в книгу жалоб, но это — впустую излить свою боль и скорбь. Но бывают и грамотные покупатели: те, если их разозлить, звонят в ОБХСС или в торгинспекцию.

— А если покупатель внес замечание в книгу жалоб и предложений?

— Тут же можно позвать кого-нибудь из постоянных покупателей, чтобы написал опровержение: «Мы, покупатели такие-то, категорически протестуем по поводу этой жалобы, все было нормально, а вот жалобщик был пьяным». И все. Друзей можно попросить написать благодарность.

НАКАЗАНИЯ

— За что наказывают чаще всего?

— Принял я магазин, был заместителем. Директором там была одна девоч-

ка, молодая, красивая, английским свободно владеет, сонеты Шекспира наизусть читала. Ее взяли на левом товаре — полтонны апельсинов на тысячу рублей. И загремела под следствие. Взяли и лоточника, который, собственно, и принял товар. Он на следствии все взял на себя: дескать, директор только подписала накладную, не знала, что товар левый.

— А как вышли на этот товар?

— Следили за машиной, начиная с базы...

— Почему вину взял на себя продавец?

— Зачем ему тащить за собой еще кого-то, ведь ему за это срок не убавят. Но поступил он так не только из-за своей порядочности. По неписаным правилам, если кто-то взял вину на себя, то за каждый отсиженный год получаешь компенсацию в тысячу рублей. Он свое отсидит, потом его отблагодарят.

Еще одного директора взяли на переоценке. История такая. Сезонно переоценивались помидоры, цены увеличивались. Накануне, после закрытия магазина, ревизия проверила товар «на остатке». Надо при этом показать ревизорам как можно меньше или как можно больше остатка: в зависимости от того, что предстоит — повышение или понижение цены. Это называется «играть на переоценке».

Но на следующее утро ревизия снова нагрянула и потребовала перевесить товар. Перевесили. И сразу завели уголовное дело.

— Где этот директор?

— Сидит. За такие дела строго. Даже слишком: ему дали шесть лет. Еще одного уволили «по статье», четвертый — под следствием, а мой знакомый недавно сам ушел из торговли. Трудно работать. Несовместимость, как и у меня. Мне тридцать восемь. Остаются же те, кому за пятьдесят, «старые акулы», им надо дотягивать до пенсии, куда пойдешь в таком возрасте?

...Материально ответственный работник не знает, за что ему придется отвечать. Возникает ощущение, что сажают и наказывают в первую очередь не тех, кто провинился, а тех, кто попался. Игра без правил. Я шахматист-разрядник, люблю играть, но тут нет никаких правил. Разыграл «партию», вдруг появляется «мохнатая рука» и ставит фигуру совсем не на ту клетку... Идет чисто вероятностный процесс, я ощутил это на себе. Меня нередко наказывали не по делу. А за то, что действительно требует наказания, не накажут, скроют.

Меня наказали за то, что не вывез товар на ярмарку. Зачем показуха, зачем все вывозить из магазина? Да и продавцов не было. За грязь в магазине наказывали, а уборщицу я нанять не могу. Была бы возможность, подбирал бы работников, платил бы им по труду.

Сейчас, когда я ухожу из магазина, мои коллеги говорят: молодец, ушел «чистым». Сейчас многие хотят уйти...

— Выиграет ли от всего этого покупатель?

— Нет, не выиграет. Думаю, что проиграет. В магазине ведь ничего не улучшится. Вы сами знаете это лучше меня, если ходите в магазины. Торговля — язва нашего общества. Все недостатки хозяйственного механизма отражаются в ней, как в фокусе.

— Значит, есть дефицит материально ответственных работников?

— Есть. И будет еще больше. Если сейчас находится человек, готовый принять магазин, его трудовую книжку буквально рвут из рук, пока не передумал. А чтобы попасть на директорскую должность в 60—70-е годы, надо было иметь хорошее знакомство. Работа считалась не только выгодной, но и престижной. Сейчас желающих нет. В торговлю идут по незнанию существующего положения.

— Недобор достиг того уровня, от которого страдает и сама торговля, и покупатель?

— Несомненно. Страдают, и очень сильно. Ведь и магазин просто не может хорошо обеспечиваться товаром, если материально ответственных работников меньше, чем нужно. Ухудшается ассортимент. План стараются делать на товаре подороже.

— Как исправить положение?

— Не знаю...

— А если увеличить зарплату?

— Директору надо платить 300—400 рублей, а то и больше, тогда и спросить с него можно. При определении зарплаты надо учитывать, что работа очень тяжелая. Рабочий день директора не нормирован. В шесть вечера он формально заканчивается, но никто не уходит в это время. Могут вызвать на совещание в исполком, в торг. Может возникнуть необходимость в поездке на базу, откуда он нередко возвращается в магазин. Может начаться и затянуться до полуночи проверка. Очень часто приходится сидеть до 9—10 вечера. Бывают совершенно сумасшедшие недели. А еще директор нередко приходит на работу в воскресенье, хотя может не делать этого.

— А заместители?

— Зам прибывает на работу до открытия магазина, но не позже семи тридцати. Обычно задерживается до десяти-одиннадцати вечера; так — через день.

Еще одна причина трудностей: невозможность выбора поставщика. Думаю, плохой товар могут подсунуть и на Западе. Но там в другой раз у этого поставщика не возьмут, не купят, в этом заключается главное право хозяина магазина. Наша система плодоовощной торговли по сути своей нелепа, она находится в противоречии с товаром. А людям приходится расплачиваться за эти нелепости часто судьбой.

Изменить в торговле что-либо трудно. Давать рекомендации может только непосвященный человек. Или наивный. Я ухожу из торговли более пессимистически настроенным, чем пришел туда. Хозяйственная самостоятельность магазина — фикция. Нужно создавать независимость, подлинную независимость. Фактически овощную торговлю надо создавать заново. Я плохо представляю себе, как может у нас функционировать частная торговля. Но если ее не сделать такой, как улучшить дело? Ведь пока правила игры остаются.

Материально ответственные работники, продавцы, даже грузчики — все это люди, если можно так сказать, из другого теста, чем, например, люди из сферы науки. Я пришел в торговлю с предприятия научного характера. У меня сложилось впечатление, что там работают люди, далекие от реальной жизни. Они получают зарплату около 180 рублей, а за что — не понимают. Они не понимают, что вокруг них происходит и что с ними происходит. В торговле все иначе. Здесь жизнь со своими суровыми законами, с тяжелыми наказаниями, со своими радостями. Весь день заполнен проблемами. Очень плотная и насыщенная жизнь.

Работа в магазине — тяжелый, ответственный труд для всех, от уборщицы и до директора.

Я вообще ухожу из торговли с чувством глубокого уважения к людям, с которыми мне пришлось работать. Это сильные люди. Они знают, во что играют. Находятся под большой реальной ответственностью. Это в министерствах или на предприятиях можно миллионы «сгноить» и никто ни за что не отвечает. А здесь на тысячу рублей «прогорел» — и в тюрьму. Эти люди сильны и в психологическом отношении. Знают людей, умеют с ними работать. Если дать им определенные возможности, они проявят себя с лучшей стороны. Это, конечно, мечта. Сейчас многие выдающиеся организаторы нашей торговли сидят по тюрьмам. То, что называют у нас жульничеством в торговле, не жульничество. Это нелепые правила игры, от которых могут серьезно пострадать те, кто играет.

КОММЕНТАРИЙ НАШЕГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Верну вас к строке интервью: магазин живет на кондиции. На хорошем, качественном товаре. Но вот раскрываю только что полученную редакцией сводку Госкомстата РСФСР и узнаю: сгноили, загнали в отходы так много овощей, что ими можно бы крупный город вдосталь накормить. Идем по отходам с опережением, если сравнивать с прошлым годом. Тогда в Российской Федерации в брак ушло меньше овощей, чем ныне. В тоннах это выглядит так: в первом полугодии поступило нестандартной капусты 15 468 тонн, а совсем бросовой, годной разве что на корм скоту, да и то голодному — 24 954 тонны. Такая же картина с огурцами, с картошкой, помидорами, яблоками и со всякой ягодой (косточковые плоды и ягоды культурные, подсказывает мне сводка, 1305 тонн нестандарта и 582 брака и отходов).

Вот и подторговывают, а куда денешься, подгнившими овощами, выкладывают на прилавок капусту «второй свежести», начиненную нитратами картошку, мятые помидоры и вялую, неаппетитную морковь. Впечатление такое, что магазины даже любят «нестандарт». Расположены к нему. Словно торопятся подтвердить бытующую догадку: где отходы, там и доходы.

Идет вселенская «усушка и утруска». Народные контролеры проверили несколько овощных баз. На одной из них обнаружили около тридцати тонн огурцов, которые лежали не первую неделю. Набирали кондицию, дозревали? Но огурцы товар нежный, требующий быстрого прилавка — вот и списывают овощи десятками тонн. Или подсовывают их покупателю: сойдет? Торгуют овощами так, чтобы были очереди — в очереди человек сговорчив, покладист. Он не заметит и того, что ему на килограмм подложат пару некондиционных помидоров, что обвесят на чуть-чуть; большой недовес — большой риск. А когда недостает десять граммов, можно сослаться и на усталость, и на ошибку.

Статистики передали мне любопытный документ: «О недостачах, хищениях, потерях и порче товароматериальных ценностей в торговле РСФСР в 1987 году». Общая сумма недостач определяется многими миллионами рублей. Лидирует потребкооперация, но и госагропромовские службы не очень-то отстают. Казалось бы, товар недорогой, овощной, сезонный, но набежало более восьми миллионов. Тут и недостачи с хищениями, и потери от порчи. Кто возместил убытки? А никто... По Агропрому взыскано, как информирует строка статистической сводки, три миллиона. Остальное? Ищи ветра в поле.

В целом по республике на один миллион товарооборота потеряно 722 рубля от разного вида воровства, а еще 124 — на списания, порчу продукции. В порче и списаниях лидер известен — овощная торговля. Гниют и вытекают в дороге и на базах вишня и помидоры, сельдерей и огурцы. Даже папайю, заморскую и недешевую, и ту исхитрились продавать выморочной, битой. Где-то воспользовались правом, написали: кондиция — 2 рубля килограмм, а некондиция — вполовину дешевле. Где-то «забыли» так сделать. Да и поди различи их — кондицию и некондицию. Фокус.

Вот и апельсины, товар надежный и неприхотливый, и апельсины идут на списание многими тоннами. Хотя к апельсину, фрукту «наваристому», выгодному, дающему в оборот заметные рубли, внимание все же есть. От него не отмахиваются как от копеечного укропа.

Снова обращусь к госкомстатовскому отчету: за год торгующие организации потеряли 1,8 миллиона тонн фруктовой и овощной продукции — тринадцать процентов ко всему рыночному фонду! Уметь надо. И это при хронически бедном, нищенском прилавке, на котором весь ассортимент запросто просчитывается арифмометром, которым пользуются сотни лет,— пальцы одной руки.

Появился даже лукавый термин: малораспространенные овощи. Так и пишут: «зеленные и малораспространенные». Тут баклажаны и савойская капуста, сладкий перец, тыква (которой прежде было — пруд пруди!), кочанный салат, ревень, спаржа. Неходовой товар или невыгодный? А если невыгодный, пора бы сказать: кому невыгодный?

...Напомню, беседа, фрагменты которой мы привели, состоялась два года назад. Может, все уже утряслось и образовалось, изменилось к лучшему? Но уже в этом году, выступая на заседании большой коллегии, начальник Главторга столицы В. Карнаухов с нескрываемой горечью говорил о поборах, которые, как цепочка, тянут и тащат за собой, так сказать, обобщенного, гипотетического директора — тянут не к деловитости, а к изворотливости, к ухищрениям, от которых шаг до беседы со следователем... Провели в Москве анкетирование, выяснилось, что, как и два года назад, многие магазины платят оброк шоферу за вывоз тары и мусора, за доставку товара в магазин; слесарю — за мелкие и покрупнее ремонты; и лифта, и охранной сигнализации; замену разбитого стекла. А тут еще инспекции одна за другой. Валом валят, как мухи на мед. Много их, не счесть. И все из «лучших побуждений», чтобы «пресечь» и «не допустить». Даже если на всю эту проверяющую ораву один окажется нечист на руку и со сговорчивой совестью, даже если один. Но в том-то и дело, что малый счет не проходит.

Волком воют директора. Но платят тем, от кого зависят. Предложили им: «Никому не давайте ни копейки! Потребуют — звоните нам тотчас, вот номера телефонов!..» Так решили выйти на дающего, чтобы затем вычислить и пригласить к ответственности берущего. Несколько дней ждали. Никто из директоров не позвонил.

Болезнь зашла глубоко. Наскоком ее не излечить. Тем более что и точного диагноза пока нет. Сейчас, когда всякого рода наказания и санкции следуют с большей неизбежностью, чем прежде, нашлась управа и на них: стали осмотрительнее «работать», четче. С другой стороны, так поставили хранение, что неизбежны всякого рода «естественные» усушки и утруски, а они «дают возможность», мостят дорожку всякого рода злоупотреблениям. Пересортица, «наивные ошибки»; велик арсенал всяких нарушений.

Многие из них идут еще и от качества продукции. Оттого, что везут ее навалом, чохом, часто вместе с землей. В некоторых европейских странах сейчас в торговле появились «овощи четвертой гаммы» или просто «четвертая гамма» (не дающие никаких — с гарантией! — отходов). Есть и особые прилавки с экологически чистыми, не загрязненными химией, выращенными без удобрений спаржей и артишоками, капустой и огурчиками...

Мне показывают сводку, из которой ясно: нитраты становятся неотъемлемой частью всякого овоща. И количество их увеличивается, становится опасным для здоровья. И ни Минздрав, ни Госстандарт не бьют в колокола.

А когда такое отношение к фрукту и овощу сверху — не подсказка ли это магазину, прилавку, неряшливому и небритому работнику овощной торговли: дескать, не зевай!

Положение вовсе не безвыходно. Затеяли магазины на арендном подряде — там и качество повыше, и обслуживают заботливее. Но мало таких магазинов, да и появились в их работе сбои. Кто выстраивает барьеры? А поди

разберись, когда всякий протест, каждая жалоба чревата последствиями — могут и в машине отказать, и вконец измучить проверками. Был же случай — совсем загнали в угол одного арендного директора. Пришли обэхээсэсовские инспектора и — дважды два четыре — насчитали разные нарушения, которых не было. Благо дошло до городского управления ОБХСС, там разобрались, извинились... Но ведь этот факт — лотерея. Такое внимание выпадает нечасто, его выиграть надо...

Интересно подошли к проблеме в Черемушкинском районе столицы. Здешний торг обратился ко всем, разложил приглашение в почтовые ящики: хотите поработать за овощным прилавком? Заработанное выплачивается тут же, по трудовому соглашению, без формальностей и волокиты. Что продал — за то и получил. В универсаме № 28 сразу объявились помощники. Торгуют на совесть. И никому не советуют: «Не нравится, сам вставай и отвешивай». Исчез и другой хамский лексикон; а это важно, ибо подмечено — хам-продавец нередко нечист на руку, для него обмануть, обвесить — пустяки.

Готовя к печати интервью ученого и директора, я, естественно, прошел всю цепочку: был на выгрузке овощей в речном порту, ходил по магазинам, наблюдал, с какой быстротой работают факиры-овощники возле станции метро «Щербаковская» — тонкая работа, психологически тонкая. Ловкий народ, оставляющий после себя груду мусора (к слову, почему торговля так неаккуратна, отчего не соблюдает чистоту на городских улицах и площадях?), и обязательно увозящий ящик-другой отходов: при толковом перевесе эти овощные ошметки идут в отчеты. Зашел я в Госторгинспекцию РСФСР к заместителю начальника Александру Тимофеевичу Скрипникову... Он не скрывал озабоченности. Приводил цифры и факты, свидетельствующие о ненормальном положении с овощной, фруктовой, зеленной торговлей. Мы говорили о скудости ассортимента, о явно повышенном внимании, которое магазины проявляют к дорогому товару (к тем же апельсинам), и о том, что всякая разная петрушка, укроп, недорогие, да и «нележкие», быстро портящиеся овощи и фрукты — не в чести. Недавно госторгинспектора провели очередную, плановую проверку. Пришли в магазины утром, в час открытия. А потом — вечером, под звонок. Их не ждали: редки проверки дважды на день. В шести столичных районах удручающе ровная картина. На прилавках даже капусты не оказалось, лука репчатого, огурцов, зелени. «В целом заметного улучшения в торговле товарами повседневного спроса при проверке в вечернее время замечено не было». Да и как заметить то, чего нет?

...Был прежде в торговом деле закон неписаный, но твердый: лучше понести на гривну убытка, чем на алтын стыда. Но идет время, меняются оценки: кто теперь, в пору хозрасчета, пойдет на убытки? А со стыдом все просто; он сговорчивее. Да и неэкономическая это категория — стыд. Пока неэкономическая...

В организации же торговли почти та же неразбериха, что и на магазинном прилавке. Торговлю овощами и фруктами ведут два крупных ведомства — Агропром и Минторг. Фонды — у агропромовцев. Берут они себе лучший товар. Магазины фирменные у них. Наметилась разноголосица и в ценах: над более или менее стабильными государственными нависли договорные.

Когда создавалось двоевластие, думали, что с ним придет конкуренция, борьба за покупателя. Будут Агропром и Минторг друг перед другом стараться, у кого лучше. Не получилось. Нет конкуренции. Есть диктат Госагропрома.

И бедные, очень бедные прилавки.

Константин БАРЫКИН

В № 32 мы сообщили читателям, что «Огонек» стал одним из учредителей Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал», цель которого — увековечение памяти жертв сталинских репрессий. 25 августа избран общественный совет «Мемориала». Рабочий орган совета — исполком. Он уже создан и приступил к работе. Общественный совет, возглавляя деятельность по созданию мемориала, получил право распоряжаться средствами, поступающими на счет 700454.

Каким же быть мемориалу? Продолжаем публиковать предложения читателей.

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

Предлагаю создать при мемориале жертвам необоснованных репрессий музей Сопротивления сталинщине. Ибо даже в сталинские, а затем и в брежневские времена далеко не все молча и покорно выполняли приказы временщиков и их холуев. Их мужество практически всегда жестоко каралось репрессивным аппаратом под надуманными обвинениями, самым ходким из которых был, конечно же, «антисоветизм».

Этот музей — и об отдельных личностях, не покорившихся диктату враждебных народу правителей. Среди них храбрый командир М. Н. Рютин, расстрелянный по личному указанию Сталина (это он назвал «вождя всех времен и народов» злым гением русской революции), Ф. Ф. Раскольников (знаем его «Открытое письмо Сталину»), военачальник Г. Д. Гай, который, уже арестованный, сумел оглушить охрану, выскочить на ходу поезда...

Очевидно, в музее Сопротивления должна быть отражена работа XX и XXII съездов партии, Н. С. Хрущева, разоблачившего злодеяния Сталина, и особенно XIX партийной конференции.

Обвинительными документами тех периодов должны стать книги Твардовского, Ахматовой и Мандельштама, Гроссмана и Евтушенко (стихи «Наследники Сталина»), фильм «Покаяние». Свое место займут академик Сахаров, писатель Солженицын, режиссеры Любимов, Тарковский, Рязанов, актер Ульянов, писатель Каверин, поэты Галич и Высоцкий, а также многие другие, чьи имена известны и неизвестны, но которые, верю, можно отыскать в списках, запрещавших издавать и цитировать определенных авторов. Эти люди использовали малейшие возможности своей профессии, своего таланта, чтобы бороться со злом, пригвоздить его к позорной стене, приблизить дни, которые мы сейчас называем перестройкой. Хочется добавить имена Дудинцева, Гранина, Германа.

Да, музей Сопротивления нужен. Если мемориал жертвам репрессий (предлагаю, чтобы его скульптурная копия или просто монумент-обелиск были в каждом городе) будет местом народной скорби, то музей отпора деспотизму должен стать местом неубитой совести народной, храмом несгибаемого мужества тысяч людей.

М. С. ЛИХЦОВ,
инженер облагростроя
Черкассы

Моя семья, испытавшая весь ужас сталинских репрессий, считает, что надо конструировать мемориал таким образом, чтобы он был виден из окон небезызвестного дома на Лубянке. В центре — памятник. Но памятник всем — безлик. Поэтому мы предлагаем, кроме памятника, создать мемориальный парк, в котором жены, сестры, дети, внуки могли бы посадить дерево в память о своих погибших. И обязательно при мемориале — книга с именами всех жертв сталинизма. Надо спешить, время неумолимо. Это долг всех живущих.

В. ШАМБОРАНТ
Москва

Памятник жертвам сталинизма, каким он должен быть? У меня есть стихотворение об этом — слабое, правда, как я сейчас сознаю, по своей литературной форме. Если я посылаю его в журнал, то лишь из-за даты. Хотите верьте, хотите нет, но написал я эти стихи в 8—9-м классе, то есть в самом конце 60-х годов. Написал тогда, как думал, о чем знал из «первоисточников» — родился и вырос я в самом Магадане.

Верю я, что в робе зачиненной
У охотских темно-серых скал
Встанет Неизвестный Заключенный
В бронзе на гранитный пьедестал.

Встанет в рост, с лопатой и киркою,
С коробом и тачкой у ноги,
С биркою на пальце номерною —
В тех краях, где некогда погиб.

Больше неподвластный конвоирам,
Гладу, мору, стуже и ветрам,
Надо всем о нем забывшим миром,
Чтобы правду рассказать векам.

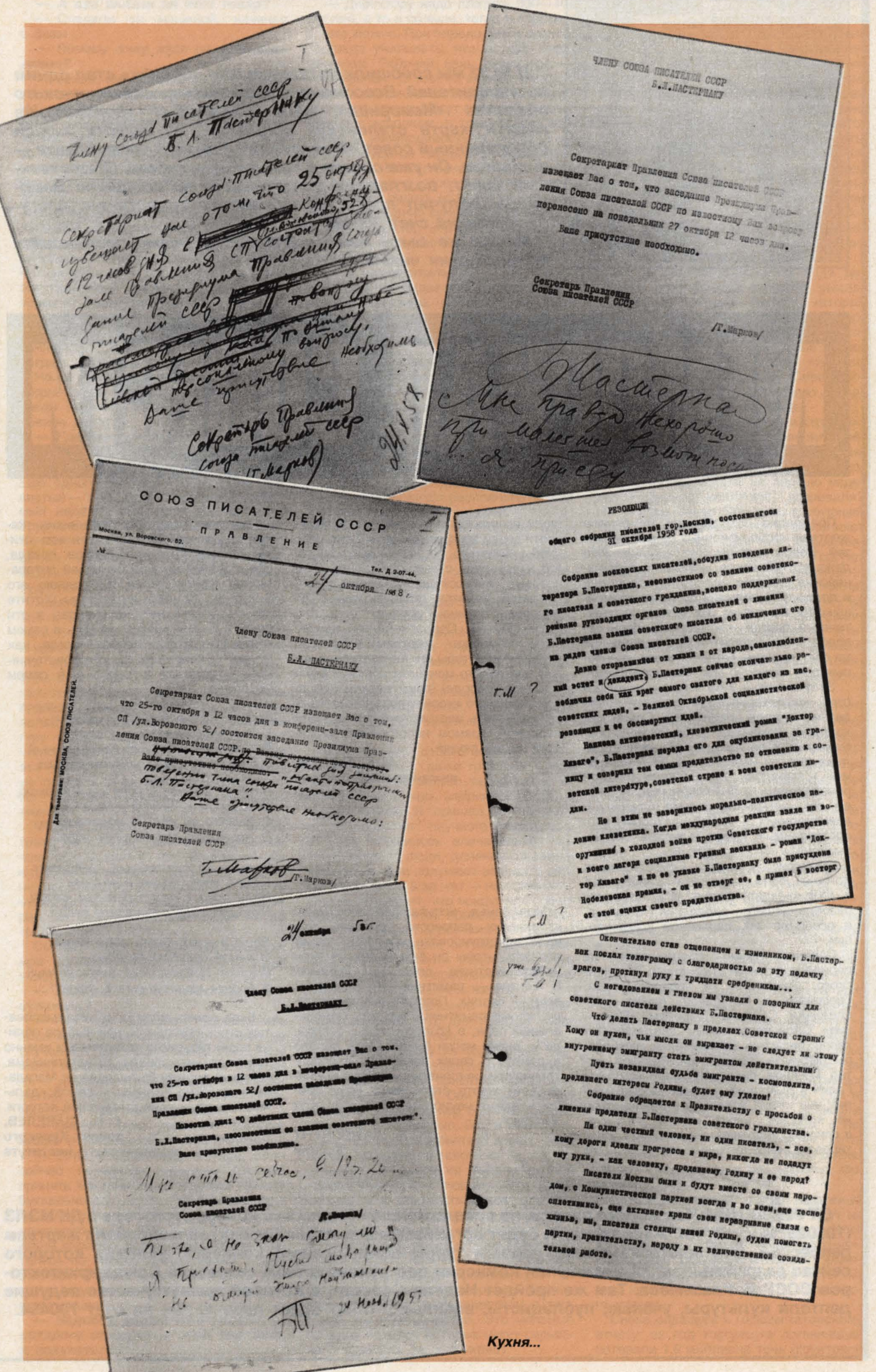
Верю я — погибнуть обреченный
И самой судьбою позабыт —
Встанет Неизвестный Заключенный
В бронзе на ограненный гранит!

Быть может, идея моих незамысловатых строк пригодится при выборе облика проектируемого памятника, а именно той части мемориала антисталинизма, который должен быть создан в Магадане — столице Колымы — самой «дальней планеты» всей сталинской каторги.

С. П. ЩАВЕЛЕВ,
доцент Курского
медицинского института

ОТ РЕДАКЦИИ. Как мы уже писали, по предложению «Огонька» в ноябре этого года в ДК МЭЛЗ (105023. Москва, пл. Журавлева, 1) будет организована выставка проектов мемориала жертвам репрессий. Эта выставка станет первым туром общесоюзного конкурса, условия которого сейчас разрабатывает компетентная комиссия под руководством секретаря Союза архитекторов СССР В. Глазычева. Там же пройдет Неделя Совести, в которой примут участие ведущие деятели культуры, ученые, публицисты, военные... Сбор будет перечислен на счет 700454.

РОМАН ЛЕТЕЛ К РАЗВЯЗКЕ



ЧЛЕНУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Б.Л.ПАСТЕРНАКУ

Секретариат Правления Союза писателей СССР извещает Вас о том, что заседание Президиума Правления Союза писателей СССР по известному Вам вопросу перенесено на понедельник 27 октября 12 часов дня.

Ваше присутствие необходимо.

Секретарь Правления
Союза писателей СССР

/Г.Марков/

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ

Москва, ул. Воровского, 52.

№

Тел. Д 2-07-44.

24 октября 1958 г.

Члену Союза писателей СССР

Б.Л. ПАСТЕРНАКУ

Секретариат Союза писателей СССР извещает Вас о том, что 25-го октября в 12 часов дня в конференц-зале Правления СП /ул.Воровского 52/ состоится заседание Президиума Правления Союза писателей СССР. ~~по Вашему персональному вопросу.~~ ~~Ваше присутствие необходимо.~~

Секретарь Правления
Союза писателей СССР

/Г.Марков/

Для телеграмм: МОСКВА, СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

24 октября 58 г.

Члену Союза писателей СССР

Б.Л.Пастернаку

Секретариат Союза писателей СССР извещает Вас о том, что 25-го октября в 12 часов дня в конференц-зале Правления СП /ул.Воровского 52/ состоится заседание Президиума Правления Союза писателей СССР.

Повестка дня: "О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л.Пастернака, несовместимых со званием советского писателя".

Ваше присутствие необходимо.

Секретарь Правления
Союза писателей СССР

/Г.Марков/

РЕЗОЛЮЦИЯ

общего собрания писателей гор.Москвы, состоявшегося 31 октября 1958 года

Собрание московских писателей, обсудив поведение литератора Б.Пастернака, несовместимое со званием советского писателя и советского гражданина, всецело поддерживает решение руководящих органов Союза писателей о лишении Б.Пастернака звания советского писателя об исключении его из рядов членов Союза писателей СССР.

Давно оторвавшийся от жизни и от народа, самовлюбленный эстет и декадент, Б.Пастернак сейчас окончательно разоблачил себя как враг самого святого для каждого из нас, советских людей, – Великой Октябрьской социалистической революции и ее бессмертных идей.

Написав антисоветский, клеветнический роман "Доктор Живаго", Б.Пастернак передал его для опубликования за границу и совершил тем самым предательство по отношению к советской литературе, советской стране и всем советским людям.

Но и этим не завершилось морально-политическое падение клеветника. Когда международная реакция взяла на вооружение в холодной войне против Советского государства и всего лагеря социализма грязный пасквиль – роман "Доктор Живаго" и по ее указке Б.Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, – он не отверг ее, а пришел в восторг от этой оценки своего предательства.

Окончательно став отщепенцем и изменником, Б.Пастернак послал телеграмму с благодарностью за эту подачку врагов, протянул руку к тридцати сребреникам...

С негодованием и гневом мы узнали о позорных для советского писателя действиях Б.Пастернака.

Что делать Пастернаку в пределах Советской страны? Кому он нужен, чьи мысли он выражает – не следует ли этому внутреннему эмигранту стать эмигрантом действительным?

Пусть незавидная судьба эмигранта – космополита, предавшего интересы Родины, будет ему уделом!

Собрание обращается к Правительству с просьбой о лишении предателя Б.Пастернака советского гражданства.

Ни один честный человек, ни один писатель, – все, кому дороги идеалы прогресса и мира, никогда не подадут ему руки, – как человеку, продавшему Родину и ее народ!

Писатели Москвы были и будут вместе со своим народом, с Коммунистической партией всегда и во всем, еще теснее сплотившись, еще активнее крепя свои неразрывные связи с жизнью, мы, писатели столицы нашей Родины, будем помогать партии, правительству, народу в их величественной созидательной работе.

Кухня...

Начало на стр. 22.

Председатель собрания:

...В течение сорока лет скрытый враг, преисполненный ненависти и злобы, жил среди нас, и мы делили с ним наш хлеб... Нам следует обратиться к правительству с просьбой о лишении Пастернака советского гражданства (громкие аплодисменты). Идут слухи, что Пастернак отказался от Нобелевской премии, но мы об этом ничего не знаем.*

Другие выступающие:

...Он — ярчайший образец космополита в нашей среде... Не надо нам такого гражданина!..

...Я внимательно, с карандашом в руках прочитал роман «Доктор Живаго». Я почувствовал себя буквально оплеванным. Я не хочу перечислять всю эту мерзость, дурно пахнущую, оставляющую очень скверное впечатление. Пастернак — это знамя холодной войны. Мы должны сказать Пастернаку: иди, получай там свои тридцать сребреников! Ты нам сегодня здесь не нужен, а мы будем строить тот мир, которому мы посвятили свою жизнь! (Аплодисменты.)

...Поэтическое кредо Пастернака можно охарактеризовать как «восемьдесят тысяч верст вокруг собственного пупа...» Мне и многим нашим товарищам просто трудно себе представить, что живут такие люди в писательском поселке. Я не могу себе представить, чтобы у меня осталось соседство с Пастернаком... Нельзя, чтобы он попал в перепись населения СССР.

...Пастернак своим поганым романом и своим поведением поставил себя вне советской литературы и вне советского общества... Дурную траву — вон с поля!

...Нобель перевернулся бы в гробу, если бы узнал, кому пошли его деньги...

...Но история Пастернака — это история предательства... «Доктор Живаго» — плевок в наш народ... и я присоединяюсь к тому, что не место этому человеку на советской земле...

...Эта книга в целом является орудием холодной войны против коммунизма. Пастернак «там» будет нужен до тех пор, пока он у нас. Когда же он станет настоящим эмигрантом — он там не будет нужен... и через месяц его выбросят как съеденное яйцо, как выжатый лимон. Вот это и будет его самая главная казнь за то предательство, которое он совершил...

...Народ не знал Пастернака как писателя... он узнал его как предателя... Есть хорошая русская пословица: «Собачьего нрава не изменишь!» Мне кажется, что самое правильное — убраться Пастернаку из нашей страны поскорее (аплодисменты)...

...Холодная война тоже знает своих предателей, и Пастернак по существу, на мой взгляд, это литературный Власов... Генерала Власова советский суд расстрелял (голос с места: «повесил!»)...

* За два дня до этого (29 октября) газеты мира опубликовали телеграмму Б. Л. об отказе от премии, в тот же день он известил об этом телеграммой ЦК КПСС, а председатель столь ответственного собрания «ничего не знает».

— Я никого не виню. Время было такое. Помните, в «Докторе Живаго»? «Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Вообразили, что время, когда следовали внушениям нравственного чутья, миновало, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями. Стало расти владычество фразы...»

Но все-таки нашлись люди, которые не выступили, промолчали, а во время голосования вышли из зала. («Из доброты не голосуя, Вы удалялись в туалет...»)

Евтушенко был тогда секретарем комсомольской организации Союза. Перед этим собранием его вызывали и долго убеждали выступить. Он не выступил.

Эренбург в те дни, как рассказала его секретарша, сам брал трубку и, не меняя голоса, спокойно говорил: «Илья Григорьевич уехал, приедет не скоро».

В тот же день Пастернака вызвали в ЦК и машину дали. Я сразу почувствовала, что письмо Бориса Леонидовича получено и наступило потепление.

Пастернак надел парадный костюм. Заведующий отделом культуры пригласил поэта в кабинет, откашлялся и торжественно объявил, что Пастернаку разрешается остаться на Родине.

— Но гнев народа своими силами нам сейчас унять трудно. Мы уже не в силах остановить завтрашний номер «Литературной газеты»*.

Тут Борис Леонидович не выдержал:

— Как вам не совестно, Дмитрий Алексеевич! Какой там гнев? Ведь в вас есть что-то человеческое, так что же вы лепите такие трафаретные фразы?

Поликарпов покраснел, но у него была явная установка уладить дело, и, походив по кабинету, он снова ласково, как ребенку:

— Ну, теперь все кончено, теперь будем мириться, потихонечку все наладится...

Через несколько дней — снова звонок из ЦК. От Пастернака потребовали написать обращение к народу. Не было у них чувства меры...

Борис Леонидович написал — сначала это было отнюдь не покаянное письмо. Потом над ним сильно потрудились, так что получилась ложь и признание вины. Да еще подчеркнуто добровольное: «...никто ничего у меня не вынуждал, и это заявление я делаю со свободной душой, со светлой верой в общее и мое собственное будущее, с гордостью за время, в которое живу, и за людей, которые меня окружают...» Увидев это «свое» письмо, Пастернак лишь рукой махнул и подписал. Слабость? Да. Но куда больше просто бесконечная душевная усталость, желание, чтобы поскорее все это кончилось, чтобы наконец стало тихо. Он хотел поставить точку. Думаю, в этот момент он действовал как бы «под анестезией» и еще не чувствовал, какое непоправимое насилие совершает над собой этим вторым письмом. Не подозревала этого и я...

Потом, когда анестезия отошла, тут-то и оказалось: силы подорваны, нервы сдали вконец, сердце не выдерживает... Пастернак ведь предупреждал в романе: «...От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь...»

А они все гудели. Как можно так добивать человека?!

Он уже почти не ездил в Москву. Не сговариваясь, мы все старались в те дни как можно больше шутить, рассказывать смешные истории, смеяться. Смеялся и Пастернак. А под этим смехом... Когда вдруг **это** обнажалось — казалось, мы слышим пронзительный, разрывающий душу крик.

Однажды Пастернак вернулся с прогулки со слезами на глазах: представляете, переделкинский милиционер поздоровался с ним, словно ничего не произошло...

Пастернак старался всеми силами восстановить свой обычный режим дня — он считал, что так он снова обретет себя. Днем, в положенные часы, работал — переводил Словацкого и Кальдерона. Вечером — «ритуальная» прогулка. Часто — до конторы Дома творчества, чтобы сделать необходимые звонки.

И вот однажды мы пошли туда. Пока Пастернак звонил, мы стояли у входа. Вдруг слышим — громкие рыдания. Вбегаем — Борис Леонидович плачет, держа трубку в руках, хочет что-то сказать и не может. Я знала, что некоторые друзья теперь на его звонки отвечали холодом или даже грубостью, но из-за этого он никогда не плакал, только сжимался весь. Так что же случилось сейчас?

Он позвонил Лиле Брик, а она воскликнула: «Боря, дорогой мой, что же это такое, что же это делается с тобой?» Это искреннее сострадание было так неожиданно...

Но душа не может быть долго сжата, как пружина. Нужен только толчок, и она сбрасывает оковы.

Когда отчаяние достигло предела, Пастернак написал стихотворение «Нобелевская премия».

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.
Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

. . . .

Все тесней кольцо облавы
И другому я виной:
Нет руки со мною правой,
Друга сердца нет со мной!
А с такой петлей у горла
Я б хотел еще пока,
Чтобы слезы мне утерла
Правая моя рука.

Прощание.

Иностранный корреспондент попросил у Пастернака интервью. Борис Леонидович ответил, что не может, не в состоянии сейчас говорить. И вместо интервью дал клочок бумаги с новым стихотворением. Западные радиоголоса тут же прочли всему миру это стихотворение, и весь мир узнал правду о «добровольном», «без принуждения» покаянии Пастернака.

Так Пастернак в один миг зачеркнул свое унижение. Разом ответил за насильное покаяние, за то письмо, за все... Снова стал самим собой.

— Ольга Всеволодовна, известно, что последние две строфы этого стихотворения связаны с каким-то трагическим эпизодом в ваших отношениях с Пастернаком.

— Это так лишь отчасти, это несколько примитивная трактовка. Да, действительно тогда между нами произошел временный разрыв, который мы оба болезненно переживали. Но это был лишь толчок, крупица... Крупица в бесконечной лавине травли, боли. Вот эта лавина, это «кольцо облавы» и породили стихотворение...

Пастернак любил роман, как любят единственного позднего ребенка. Он даже готов был перечеркнуть все, что было написано до, а вот роман чтобы остался. Он считал его главной своей удачей, звездным часом. Считал, что в романе этом он состоялся. Поэтому хотел увидеть его напечатанным. Но политические амбиции въелись в нас, мы на все смотрим сквозь эти темные, уродующие мир очки. Простое и такое понятное желание хоть где-нибудь напечатать главный труд жизни (вовсе не антисоветский, вовсе не клеветнический) — это, конечно, предательство. Мы только еще начинаем отходить от этих стереотипов.

Вы спросите — но почему же все-таки Борис Леонидович не подождал еще немного, ведь была еще надежда издать роман у нас? Пастернак — и тут сработала интуиция, предвидение поэта — еще в 1956 году понял, что роман у нас в то время не напечатают. И не из-за кампании, затеянной злоумышленниками,— а потому что время отторгало роман как инородное тело. Да, была оттепель, но души еще не оттаяли. Слишком сильна и страшна была еще память о вчерашних репрессиях, чтобы люди могли раскрыться, сбросить панцирь железного самоконтроля, панцирь ледяной подозрительности, чтобы могли отважиться на тот разговор о свободе, который предлагал автор «Доктора Живаго».

Иногда слышишь: «Почему «Доктора Живаго» раньше не напечатали? **Ничего такого** там нет...». Да, в отличие от романов Рыбакова, Гроссмана у Пастернака нет фактов, прямо обличающих эпоху культа, авторитарный режим и конкретных политических деятелей. В этом смысле — действительно «ничего такого»... Но «Доктор Живаго» — это философия свободной личности, протестующей против насилия, это неприятие авторитаризма, казарменного бытия, нивелирующего все индивидуальное, самобытное, низводящего все многоцветие жизни до лозунгов, формул, мертвых фраз...

Поэтому «Доктор Живаго» был и всегда будет миной замедленного действия для любой формы авторитаризма.

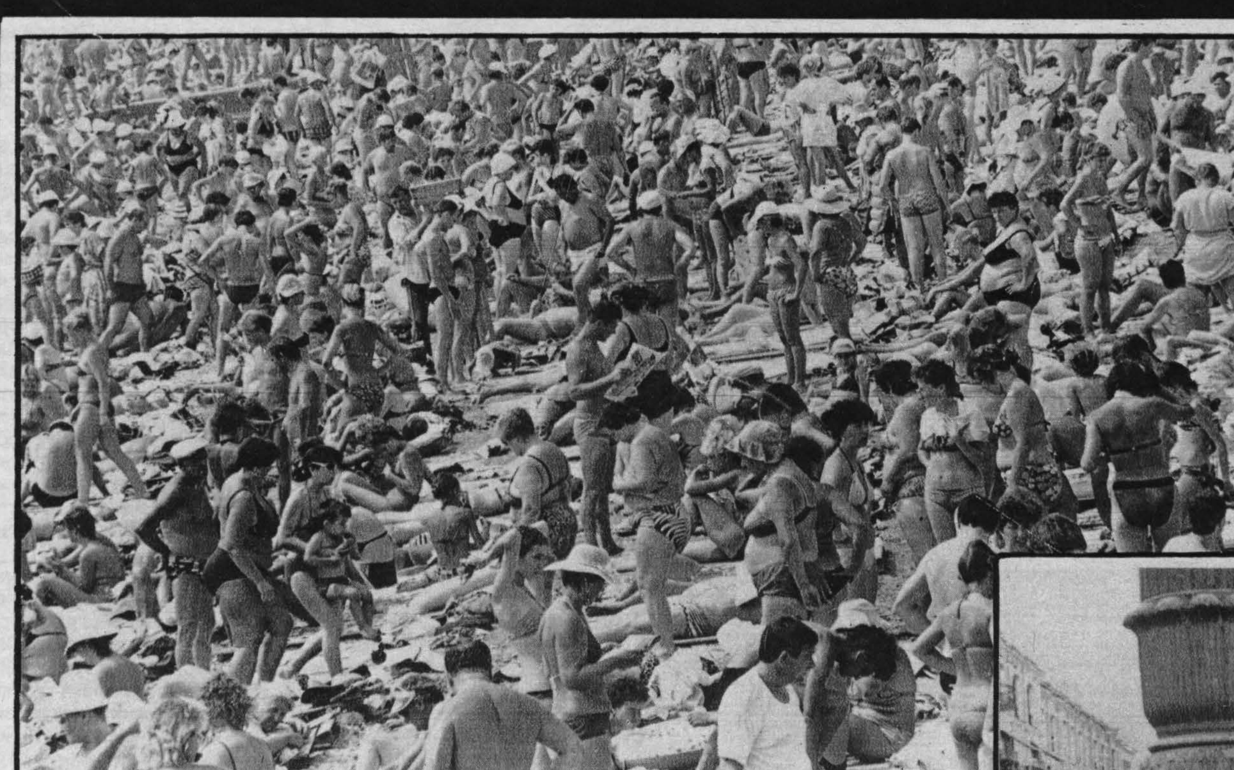
Каждое время будет по-своему отражаться в этом романе, как отразилось и время, которое его не напечатало.

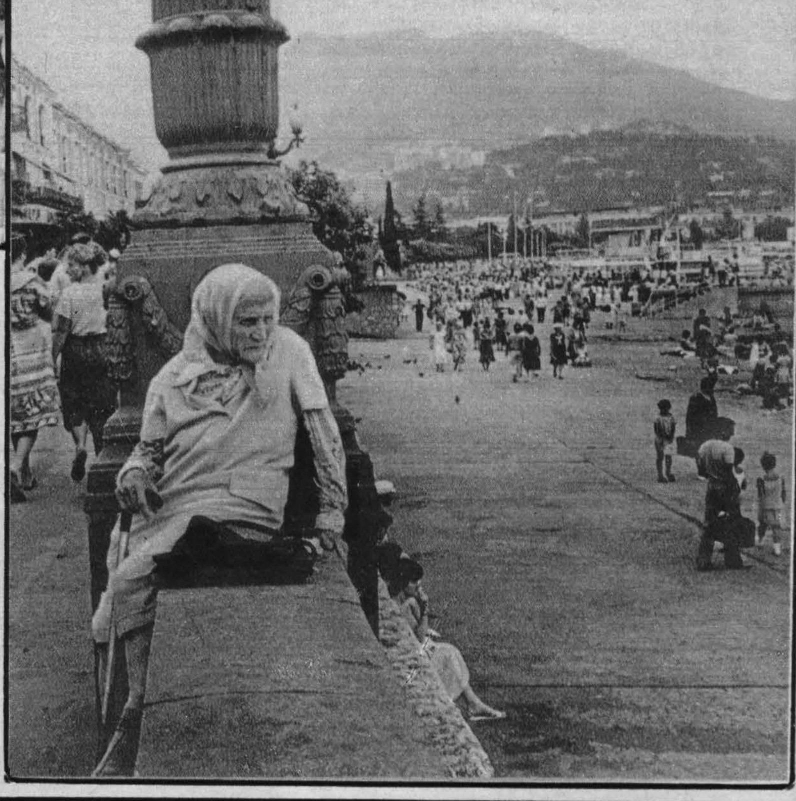
Пастернак писал итальянским издателям: «Дорогие господа! Я глубоко благодарен вам за вашу трогательную заботу. Простите меня за обидные неприятности, которые навлекла на вас моя злополучная судьба и, возможно, навлечет еще. Пусть послужит вам утешением вера в наше далекое будущее, надежда на которое помогает мне жить».

●

* Да, назавтра выйдет полоса «Гнев и возмущение», где люди самых разных специальностей честно признаются, что Пастернака не читали, но «в литературе без лягушек лучше», «Пастернак — автор эстетских заумных стихов, непонятных читателям» и так далее.

ЗОНА РИСКОВАННОГО ОТДЫХА





Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

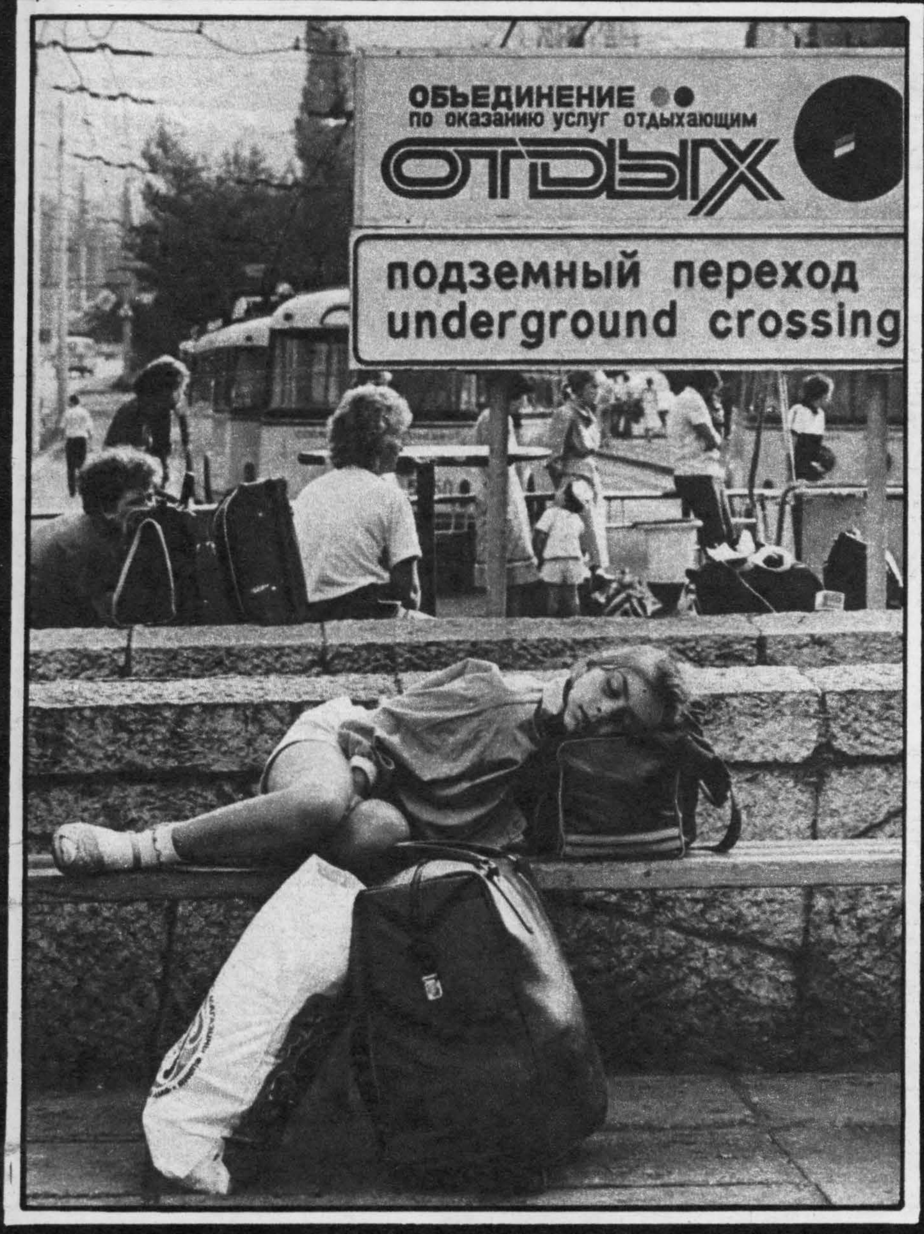
До чего привлекательна Большая Ялта с борта прогулочного теплоходика! Хорошо видны пляжи, парки над ними и светлые здания современной архитектуры. А сошел на берег, и действительность опровергла стороннее впечатление. Справа от причала — забор, слева — забор. Заборы уходили даже в море. Заборы поделили на загоны всю территорию от Гурзуфа до Фороса. И оказалось, что Большая Ялта только со стороны моря большая, а так она меньше меньшего — это жилые кварталы и неимоверно перенаселенные городские пляжи. Почему в Ялте все время упираешься в какой-нибудь забор? Кое-что разъяснила Светлана Григорьевна Левченко, работник горисполкома: ведомства! Заборы — их открытие, они помогли отсечь от окружающего мира хорошие куски зеленых массивов, пляжей, а заодно и моря.

Вот и оказалось, что в Ялте плотность отдыхающих за заборами на единицу площади раз в десять выше, чем в подведомственных загонах. Все санитарные нормы давно нарушены... В первую очередь это относится к городскому пляжу, на котором побиты все мыслимые рекорды по уплотнению вполне разгоряченных тел. В августе прошлого года в городе произошло ЧП: санэпидстанция закрыла городской пляж, а это потребовало от врачеи немалых усилий! Пришлось убеждать городские власти, что с эпидемиями шутки плохи, но отцы города ни в какую: пляж — место высокодоходное. Короче, оттеснить «дикарей» от их лежбища смогли только наряды милиции. С собаками...

В этом году ничего страшного пока не обнаружено, однако возбудители острых кишечных инфекций — брюшного тифа, дизентерии — чувствуют себя, надо думать, вольготно. Для их распространения в городе самая благодатная ситуация: в Ялте и сегодня есть городские районы без канализации. Зато до моря рукой подать... На санэпидстанции мне сказали, что, к сожалению, нет препаратов, позволяющих определить содержание мочи в морской воде. Но она есть. Как не быть! Во всяком случае, в районе соседнего с городским пляжа дикого, где купаться запрещено, но купаются, туалетов нет. Нет туалетов. А купаются в этом диком месте тысячи приезжих, жаждущих окунуться в соленую воду, покачаться на волнах. При спокойном море да ближе к вечеру в воздухе явно ощущается этакое амбре...

Главный государственный санитарный врач города Владимир Григорьевич Романенко в разговоре со мной назвал Ялту «зоной рискованного отдыха».

— Это ж надо! — воскликнул он. — Люди приезжают к нам, чтобы набраться здоровья, принять солнеч-



ные, а главное, морские ванны... И что за купания их поджидают?..

— Где же выход? — спросил я Евгения Александровича Желудковского, председателя постоянной комиссии по курортному хозяйству и туризму.

— Нужно прежде всего,— считает он,— использовать экономические рычаги. Пора ввести хозрасчетные отношения между местным Советом народных депутатов и ведомствами — владельцами здравниц. За эксплуатацию уникальных природных богатств Южного берега Крыма следует платить! И немалые деньги. Тогда у городского Совета наконец появятся средства на развитие курорта, благоустройство. Пока, как это ни дико, горсовет больше заинтересован в развитии... промышленности здесь, в Ялте! Да ведают ли депутаты, что значит Крым для трудящихся, какова его цена? Практически единственный доход города — курортный сбор с приезжего человека. Этих копеек хватает лишь на поддержание парков в более или менее приличном состоянии. А между тем реальная загрузка пляжей ведомственных здравниц достаточно невысокая, намного ниже среднего уровня. Вот как устроились!

— Хорошо бы обязать всех хозяев здравниц продавать невостребованные места городу,— мечтает Евгений Александрович.

Впрочем, в реальность своей мечты он и сам не очень-то верит.

— Основной поток отдыхающих попадает в Крым через Симферополь. И Ялта должна начинаться в Симферополе!— продолжал Евгений Александрович.— В том смысле, что там нужно заниматься перераспределением людского потока. Для этого необходима централизованная информационная система, из которой люди еще в Симферополе получали бы достоверные данные о том, где, в каких условиях и за какие деньги они смогут отдохнуть? А может быть, получали бы сразу и что-то вроде лицензии на свой отдых.

Хорошим регулятором потоков отдыхающих могла бы стать дифференцированная цена на жилье и другие курортные услуги. В зависимости от «престижности» места! Пока же официальная цена койко-дня одна и та же и в Ялте, и в селе Николаевке... Реальные цены, конечно, разные! Закон рынка — вот стихия квартиросдатчиков. Разумеется, никто из них не платит налог с разницы между ценой официальной и рыночной. Разницу в чистом виде кладут в карман.

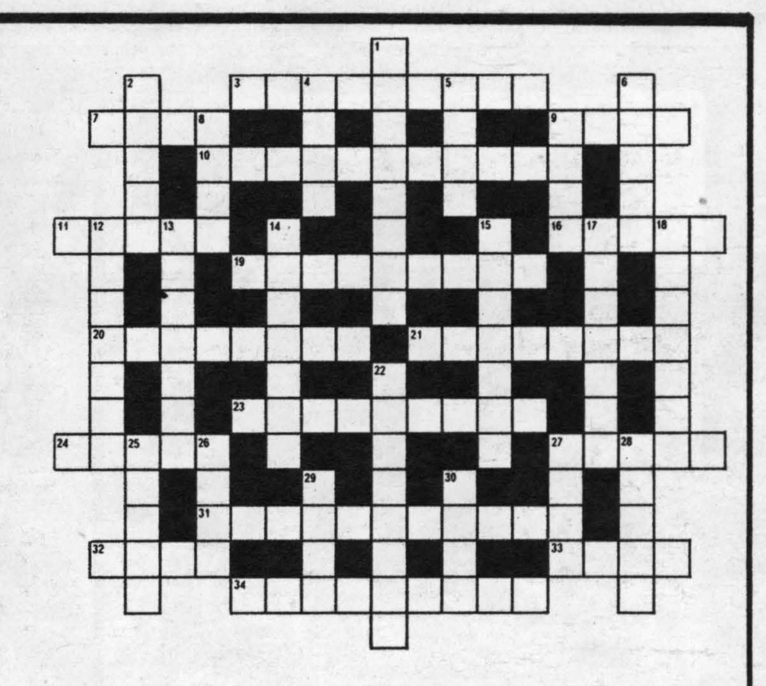
Уезжая из Ялты, я оказался неподалеку от фирмы «Отдых», размещающей, по возможности, на отдых «дикарей». О, здесь было многолюдно!.. Вовсю действовала неформальная биржа распределения и размещения живых душ. Наметанным глазом хозяйки выбирали себе постояльцев. Товара этого в летние месяцы с избытком.

— Возьмите меня! Я спокойная. И хорошая собеседница!— умоляла пожилая дама возможную благодетельницу.

— Не-е, женщина, вы мне не подходите,— отказала хозяйка.— Мне нужна супружеская пара либо две девушки, но чтобы худенькие. Чтобы на одну койку...

На парапете рядом с вещами спала девочка. Видно, ее маме пока не везло. Мама не знала, что Ялта — зона рискованного отдыха.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Полководец, участник Бородинского сражения в Отечественную войну 1812 года. 7. Автор гравюры с портрета Л. Н. Толстого в середине XIX века. 9. Действующее лицо в драме «Власть тьмы». 10. Город в Приморском крае. 11. Железнодорожное транспортное средство. 16. Капитан в романе «Война и мир». 19. Русский художник, иллюстратор романа «Воскресение». 20. Приток Днепра. 21. Народный художник СССР, иллюстратор романа «Война и мир». 23. Повесть Л. Н. Толстого. 24. Обратное движение ствола орудия после выстрела. 27. Действующее лицо в комедии «Плоды просвещения». 31. Деревня в районе Бородинского сражения в 1812 году. 32. Цыганка в драме «Живой труп». 33. Прикрепленное к древку полотнище с изображением на нем герба, эмблемы. 34. Название главы в повести Л. Н. Толстого «Юность».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Старый солдат в романе «Война и мир». 2. Рассказ Л. Н. Толстого. 4. Русский филолог, академик, установивший нормы русского правописания. 5. Земледелец в Спарте. 6. Пшеничный хлеб, употребляемый в Закавказье. 8. Графиня в романе «Война и мир». 9. Сельскохозяйственные животные. 12. Повесть Л. Н. Толстого. 13. Вид боевых действий, отражение наступления противника. 14. Адмирал, руководитель героической обороны Севастополя в XIX веке. 15. Артиллерийское подразделение. 17. Школьница. 18. Самая большая река в Бирме. 22. Каменные плиты, подножие колоннады в античной архитектуре. 25. Крестьянин, живущий на берегах Дона, Кубани, Терека. 26. Самый большой приток Дуная. 27. Часть реки, канала выше плотины, шлюза. 28. Литературный жанр, эпическое произведение. 29. Крестьянин в драме «И свет во тьме светит». 30. Город в Финляндии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Спутник». 5. Буровик. 7. Краснокамск. 9. Молот. 10. Карим. 11. Трактор. 13. Делегат. 14. Назаров. 15. Камерон. 17. Коронка. 19. Виварий. 20. Томат. 22. Балда. 23. Трансмиссия. 24. Желонка. 25. Аксиома.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Старт. 2. Поиск. 3. Самосуд. 4. Контакт. 5. Бакстон. 6. Куликов. 7. Конгломерат. 8. «Камаринская». 11. Тагиров. 12. Розарий. 15. Каротаж. 16. «Невеста». 17. Корсика. 18. Алидада. 21. Триод. 22. Бикин.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Владимира СВИРИДОВА

ОГОНЁК

Первый Международный фестиваль фольклора в Москве. Пять августовских дней с утра и до позднего вечера выступали в парках, залах, на площадях более трех тысяч исполнителей из 22 стран мира, из всех наших союзных и автономных республик, национальных округов.

Москвичи увидели красочные церемонии открытия и закрытия в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького и Государственном Центральном концертном зале, праздник народного обряда в Коломенском, выступления фольклорных ансамблей, выставки народных умельцев на ВДНХ СССР, в парках Измайлово и Сокольники, Колонном зале Дома союзов, московских дворцах и домах культуры.

Без взаимного обогащения различных культур — а это возможно только путем живого непосредственного общения — немыслимо само народное творчество. Кроме того, фестиваль стал своеобразным проявлением народной дипломатии.

Но что значат для современного, особенно городского, человека такие привычные понятия, как «народная песня», «обряд», «народное творчество»? Рождают ли отзвук, эхо в душе, без чего фольклорное искусство обречено на вымирание? Жаль, если для большинства зрителей фестиваль останется лишь эффектной, красочной, но декорацией, лубочной картинкой. И это объяснимо: мы почти утратили интерес к глубинной, народной культуре...

Международный фольклорный фестиваль будет проходить в нашей стране до конца двадцатого столетия, поочередно в столицах союзных республик, раз в два года. Символический жезл приняли от москвичей посланцы Киева. Но достаточно ли двух лет, чтобы мы из праздных (хотя и благодарных) зрителей превратились в искренних соучастников?..

Ирина МАЛЯРОВА

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ISSN 0131—0097